

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

**АНТИ-
СОВЕТЧИНА**

ИЛИ ОБОРОТНИ В КРЕМЛЕ

Валерий Евгеньевич Шамбаров Антисоветчина, или Оборотни в Кремле

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8708707

Валерий Шамбаров. Антисоветчина, или Оборотни в Кремле: Алгоритм; Москва; 2008

ISBN 978-5-9265-0576-1

Аннотация

Антисоветчина – борьба с Советской властью – была излишне романтизирована в 90-е годы XX века. Однако при ближайшем рассмотрении нарисованный образ выглядит не таким уж привлекательным. О том, как появляются враги государства внутри самого государства и почему корпоративные идеалы вдруг оказываются преданными даже их формальными защитниками, рассказывает новая книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова.

Содержание

Пролог	5
Что такое «план Хауса»?	7
Мир и «мировая закулиса»	10
Тайна сараевских выстрелов	16
Революция или удар в спину?	22
Скрытые механизмы Октября	28
Нашествие иноплеменных	34
Феномен Сталина	38
Почему не состоялось мировое господство США?	43
Россия в крови	47
Кто регулировал ход Гражданской войны?	54
Выброшенные на чужбину	59
Темная ночь над страной	64
Воры и государственники	69
От советских республик – к СССР	73
Кому править на Руси?	77
Запад и антисоветчина	82
«Веселый» нэп	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Валерий Шамбаров

Антисоветчина, или Оборотни в Кремле

© Шамбаров В.Е., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

Пролог

На российских календарях было 2 марта 1917 г. от Рождества Христова. На западных календарях – 15 марта... Государь император поставил свою подпись и отложил перо. Перед ним лежал Акт об отречении.

«Божьею милостью Мы, Николай II, император Всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр, и пр., и пр. объявляем всем Нашим верноподданным. В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу было угодно ниспослать на Россию новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны... В эти решающие дни в жизни России, почли Мы долгом своим облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего облегчения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие наше брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского... Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ней – повиновения Царю в тяжелую минуту всенародного испытания, и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай».

Рядом скорбно застыли приближенные. Прибывшие из столицы во Псков Гучков и Шульгин с трудом скрывали радость и нетерпение, желание тут же выхватить подписанную бумагу. А государю хотелось, чтобы они поскорее взяли ее и ушли. Исчезли с глаз долой... Он просто очень устал. Он отрекался только за себя и за горячо любимого сына, не желая ему тех треволнений и грязи, через которые пришлось пройти самому. И его подпись не предполагала никаких потрясений Российской державы. Николай Александрович верил, что вполне легитимно передает власть брату, передает рычаги управления вполне легитимному, популярному у народа и общественности правительству «в согласии с Государственной Думой»...

Ну а Гучков и Шульгин радовались, что настолько легко обманули царя, выманив подпись и узаконив правительство, не обсуждавшееся и не предлагавшееся никакой Думой, а составленное в узком кругу масонов-заговорщиков. И теперь это правительство сможет рулить вовсе не так, как видится императору. Изменит сами основы государственности, прекроит их по образцу уважаемой и солидной Англии и сделает Россию такой же уважаемой конституционной державой...

Царь не знал и не мог предположить, что его столь нагло обманули. И двое заговорщиков, примчавшихся из столицы, не знали, что они тоже обмануты своими собратями. Что все будет совершенно иначе. Не так, как грезили они. Не так, как уверяли их послы союзных держав. Никто из присутствующих не знал и не мог знать, к чему ведет только что совершившееся действие, в какие кошмары обрушивается оно страну и народ... И народ не знал, на какие кошмары он обрекает и себя, и данного ему от Бога царя, не поднявшись в его защиту...

И уж подавно никто, ни усталый царь, ни посланцы заговорщиков, ни подыгравший им генерал Рузский, ни траурно нахохлившиеся царедворцы, ни солдаты-часовые, равнодушно шагающие по снежным станционным путям, не знали другого. Что заговор против империи, реализовавшийся в их присутствии, вызрел вовсе не в Петрограде. И вовсе не в России. Даже

не в Европе, а за океаном. И свержение русского царя было отнюдь не самоцелью, а всего лишь одним из звеньев куда более широкого и глобального заговора.

Усиливался ветер, подхватывая снежинки по бескрайним полям, нес их поземкой, закручивал змейками и вихрями. Над Россией начиналась метель. Заметающая дороги, ослепляющая людей, засыпая им глаза, путая ориентиры, сбивая с пути и заставляя кружиться в своих студенох хаотичных потоках. Долгая, суровая метель...

Что такое «план Хауса»?

Доказательства того, что русская революция стала результатом операций отнюдь не внутренней оппозиции, а внешних сил, начали всплывать еще во время гражданской войны, хотя хода им не давалось, следы тщательно заматались, а компрометирующие документы прятались подальше. Тем не менее они существуют. Например, подборка материалов на данную тему содержится в десятичном файле (861.00/5339) госдепартамента США и свидетельствует об антироссийском сговоре американских банкиров. Центральный документ данной подборки – доклад «Большевизм и иудаизм», датированный 13 ноября 1918 г. В нем указано, что «революция в России была задумана в феврале 1916 г.» «Было установлено, что нижепоименованные лица и предприятия принимали участие в этом разрушительном деле». Перечисляются видный банкир из фирмы «Кун и Лоеб» Яков Шифф, другие руководители той же фирмы – Феликс Варбург, Отто Кан, Мортимер Шифф, Джером Хануэр, а также крупные американские финансовые тузы Гугенгейм, Макс Брейтунг, Исаак Зелигман.

Но нет, в деле были замешаны не только банкиры, не только «большевизм и иудаизм», и сговор был не только антироссийским. Он преследовал куда более грандиозные цели. В указанное время, в начале 1916 г. в кругах политической и деловой «закулисы» США вызрел план, который можно условно назвать «планом Хауса». Вам незнакомо это имя? Ничего удивительного, многим из современников оно тоже не было знакомо. Тем не менее полковник Хаус являлся одним из самых влиятельных людей планеты.

В 1912 г. крупнейшие банкиры США провели на пост президента Вудро Вильсона. Известного историка, увлекающегося профессора и яркого протестанта, убежденного чуть ли не в своей «мессианской» роли спасения Америки, а то и всего мира. Впрочем, воображать он мог все что угодно. Главным спонсором выборной кампании являлся видный нью-йоркский финансист Бернارد Барух. Он отличался от многих других собратьев тем, что не создавал крупных фирм, его называли «одиноким волком Уолл-стрита». Имел Барух и еще одну отличительную черту – он умел и любил делать бизнес на политике и на политиках. Но в выдвижении Вильсона он был отнюдь не одинок, его поддержали Дж. Морган, Шифф, Варбурги и др. А режиссерами и сценаристами, блестяще разыгравшими ход предвыборной борьбы, были Барух и финансист из Техаса Мандел Хаус.

И Хаус стал не только советником, но и ближайшим другом Вильсона. Разумеется, вовсе не простым другом. Хаус фактически направлял и регулировал политику президента. И как раз он ради этого поддерживал Вильсона в «мессианских» убеждениях. Этот «серый кардинал» подмял под себя госдепартамент, аппарат Белого дома и без лишней скромности именовал себя «я – власть позади трона»[6]. Ну а через Хауса действовала команда банковских олигархов, сделавших ставку на Вильсона. И в результате проводилась такая политика, что этого президента стали называть за глаза «марионеткой Ротшильдов» (и их ставленников в США – Моргана, Шиффа, Баруха и пр.)

Хаус формально оставался всего лишь «советником», скромно назывался «полковником», причем не армейским, а «техасским полковником» (в южных и западных штатах США подобное звание, принадлежавшее кому-то из предков, передается по наследству, превращаясь в титул) – но стоит ли удивляться, что его принимали на равных и радушно обхаживали ведущие политики Англии Асквит, Грей, Бальфур, Ллойд Джордж, французские лидеры Пуанкаре и Клемансо, итальянские и австрийские дипломаты, перед ним широко открывались двери в кабинеты канцлера Германии и кайзера Вильгельма II?

Россию Хаус ненавидел, считая главной конкуренткой США. И когда началась Мировая война, был крайне озабочен получившимся раскладом сил. Еще летом 1914 г. он внушал Вильсону, что победа Антанты «будет означать европейское господство России». Однако и

победу Германии он считал крайне нежелательной для США[6]. Откуда следовал вывод – победить должна Антанта, но без России.

Однако в 1914 г. о победе говорить было еще рановато. Антанта и Центральные Державы ослабляли и разоряли друг друга в затяжной войне, а нейтральная Америка быстро и невиданно богатела на поставках обеим сторонам, превращаясь из «мирового должника» в «мирового кредитора». Перед войной внешний долг США достигал 3 млрд. долл., в конце войны страны Антанты оказались должны США 2 млрд. долл. (тогдашних – для оценки по курсу 2007 г. надо умножить примерно на 20)[66]. Промышленный потенциал европейских держав был подорван, а в Америке военные заказы привели к настоящему буму – строились новые заводы, фабрики, находили сбыт сырье и сельскохозяйственная продукция. Население росло за счет бегущих от ужасов войны квалифицированных рабочих, трудолюбивых фермеров, образованных интеллектуалов.

И такое возвышение США подталкивало к дальнейшим претензиям, уже политическим и геополитическим. Именно это и предусматривалось «планом Хауса». Правда, повторюсь, данное название чисто условно. Во-первых, автором плана наверняка был не он один. А во-вторых, неизвестно, существовал ли подобный план в виде единого документа. Но сохранились дневники, письма полковника Хауса[6], исследуя которые, можно утверждать вполне определенно – такой план был (хотя некоторые исследователи избегают термина «план» – скажем, видный американист А.И. Уткин пишет не о «плане», а о «стратегии Хауса», в чем автор не видит принципиальной разницы). Можно выделить и основные звенья этого плана. *А целью его являлось не более не менее как установление мирового господства США.* Но достижение этой цели предполагалось не военными средствами, а политическими, экономическими, финансовыми и пропагандистскими. Для чего, по замыслам Хауса, следовало:

- После того, как Америка пожала все плоды нейтралитета, требовалось пожать и плоды победы. А для этого США должны были вступить в войну. Но вступить только после свержения русского царя – чтобы сама война приобрела характер борьбы «мировой демократии» против «мирового абсолютизма». Об этом Хаус писал Вильсону еще летом 1916 г.! А ведь срок вступления США в войну оговаривался с державами Антанты заранее. И определялся на весну 1917 г.

- Но и крушением русской монархии ограничиваться не следовало. Россия должна была пасть окончательно и выйти из войны. В этом случае Центральные Державы навалятся всеми силами на Запад. А французам, англичанам, итальянцам останется надеяться на спасение уже не со стороны русских, а только на американцев. А значит, США получали возможность диктовать им любые условия.

- Победу над Германией и ее союзницами предполагалось обеспечить не столько военными, сколько пропагандистскими средствами. Президенту США следовало объявить, что война ведется не против народов этих стран, а только против агрессивных монархических режимов, искать опору в «демократических» кругах противостоящих государств, всячески поощрять их, заигрывать с ними – и тем самым инициировать революционные процессы. Пусть «демократы» валят своих монархов, веря, что Америка таким исходом вполне удовлетворится и готова будет заключить почетный мир.

- После победы выдвигался проект «фактического пересмотра системы международных отношений». США до начала XX в. традиционно придерживались политики «изоляционизма»: согласно доктрине Монро, не допускали европейского вмешательства на Американском континенте, но и сами в дела Старого Света не лезли. В результате европейские державы без них переплелись сложными системами взаимных договоров, трактатов, соглашений. Втискиваться и вписываться в эту систему, по «плану Хауса», было бесперспективно

и вредно. Ее предстояло смести напрочь, для чего выдвигался лозунг «отмены тайной дипломатии». Объявить старую дипломатию «плохой», осудить и отбросить, а на чистом месте строить новую.

- Главной стратегической партнершей в достижении этих целей для США должна была стать Англия. Хаус указывал: «Если не обсуждать условий мира с другими союзными державами, то наша страна и Англия окажутся в состоянии диктовать условия». Но альянс предполагался заведомо нечестным. Он требовался, чтобы вместе подорвать силы России, ограничить интересы Франции, Италии, Японии. Однако при этом американцы готовились исподтишка подложить свинью и англичанам.

- Ну а в итоге всех усилий выделось – «надо построить новую мировую систему». С образованием «мирового правительства», где будет лидировать Америка. Сделать это предполагалось пропагандой «демократических ценностей». Поставить их во главу угла, провозгласить самодовлеющей величиной, приоритетом всей международной политики. Благоприятные условия для подобной пропаганды создавала катастрофа мировой войны, колоссальные жертвы. Эти бедствия объяснялись агрессивностью «абсолютизма», недостаточной «демократией» европейских держав. И утверждение «подлинной демократии» объявлялось единственным средством предотвратить подобные катастрофы в будущем. А США в таком случае выдвигались на роль мирового учителя демократии – и мирового арбитра. Они получили бы право влезать во внутренние дела других государств, оценивать и определять, какое из них в достаточной степени «демократично», а какое недостаточно. Читай – опасно для мирового сообщества со всеми вытекающими последствиями (еще раз напомним – эти проекты разрабатывались не в 1990-х, а в годы Первой мировой войны). И Хаус убеждал Вильсона: «Мы должны употребить все влияние нашей страны для выполнения этого плана».

- Что же касается России, то она, выйдя из войны, выбывала и из числа победителей. И ее саму можно было пустить в раздел вместе с побежденными. Задолго до небезызвестного Збигнева Бжезинского Хаус писал: «Остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделенная Европейская часть страны»[6]. При этом на осколки России следовало «распространять нашу финансовую, промышленную и моральную поддержку по всем мыслимым направлениям», и они превращались в сырьевые придатки и рынки сбыта США.

Кстати, Манделу Хаусу очень не нравилось и русское Православие. А поскольку Вильсон, как отмечалось выше, был фанатичным протестантом, «серый кардинал» вполне находил у него понимание, убеждая президента, что эта вера «слишком ортодоксальна», поэтому русские вообще не являются «настоящими христианами». В общем, для интеграции России в «новую мировую систему» Православие считалось желательным тоже разрушить и заменить религией «наподобие протестантских»[6].

Нетрудно увидеть, что с 1917 г. события начали развиваться как раз по тому сценарию, который получил отражение в архивах всемогущего президентского советника. Ясное дело, реализовывал проекты не он один. Участвовали в выполнении «плана Хауса» американские и европейские политики, участвовали западные дипломаты и спецслужбы. Участвовали и русские революционеры, общественные деятели – хотя из них только считанные единицы знали, на кого они, в конечном счете, работают и чей заказ исполняют. Но были и такие, кто это знал.

Мир и «мировая закулиса»

Понятие «мировой закулисы» ввел в обиход великий русский философ И.А. Ильин. А сложилась эта «закулиса» во второй половине XIX в. благодаря традиционной практике, когда доступ тех или иных лиц в среду крупных банкиров и промышленников осуществлялся, как правило, через систему браков. Практика, в общем-то, понятная. Семейные связи были удобны для поддержания кредита доверия, для более успешных операций, концентрации капиталов, охвата новых сфер деятельности.

Так, в Австро-Венгрии, Франции, Англии заворачивали делами три ветви Ротшильдов. Они были в родстве с германскими банкирами Варбургами, британскими Мильнерами, российскими Бродскими, Варбурги породнились с российскими Гинзбургами. Представителем Ротшильдов в США стал Дж. Морган, быстро выдвинувшийся на роль ведущего банкира Америки. Еще один сотрудник Ротшильдов, Яков Шифф из семьи франкфуртских банкиров, тоже переехал в США, женился на дочери некоего Куна и поступил в его фирму «Кун и Лоеб». Путем браков в компанию «Кун и Лоеб» вошли братья гамбургского банкира Макса Варбурга Пол и Феликс, представитель семейства финансистов из Мангейма Отто Кан. Благодаря этому «Кун и Лоеб» стал вторым по значению банком США после компании Морган. Шифф был также связан с Гарриманами, Гульдами, Рокфеллерами, Оппенгеймерами, Гольденбергами, Магнусами, ведущим британским производителем оружия Виккерсом. А была и швейцарская ветвь Варбургов, двоюродных братьев Макса. В родстве с Варбургами были датские банкиры Дель Банко. С ними были связаны также британские и германские Шредеры...

Таким образом, возник своеобразный «финансовый интернационал». Но банкирские круги через подконтрольную им прессу определяли и «общественное мнение» различных стран. И имели значительное влияние на правительства. В демократических державах такое влияние было абсолютным, поскольку победа на выборах определялась финансовыми возможностями сторон. Связи между политическими и деловыми кругами тут даже и не скрывались, и сама политика направлялась в зависимости от интересов американских, британских, французских банков и промышленных корпораций. В государствах монархических, особенно в России, это влияние было значительно слабее, но оно все равно существовало, проводилось через «покровителей» крупных компаний в правительстве, окружении царя.

А кроме родственных связей деловые и политические круги различных государств переплетались другими – масонскими. Это тоже было полезно с практической точки зрения. Обеспечивало поддержку, взаимопомощь, нужные знакомства, координацию действий. Так, упомянутый Яков Шифф добился успехов не только благодаря своим качествам гениального финансиста, но и из-за того, что являлся членом иудейской ложи «Бнайт брит», став в ней одним из высших иерархов. Высокопоставленным масоном был и полковник Хаус – несомненно, это сыграло определяющую роль в его карьере. Впрочем, без принадлежности к «вольным каменщикам» с некоторых пор карьера была практически невозможной в британской, французской политике, в армиях и спецслужбах западных держав.

Причем масонские связи, как и родственные, были наднациональными, позволяя взаимодействовать структурам в различных государствах, объединять усилия с выгодой для себя. И еще в начале XX в. стала впервые выдвигаться идея «нового мирового порядка». Она была изложена в так называемом «Плане Марбург», в разработке и финансировании которого принял участие американский мультимиллионер Эндрю Карнеги. Указывалось, что правительства различных стран должны быть «социализированы», а реальная власть будет принадлежать финансистам. Идею подхватили Макс Варбург, Отто Кан, Барух, Гувер, президент лондонского банка «Джойнт Сток» (и глава «Великой ложи Англии») лорд Мильнер[158].

И к этому же времени, к рубежу XIX – XX вв., «мировая закулиса» определила Россию своей главной противницей. Сразу по нескольким параметрам. Во-первых, после отмены крепостного права наша страна совершила гигантский промышленный рывок. Вышла на одно из ведущих мест в мире по показателям экономического развития, а по темпам роста производства обогнала всех, лидировала в науке и культуре, ее население, сильное и здоровое, динамично увеличивалось, и, по прогнозам Менделеева, должно было достичь в XX в. 600 млн. человек... Словом, Россия становилась слишком сильной конкуренткой стран Запада. Во-вторых, наша страна осталась при этом самодержавной монархией, то есть, оказалась препятствием для планов «нового мирового порядка». Наконец, Россия являлась мировым оплотом Православия. И, соответственно, врагом для масонства с его богоборческими установками.

Подрывная работа против нашей страны велась очень давно. Так, зарубежные масонские круги исподтишка инициировали восстание масонов-декабристов. Брались под покровительство оппозиционеры типа Герцена. Финансировались и снабжались оружием кавказские горцы, польские сепаратисты. Использовалось и другое оружие, идеологическое. С начала XIX в. в Россию внедрялись разрушительные либеральные теории. Ну а потом стали внедряться социалистические. Это облегчалось тем, что и международные социалистические структуры были связаны с «мировой закулисой». Те же банкиры финансировали социалистические газеты, выборные кампании, партии – и через их лидеров получали возможность держать под контролем рабочее движение, проводить нужные решения в парламентах. Многие видные социалисты принадлежали и к масонским кругам. А против России социалисты для правительственных и теневых сил Запада являлись естественными союзниками – еще Маркс и Энгельс называли нашу страну главным врагом революционеров из-за той стабилизирующей роли, которую она играла в Европе.

Слабые и разрозненные социалистические кружки в России, группы политэмигрантов сами по себе не представляли для государства ни малейшей опасности. Влияние их было ничтожным, революционеров легко отслеживала и вылавливала полиция. Но в начале XX в. они вдруг начали получать весомую поддержку от зарубежных «коллег» из II Интернационала. Да и западные разведки никак не могли оставить без внимания столь полезных людей. И можно отметить, что революционерам в данное время стала оказываться не только денежная, но и прямая организационная помощь. В 1902-1903 гг. *кто-то* (отнюдь не сами революционеры) создает эффективную и разветвленную систему побегов из сибирских ссылок, снабжения фальшивыми документами. *Кто-то* организует систему «окон» для нелегальных переходов границы, переправки литературы (и вот тут без содействия иностранных спецслужб обойтись никак не могло).

Важную роль в этих операциях играл видный австрийский социалист Виктор Адлер, связанный, с одной стороны, с Ротшильдами, а с другой, со спецслужбами Австро-Венгрии. Он выполнял функции «отдела кадров», выискивая среди российских революционеров «перспективные» кандидатуры. Другой ключевой фигурой стал Александр Парвус (Израиль Гельфанд), связанный со спецслужбами Германии и Англии. Он привлек под свое «крыло» Ульянова-Ленина, Мартова и др., наладил выпуск «Искры», начав вокруг нее формирование нового, боеспособного ядра российской социал-демократической партии. Весьма показательной выглядит и карьера Троцкого. В 1898 г. за участие в создании революционной организации он был арестован и угодил в Сибирь. В тюрьме написал трактат о масонстве, в ссылке подрабатывал газетными публикациями. И его литературные таланты (а возможно, и интерес к масонству) были замечены. В 1902 г. для него, никому еще не известного и ничем не зарекомендовавшего себя, устроили побег, по цепочке конспиративных явок благополучно передали от Иркутской губернии до Австрии. В Вене он явился не к кому иному, как к Адлеру, был оценен, обласкан, снабжен деньгами и документами и направлен в Лон-

дон к Ульянову. Потом Льва Давидовича берет под покровительство Парвус, даже поселяет в своем мюнхенском особняке, где учит «уму-разуму»[182, 198].

Причина подобной активизации революционеров открылась в 1904 г., когда против России была начата первая глобальная диверсия. Когда ее сравнили с Японией, а одновременно взорвали ее тыл революцией. То и другое осуществлялось одними и теми же теневыми кругами. Американские банкиры во главе с Шиффом обеспечили для Токио займы, позволившие японцам вести войну[158, 177]. Великобритания обеспечила дипломатическую поддержку – как только на Дальнем Востоке зазвучали выстрелы, русские очутились в международной изоляции, против них сплотились США, Англия, Франция, Турция. Германский кайзер, вроде бы, принял сторону царя, но за это навязал кабальный торговый договор, а немецкая и австрийская разведки вовсю подыгрывали японцам[129].

Часть из тех же займов, не менее 10 млн. долл., была пущена на диверсионную работу, т. е. на подпитку революции. За рубежом буквально накануне войны, в январе 1904 г., были созданы нелегальные организации русских либералов, будущие партии кадетов и октябристов, начавшие раскачку страны. Французские и британские банкиры постарались обвалить российские ценные бумаги, чтобы политический и военный кризис дополнился финансовым. При поддержке германских, австрийских и турецких спецслужб через границу поехали десанты подготовленных революционеров, пошли транспорты с оружием для боевиков (в частности, этим занимался Красин, связанный с немецкой разведкой). А масоны в царском правительстве во главе с премьером Витте подтолкнули Николая II издать Манифест о даровании аминтии, политических свобод и введении парламентского правления. Никакого успокоения он не принес, наоборот, революционеры получили возможность действовать открыто, и ситуация вообще вышла из-под контроля.

Однако революция обернулась «фальстартом». Воспользовавшись ослаблением России, сразу же стала бряцать оружием Германия, что встревожило французов и англичан. А чрезмерное усиление Японии не устраивало американцев. Поэтому при посредничестве США между Россией и Страной Восходящего Солнца был быстренько заключен компромиссный Портсмутский мир, а финансовые потоки, питавшие революцию, вдруг пресеклись.

И как только она лишилась зарубежной поддержки, справиться с ней оказалось не так уж сложно. В России нашлось вполне достаточно здоровых сил – верные правительству воинские части, казачество, массовые патриотические организации вроде «Союза Русского народа», успешно противостоявшие революционерам. А чрезвычайные меры и военно-полевые суды, введенные Столыпиным, заставили поджечь хвосты разгулявшихся террористов. И революция захлебнулась. О том, насколько мало значили российские социалисты сами по себе, можно судить по их состоянию в 1907-1912 гг. В своем отечестве практически всех революционеров пересажали. Тех, кто бежал из ссылки и пытался реанимировать нелегальную работу, быстро арестовывали и возвращали в места не столь отдаленные. А их коллеги, нахлынувшие в эмиграцию, бедствовали без денег и перессорились, разбившись на массу течений и группировок, враждовавших между собой[89].

Но после некоторого перерыва началась подготовка новой атаки на Россию. Старт был дан за океаном. Американская пресса раздула очередную кампанию по обвинению нашей страны в «антисемитизме». В конце 1911 г. правительство США под давлением банкиров из группы Шиффа денонсировало русско-американский торговый договор 1832 г. А в 1912 г. в Нью-Йорке состоялся международный сионистский съезд. Отнюдь не тайный, он проходил открыто и торжественно. Ход его широко освещался прессой – в частности, газета «Нью-Йорк сан» оповестила о том, что выступивший на съезде Герман Лоеб провозгласил задачу «поставить Россию на колени»[136, 158]. Для этого был создан специальный фонд, в деле приняли участие Шифф со своими компаньонами, Ротшильды, Варбург, Барух, Мильнер

и др. И, кстати, тогда же, в 1912 г. банкиры протолкнули на пост президента США свою креатуру Вудро Вильсона.

Разумеется, не по случайному совпадению сразу же обозначился очередной подъем активности российских революционеров. В Петербурге в 1912 г. сформировалась и развернула бурную работу большевистская фракция Думы, при ней начала выходить газета «Правда». Ленину после прошлой революции, несмотря на обращения к Адлеру, австрийские власти запрещали обосноваться на их территории. В 1912 г. все неожиданно переменялось, разрешили поселиться в Кракове возле самой границы. И австрийская полиция старательно закрывала глаза на то, как к нему из России и от него в Россию хлынули косяками нелегальные гости[89]. Проходит Пражская конференция большевиков, создается свой, отдельный от меньшевиков ЦК – и Русское бюро ЦК для работы внутри страны. Делается попытка сплотить расколовшуюся социал-демократию вокруг фигуры Троцкого, не принадлежавшего ни к большевикам, ни к меньшевикам – для этого созывается Венская конференция, которая провозглашает создание Августовского блока (хотя на деле никакого объединения не получилось, эмигрантские группировки уже успели слишком сильно разругаться друг с другом).

О заблаговременной подготовке операций против России свидетельствует и феномен образования своеобразных «пар». Яков Свердлов – большевик, «полевой командир» в России, а его брат Вениамин едет в США и как-то очень уж быстро создает там собственный банк. Приехал скромный юноша, сынишка гравера из Нижнего Новгорода, а через пару лет уже банкир, имеет офис в фешенебельном небоскребе в центре Нью-Йорка, на Бродвее[173]. Правдоподобно, как вы считаете? Но учтем, что его банк занимался переводами денег от еврейских эмигрантов «бедным родственникам» в России. А там проверь, сколько, кому, от кого и на какие нужды... Но одновременно и Якова Свердлова кто-то настойчиво продвигает в большевистской иерархии. Он сидит себе в ссылке, ничем себя еще не проявил, кроме создания террористических организаций на Урале, а его заочно вводят в ЦК, в Русское бюро ЦК.

Еще одна «пара» – братья В.Р. и А. Р. Менжинские. Один – большевик, другой – крупный банкир, член правления Московского Соединенного банка[177]. Наконец, Лев Троцкий – революционер в эмиграции. А в России действует его дядя – Абрам Животовский, который за 12 лет из помощника провизора становится купцом первой гильдии, банкиром и миллионером. Родственные отношения дядюшка и племянник между собой поддерживали, не прерывали. Их родственниками были также Каменев (Розенфельд), женатый на сестре Троцкого, Мартов (Цедербаум) – его сестра вышла замуж за племянника Троцкого. Отметим, что Животовский, как водилось, вошел в мир финансистов не без помощи масонских связей (в 1909 г. по делу Бебутова он возглавлял список из 385 видных масонов России). И не без установления брачных связей. В частности, породнился с крупнейшими киевскими тузами Бродскими, которые, в свою очередь, были в родстве с Ротшильдами, Каганами, Грегорами, Горовицами[58]. Животовский стал родственником и для Варбургов, Гинзбургов. Но таким образом и Троцкий, Каменев, Мартов стали не просто революционными вожаками, а членами международной банкирской «семьи».

Об этом свидетельствует и некое особое отношение к Льву Давидовичу со стороны теневого международного сил. В 1905 г. сам Адлер обеспечивает ему переход границы, в России его опекают столь высокопоставленные эмиссары «закулисы», как Парвус и Красин, проталкивают молодого, впервые вышедшего на «политическую арену» революционера сразу же в руководство Петербургского Совета. После ареста ему опять организуют побег за границу, раскручивают до уровня бестселлера его мемуары. Австрийские спецслужбы «дарят» ему газету «Правда», прежде принадлежавшую украинским националистам. Троцкого финансирует видный деятель германской социал-демократии Хильфердинг,

выплачивая по 3 тыс. крон в месяц. А Адлер вводит его в политический «бомонд» Вены, Лев Давидович запросто общается с австрийскими социал-демократическими тузами, запросто играет в шахматы с самим бароном Ротшильдом.

Имеются данные, что он был связан не только с политиками. В архивах сохранились документы, свидетельствующие, что Троцкий в данное время работал на австрийскую политическую полицию и разведотдел генштаба Австро-Венгрии, где состоял под началом полковника Таковского[35, 174]. Когда началась Балканская война, он едет на фронт в качестве корреспондента газеты «Киевская мысль» (финансируемой Бродскими и Животовским). Очевидно, передал немало ценных материалов своим австрийским покровителям. Да и не только австрийским – Лев Давидович по-прежнему поддерживал регулярные связи с Парвусом, который к этому времени устроился в Стамбуле, стал советником турецкого правительства, имел собственную разведывательную сеть (Радек, Раковский и др.) и поставлял информацию в несколько адресов: туркам, спецслужбам Германии и Бэзилу Захарову, руководителю британской разведки на Балканах.

Упрочение контактов революционеров и иностранных спецслужб в 1912-1914 гг. было, конечно же, не случайным, а целенаправленным. Ведь опыт 1905 г. показал, что в случае крушения России лидирующее место в Европе неизбежно займет Германия. А это «мировую закулису» совершенно не устраивало. Решение проблемы было однозначным – столкнуть русских и немцев друг с другом. В общем-то, войны желали многие государства. Немцы рвались к мировому лидерству, завидовали более «старым» колониальным державам и мечтали переделить земной шар. Австрийцы желали господствовать на Балканах. Для англичан Германия с ее колониальными аппетитами и быстрым наращиванием флота становилась главной соперницей. Французы жаждали расквитаться за поражение в 1871 г. и вернуть утраченные Эльзас с Лотарингией.

Но у России территориальных претензий к соседям не было. Делить с немцами ей было абсолютно нечего. Дальнейшего расширения территории ей не требовалось, а мирное строительство сулило гораздо большие выгоды, чем война. Существовало родство (и определенные симпатии) между монархами двух стран. И они неоднократно предпринимали попытки к сближению и нормализации отношений. В 1905 г. на встрече в Бьерке, в 1910 г. на встрече в Потсдаме. Однако в окружении обоих монархов имелись «советники», каждый раз блокировавшие такие попытки и сводившие их на нет. Нашу страну усиленно втягивали в антигерманский лагерь. Англия, еще недавно величавшая Россию «страной кнута, погромов и казненных революционеров», называвшая царя за смертные приговоры террористам «обыкновенным убийцей», руки которого «обагрены кровью тысяч лучших его подданных», сменила вдруг гнев на милость, согласилась видеть в русских не исконных соперников, а друзей и союзников, пошла на разграничение сфер влияния в Иране, Тибете, начались визиты на высшем уровне. Французские банкиры, забыв об аналогичной антироссийской истерии, не скупилась на военные займы Петербургу.

Зато истерия раздувалась теперь в Германии. Возникали и пропагандировались грандиозные планы «Великой Германии», включая значительную часть Европы, а также и Прибалтику, Польшу, Украину, Кавказ, Крым – которые следовало отобрать у России. Насаждалась идеология пангерманизма, уже тогда появились теории «превосходства германской расы»[51, 196]. Начальник генштаба Мольтке писал: «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами». Германский идеолог Бернгарди поучал: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов». Ему вторил другой официальный идеолог, Рорбах: «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности». Подобные идеи увлекали и самого Вильгельма, неуравновешенного и обуянного комплексами.

Что ж, для кайзера, для его воинственных генералов, для милитаризованных и возбужденных лозунгами «места под солнцем» и «крови и железа» германских обывателей это и впрямь было заманчиво. Победить, завоевать, создать мировую сверхдержаву. Но финансировали подобную пропаганду, ясное дело, не обыватели. Финансировали банкиры и промышленники, которым война сулила не «кровь и железо», а сверхприбыли. Банкиры, связанные со своими британскими, французскими, американскими собратьями. На их деньги функционировали и раскручивали военную агитацию многочисленные соответствующие организации: «Пангерманский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Флотское товарищество», «Морская лига», «Союз обороны», «Югендвер», «Юнгдойчланд бунд» и т. п. Банкиры и промышленники обеспечивали бешеное наращивание вооружений – оно осуществлялось в таких масштабах, что Германия к 1914 г. оказалась загнана в настоящий «финансовый тупик». Она уже не могла не воевать! Иначе она обрушилась бы в грандиозный финансовый кризис[51].

К войне готовились не только армия и флот, готовились к ней и германские спецслужбы. И интересен факт, что одним из их руководителей стал крупнейший из немецких финансистов, гамбургский банкир Макс Варбург. Он курировал деятельность «Коммиферейна», профессионального объединения немецких приказчиков и коммивояжеров в разных странах. Для них специалистами военного министерства была разработана форма отчетов, которые они обязаны были регулярно посылать в правление союза. И отчеты превратились в полноценные разведдонесения. Циркулярами генштаба № 2348 от 7 апреля 1908 г. и № 2348-бис от 22 июня 1913 г. в представительства разведки были превращены филиалы немецких фирм в России, в состав их сотрудников направлялись профессиональные шпионы[129]. Заранее создавались и каналы будущего финансирования подрывной работы. Для этого в 1912 г. под эгидой Макса Варбурга в Стокгольме был образован «Ниа-банк» Олафа Ашберга.

По-своему готовились к войне и в США. В этой стране из-за постоянной нехватки финансов для развития национальной промышленности действовал закон, запрещавший вывоз американских капиталов за рубеж. В 1913 г. Вильсон и Хаус добились его отмены. И сумели провести закон о создании Федеральной Резервной Системы (ФРС) – по функциям соответствующей нашему Центробанку, имеющей право печатать доллары, но она является не государственной структурой, а «кольцом» частных банков и независима в своих решениях от правительства. Что ни говори, а факт многозначительный. Генштабисты Германии, Австро-Венгрии, России, Франции, Англии, каждые по-своему, планировали короткую победонсную войну, в одну кампанию. А воротилы США, выходит, уже предвидели, что война будет тяжелой, затяжной. Предвидели и готовились наживаться на займах и поставках сражающимся сторонам. Не менее важным представляется и другой факт. Вице-президентом ФРС стал Пол Варбург. Компаньон Шиффа из фирмы «Кун и Лоеб» и родной брат германского Макса Варбурга.

Тайна сараевских выстрелов

На российских календарях было 15 июня 1914 г. от Рождества Христова. На западных календарях – 28 июня... По запруженным людьми улицам боснийского города Сараево двигался кортеж из нескольких открытых машин. Первая из них свернула с набережной Аппель в узкую улочку Франца Иосифа, за ней свернула вторая. На сиденье подскочил генерал Поттиорек и начал ругать шофера, что тот поехал не туда. Шофер затормозил и попытался разворачиваться. Но это оказалось сложно. В сжатом пространстве улочки пришлось выезжать на тротуар, который был заполнен множеством публики. Шофер крутил баранку, Поттиорек злился. А из толпы шагнул бледный, напряженный юноша, очутившись совсем рядом с бортом машины, и поднял револьвер. Бил тупо, как автомат, трясущейся рукой, ничего не видя. В упор, но все равно промазал – две пули рванули белое платье молодой красивой женщины, сидевшей в автомобиле. Мужчина в великолепном мундире, ее сосед, подхватил и обнял ее, прикрывая собой, крикнул: «Софи, не умирай, ты обязана жить ради наших детей» – и в это время третья пуля попала в него. Толпа скрутила стрелявшего, а он изворачивался, сунув в рот ампулу с ядом...

И весь мир закувыркался в пропасть. Впрочем, три выстрела, даже и сразившие наследника австрийского престола Франца Фердинанда вместе с женой, никак не могли привести к такому катастрофическому результату. Сами по себе – не смогли бы. Но они были всего лишь стартовыми выстрелами. Война могла разразиться гораздо раньше. Было два Марокканских кризиса, два Балканских. Германия откровенно угрожала, Австро-Венгрия несколько раз объявляла мобилизации. Но Россия каждый раз занимала сдерживающую позицию. К ней примыкала Англия, твердо давая понять, что не останется в стороне. И Центральные Державы шли на попятную. Созывались международные конференции, утрясали конфликты мирным путем.

Хотя на самом деле действовал и другой фактор. Мировлюбие России, ее готовность искать компромиссы и идти на уступки воспринимались в Берлине как доказательство ее слабости, страха перед войной. И от кризиса к кризису Германия и ее союзники все больше наглели, вели себя все более высокомерно. Другой вопрос, что кайзер считал еще не готовыми к войне свои вооруженные силы, особенно флот. Что толку одолеть Францию, если ее колонии хапнут англичане? Что толку одолеть даже и Англию, если на ее владения наложат лапу американцы и японцы? А в победе Германия была уверена. Еще в 1905 г. был разработан план Шлиффена, учитывающий разницу сроков мобилизации в Германии и России. Пока русские будут собирать свои армии и сосредотачивать на западных границах, немцы бросают все силы на Францию и молниеносно громят ее. А потом высвободившиеся контингенты перебрасываются на Восток и вместе с австрийскими армиями наносят впечатляющее поражение русским, окружая и уничтожая их войска...

Учитывая готовность германской армии и флота, срок начала войны, лето 1914 г., намечался заранее. Он прозвучал на совещании Вильгельма II со своими военачальниками 8 декабря 1912 г. (тема совещания так и формулировалась – «Наилучшее время и метод развертывания войны»)[189, 196]. Этот же срок, лето 1914 г., указывался в 1912-1913 гг. в донесениях русских военных агентов в Германии и Швейцарии, Базарова и Гурко. Германские военные программы, изначально рассчитанные до 1916 г., были пересмотрены – с завершением к весне 1914 г. А в мае 1914 г. на совещании в Карлсбаде начальник германского генштаба Мольтке указывал своему австрийскому коллеге Конраду фон Гетцендорфу «Всякое промедление ослабляет шансы на успех».

Значительное внимание в планах Центральных Держав уделялось и Балканам. Им предстояло стать главным «призом» для союзницы-Австрии. Но не только. В 1913 г., когда

германский канцлер Бетман-Гольвег представил кайзеру доклад о ситуации в Балканском регионе, Вильгельм II на полях написал, что требуется «хорошая провокация», дабы иметь повод нанести удар. «При нашей более или менее ловкой дипломатии и ловко направляемой прессе таковую (провокацию) можно сконструировать... и ее надо постоянно иметь под рукой».

Действительно, повод для войны легче всего было найти здесь. Еще в 1879 г., после русско-турецкой войны, вмешавшиеся западные державы навязали свои условия мира, постарались лишить Россию плодов ее побед и перекроить границы возникших балканских государств. В 1908 г., воспользовавшись революцией в Турции, Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцоговину, находившиеся под ее мандатом, но формально считавшиеся турецкими. Однако на эти земли претендовала и Сербия, что вызвало первый Балканский кризис. В 1912-1913 гг. прогремели две Балканские войны. И опять австрийцы потребовали ограничить интересы сербов, Вену поддержал Берлин, Россия пошла на уступки, а Англия взялась посредничать и перекраивать границы.

В результате всех разделов и переделов Балканы превратились в клубок противоречий. Все остались недовольны – сербы, болгары, греки, македонцы, черногорцы, турки. А за ними стояли великие державы. Этот регион стал осиным гнездом игрищ спецслужб, бандитизма и терроризма. Одна за другой возникали тайные организации «Черная рука», «Народна одбрана», «Млада Босна», «Свобода» и пр. Но если Германия нацеливалась «skonструировать» провокацию на Балканах, то заниматься этим немецким агентам и дипломатам не пришлось. Вместо них провокацию «skonструировала» организация «Черная рука», возглавляемая начальником военной разведки Сербии Драгутином Дмитровичем (псевдоним «Апис»). Который был, несомненно, патриотом Сербии, ярким врагом Германии и Австро-Венгрии... Парадокс? Пожалуй, нет.

Дело в том, что Дмитрович, Танкосич и другие руководители организации были не только сербскими офицерами. Они были еще и масонами. И если Дмитрович-Апис осуществлял непосредственное планирование и командование операциями, то существовали и другие руководители, остававшиеся в тени. В частности, сербский министр Л. Чупа, видный иерарх «вольных каменщиков», связанный с масонскими кругами Бельгии и Франции. Именно он стоял у истоков «Черной руки», помогал создавать ее и регулировал ее деятельность. Велась она сугубо под патриотическими и панславянскими лозунгами, пропагандировалась идея «Великой Сербии» в границах XIII-XIV вв. А достижение этой цели было возможно только путем войны – чтобы в нее обязательно вмешалась Россия. Тогда Австро-Венгрия наверняка будет разгромлена, и «Великая Сербия» станет реальностью. Используя возможности военной разведки и ее бюджет, заговорщики создавали террористические структуры в Боснии, Македонии, Болгарии, пропагандировали воинственные настроения в самой Сербии. Одна из газет, контролируемых Дмитровичем, писала: «Война между Сербией и Австро-Венгрией неизбежна. Если Сербия желает жить по чести, она может сделать это только через войну...»

Король Сербии Петр Карагеоргиевич, премьер-министр Пашич подобных взглядов отнюдь не разделяли. «Военную партию» не раз одергивали и русские дипломаты – посол в Белграде Гартвиг, военный атташе Артамонов. Но «Черная рука» имела большое влияние среди офицерства, у нее были свои люди при дворе, в правительстве, скупщине (да ведь и масонские связи играли свою роль) – и власти ничего не могли с ней поделать.

Жертва теракта в Сараево была выбрана не случайно. Франц Фердинанд, наследник престола и главнокомандующий австро-венгерской армии, был в правящих кругах Вены одним из главных противников конфликта с Россией. Его устранение развязывало руки сторонникам войны. Кроме того, он был сторонником предоставления славянским народам империи равных прав с австрийцами и венграми – что могло выбить карты у сербских «велико-

державников», чешских и прочих сепаратистов. А для непосредственного участия в теракте была подобрана группа несовершеннолетних мальчишек – по австрийским законам они не подлежали смертной казни, а гипотетическая победа в войне давала им надежду освободиться из тюрьмы. Все были подданными Австро-Венгрии. Вроде бы, чтобы скрыть подлинных руководителей...

Но вот дальше начинаются странности. Перед покушением юных террористов привозят в Белград. Тренируют в стрельбе – и не где-нибудь, а в тире королевского парка Топчидер. Они получают револьверы и бомбы (сербского производства) не тайно, из рук наставников, а из государственного арсенала в Крагуеваце. Словом, будто нарочно создаются доказательства, что теракт организован Сербией (или правильнее без «будто»?) 2 июля мальчишек нелегально переправляют через границу. А 15 июля в Белграде происходит дворцовый переворот. Военная клика вынуждает короля Петра отречься от престола в пользу его сына Александра – молодого, неопытного, и отчасти находившегося под влиянием заговорщиков.

Проявляются странности и другого рода. Премьер-министр Пашич и посол России Гартвиг имели собственную агентуру и о подготовке к покушению узнали. Оба постарались предотвратить его. Пашич через сербского посланника в Вене предупредил австрийского министра Билинского, что в Сараево эрцгерцогу может угрожать опасность. Гартвиг успел сообщить в Петербург, и министр иностранных дел Сазонов передал предупреждение через румын. Но правительство Австро-Венгрии визит Франца Фердинанда в Сараево не отменило, и должных мер по обеспечению его безопасности почему-то не приняло.

Пацаны из организации «Млада Босна» были вовсе не профессиональными убийцами, ничего толком сделать не умели. Первое покушение предпринял Н. Габринович, кинув бомбу в машину эрцгерцога. Но взрыв искалечил другой автомобиль, переранил часть свиты и зевак, Франц Фердинанд не пострадал. Габринович прыгнул в реку, однако его догнали и поймали. Опасность, вроде бы, осталась позади. Франц Фердинанд был смелым человеком, он не стал прерывать визит. Посетил ратушу, затем решил заехать в госпиталь навестить пострадавших от взрыва. Однако первая машина в кортеже свернула не в ту улицу, за ней автоматически последовала вторая. Выявилась ошибка, произошла остановка. Прямо возле того места, где стоял еще один террорист, Гаврила Принцип...

Кайзер Вильгельм, едва лишь получив сообщение об убийстве, начертал на полях телеграммы «Jetzt oder niemals» – «Теперь или никогда». И приказал Мольтке начать подготовку операции против... Франции. Хотя, казалось бы, при чем тут Франция? А мировая пресса, не только германская и австрийская, но и западная, сразу же принялась нагнетать вокруг теракта международную напряженность. Хотя, казалось бы, еще ничего не было известно, мало ли аналогичных политических убийств случалось, скажем, в России?

Но австрийским властям очень быстро стало известно многое. Молодые люди в Белграде получили не только оружие, а еще и ампулы с цианистым калием. Да только яд «почему-то» оказался некондиционным. Принцип проглотил его, и его всего лишь вырвало. Террористы были захвачены живыми. Смогли назвать членов своей организации, кто их готовил, где и как готовили... 23 июля Австро-Венгрия предъявила Белграду ультиматум. От Сербии требовали чистки офицеров и чиновников, замеченных в антиавстрийской пропаганде, ареста подозреваемых в содействии терроризму. Один из пунктов содержал требование допуска австрийцев к расследованию на сербской территории и к наказанию виновных.

Принять этот пункт Сербия никак не могла. Официально – он нарушал суверенитет страны. Но премьер Пашич знал и другое: если даже дать согласие, австрийцы виновных *найдут*. И это станет отличным предлогом для нового ультиматума. Повод к войне все равно будет, но Сербия окажется в еще более невыгодных условиях. Король Александр воззвал к Николаю II, прося защиты. И царь обратился к европейским державам, предлагая меры по урегулированию конфликта. Но Вена такого урегулирования заведомо не желала, об этом

свидетельствует и неоправданно короткий срок, который давался для ответа на ультиматум – 48 часов. Чтобы нельзя было ничего предпринять. Пашич проявил чудеса дипломатического искусства, составляя ответ. Он принял все пункты, кроме одного. Вместо разрешения австрийцам вести расследование в Сербии предлагал передать вопрос Гаагскому международному трибуналу, заранее обещая подчиниться его решениям.

Но для Австрии было достаточно хоть какого-нибудь формального несогласия. 26 июля она разорвала отношения с Сербией, а 28-го объявила войну и открыла бомбардировку Белграда из тяжелых орудий. Царь пересылался телеграммами с Вильгельмом II, упрасивал добиться от Вены согласия на переговоры. Но все дипломатические шаги Петербурга игнорировались. И когда загрохотали пушки, Николай II решил оказать военное давление. Была объявлена частичная мобилизация Киевского, Одесского, Казанского и Московского округов, а 31 июля – полная мобилизация. При этом российский МИД разослал разъяснения, что мобилизация будет сразу остановлена в случае прекращения боевых действий и созыва конференции.

Однако кайзер использовал именно мобилизацию в качестве повода к конфликту. Объявил об угрозе со стороны России и 1 августа объявил ей войну. Правда, при этом начались такие «нестыковки», которые не лезли ни в какие дипломатические рамки. И вообще в рамки обычной логики не вписывались. Манифест кайзера и вся германская пропаганда кричали об угрозе союзной Австро-Венгрии со стороны русских. Но лавина германских армий ринулась вовсе не на восток, а на запад! И в тот же день, 1 августа, захлестнула нейтральный Люксембург, не способный ни для кого представлять ни малейшей угрозы. Немецкие части ворвались и в нейтральную Бельгию. А 3 августа Германия объявила войну Франции. Ну а Австро-Венгрия, в защиту которой от русских якобы выступили немцы, объявила войну России только 6 августа! На западе гремели бои, а на русско-австрийской границе еще несколько дней царил мир!

В развитии мирового кризиса могла сыграть решающую роль твердая позиция Англии – так же, как это случилось в нескольких предшествующих кризисах. Но в 1914 г. Лондон с какой-то стати проявил просто удивительную нерешительность. Дипломатические демарши предпринимала Россия, подавала голос Франция, а Британия держалась уклончиво и обособленно. Немцев не осаживала, поддержки союзникам не обещала. В кабинете министров и парламенте начались нескончаемые дебаты. Мало того, правительство Великобритании затеяло консультации с США. А полковник Хаус в данном случае как-то очень уж затянул с ответом на запросы Лондона. И в результате кайзер пребывал в полной уверенности, что Англия решила остаться в стороне от схватки. Германский посол в Лондоне Лихневский встретился с министром иностранных дел Греем и подтвердил эти предположения – Англия вмешиваться не будет[189].

Но она все же вмешалась. Только сделала это с серьезным запозданием, 5 августа, когда немцы вовсю громили бельгийскую армию и предотвратить бойню стало уже невозможно. Для Берлина вступление в войну Британии стало неожиданностью, как и присоединение к Антанте Японии. Если б знали заранее, глядишь, призадумались бы – но, опять же, что-либо менять было поздно. Со своей стороны и Германия привлекала союзников, 2 августа заключила тайный договор с Турцией. Болгария, Италия, Румыния принялись выбирать, к кому выгоднее примкнуть... Вот так началась Мировая война, унесшая 10 млн. жизней, перекоившая политические карты планеты, перевернувшая даже и человеческое сознание, все прежние системы ценностей.

Кому же были выгодны сараевские выстрелы? Очень многим. Но только не Сербии, подвергшейся оккупации и понесшей колоссальные жертвы. И не России. В конечном итоге и не Германской, не Австро-Венгерской империям, желавшим войны, но надорвавшимся и погибшим. Провокация оказалась выгодна победителям – Англии, Франции, США. Оказа-

лась выгодна «финансовому интернационалу», наварившему на войне колоссальные прибыли. Но она была выгодна и российским революционерам. Потому что без войны у них не было никаких шансов захватить власть. И выясняется, что сербские террористы действительно были связаны с некоторыми лицами в российской социал-демократии. Так, исследователи обратили внимание на фигуру Владимира Гачиновича. Он состоял сразу в трех тайных организациях, «Черная рука», «Млада Босна», «Свобода», и именно он являлся идейным руководителем сараевской группы мальчишек-боевиков. Известно, что Гачинович вращался в социалистических кругах, встречался с Троцким, Луначарским, Радеком, Мартовым. Имеются данные, что о подготовке теракта знали и Зиновьев (Радомысльский), Раковский (Раковер, Станчев).

Ну а что касается конкретных людей, чьими руками был создан предлог для войны, то все они плохо кончили. Захваченные австрийскими властями террористы из организации «Млада Босна» предстали перед судом. На Сараевском процессе неопровержимо были доказаны их связи с заговорщиками из сербских спецслужб. Попутно вскрылась и принадлежность некоторых подсудимых к масонству, как и принадлежность к «вольным каменщикам» организаторов теракта из «Черной руки» (доказательства этого, стенограммы допросов приводятся в работах исследователя сараевского убийства д-ра Вихля, директора исследовательского фонда «Национальный разведывательный центр» Е. Павлова и др.). Совершеннолетние обвиняемые Илич, Кубрилович, Иованович были приговорены к смертной казни и повешены. Остальные получили различные сроки тюрьмы, от 3 лет до пожизненного.

Но из всех лиц, задействованных в операции, до окончания войны и победы Антанты не дожил никто. Майор Танкосич и некоторые другие офицеры из «Черной руки» погибли на фронтах. А 16 человек во главе с Драгутином Дмитриевичем были арестованы сербским правительством в декабре 1916 г. К этому времени Сербия была полностью разгромлена и захвачена австрийцами. Остатки ее войск были эвакуированы на Салоникский фронт. Распоряжалось на этом фронте французское командование, сербов содержали на положении солдат «второго сорта», пушечного мяса. И сербскому правительству воли не давали, союзные генералы помыкали им как хотели. Но в данном случае снова происходили явления довольно загадочного свойства. Руководство «Черной руки» обвинили в заговоре и намерении открыть фронт австрийцам – что было совершенно нелепо, австрийцев Дмитриевич и его товарищи смертельно ненавидели. А французское командование в кои-то веки вдруг не стало вмешиваться в действия сербского правительства и закрыло глаза на явную надуманность обвинений. В начале 1917 г. все арестованные были осуждены и расстреляны.

Юные террористы Принцип, Габринович и Грабеч содержались в одиночных камерах в австрийской крепости Терезиенштадт. И в том же самом 1917 г. они умерли со странной синхронностью, с интервалом в несколько недель друг после друга. Предполагают, что их уморили голодом.

Ну а их руководитель Владимир Гачинович после убийства эрцгерцога сумел скрыться и избежать ареста. В конце 1914 г. он объявился в Париже. В кафе «Ротонда» встретился с Троцким, даже дал ему интервью для «Киевской мысли». Потом Гачинович тайно проживал в Швейцарии, попал в больницу и в августе 1917 г. ушел в мир иной. Почти одновременно со своими соратниками. Все данные говорили о том, что он был отравлен. По одной версии, его устранили австрийские спецслужбы, по другой – французские. И вот что любопытно. К этому времени в среде революционеров про Гачиновича давно забыли, его делишки совершенно заслонили глобальные события войны, падение русского царя. Но один деятель, как оказалось, помнил. Троцкий. Он уже находился в России, сидел в тюрьме после неудачного июльского путча. Но откуда-то узнал о смерти Гачиновича и счел нужным написать некролог. Единственный некролог, опубликованный по поводу кончины этого человека...

Осенью 1918 г., сразу после крушения Австро-Венгрии, при таинственных обстоятельствах исчезли протоколы Сараевского процесса. А в 1919 г., после подписания Версальского договора, австрийцы согласились вернуть сербам их архивы, захваченные в оккупированном Белграде. Но катер, на котором их перевозили по Дунаю, тоже исчез вместе со всеми архивами и командой. Просто не пришел к месту назначения, вот и все. В общем, «концы в воду»...

Стоит отметить еще одну особенность преступления в Сараево. После войны стала усиленно внедряться версия, будто за организацией теракта стоял российский военный атташе полковник генштаба В.А. Артамонов (а стало быть, и сам теракт был инспирирован русскими). Секретные документы из архивов царского военного и дипломатического ведомств, открывшиеся и опубликованные при советской власти, опровергли эту версию. Мало того, они убедительно показали, что Артамонов был решительным противником заговорщиков. И, тем не менее, несмотря ни на какие очевидные опровержения, «артамоновский след» широко утверждался в исторической и политической литературе. О нем писали за рубежом, его перемывал советский историк-троцкист М.Н. Покровский. Данную версию кто-то постарался подсказать и В. Пикулю, она отразилась в романе «Честь имею». Обратите внимание на этот прием. С подобными вещами мы еще встретимся. Тут мы имеем дело с типичной «версией прикрытия», призванной отвлечь внимание историков и широкой публики от истины.

Революция или удар в спину?

В западной литературе считается общепризнанным, будто «слабая» и «отсталая» Россия оказалась не готовой к войне, терпела поражения, надорвалась, что и привело в революции. Это не более чем пропагандистская ложь. Русская армия была вооружена и оснащена гораздо лучше французской или британской, а в тактике и обучении солдат превосходила немцев. Война началась блестящими успехами нашей страны. Россия сорвала германский план Шлиффена, разбила Австро-Венгрию, отобрав у нее Галицию, выиграла два сражения с немцами в Польше, разгромила под Сарыкамышем турок[196].

Но первый катастрофический удар Россия получила вовсе не от противников, а от союзников-англичан. Накопленные запасы вооружения и боеприпасов во всех воюющих государствах оказались недостаточными, и наше военное министерство разместило заказ на 5 млн. снарядов, 1 млн. винтовок, 1 млрд. патронов, 8 млн. гранат, 27 тыс. пулеметов, и другие виды оружия на британских заводах «Армстронг и Виккерс». Этого должно было хватить на летнюю кампанию. И заказ был принят с отгрузкой в марте 1915 г., но не выполнен вообще, причем русских даже не сочли нужным предупредить об этом заранее[189]. Результатом стал жестокий «снарядный голод», «винтовочный голод» – и «великое отступление», врагу пришлось оставить Польшу, часть Прибалтики, Белоруссии, Украины.

Тем не менее, Россия и с этим справилась. Причем без помощи союзников, собственными силами. В годы войны она совершила гигантский промышленный рывок, по масштабам своего времени сопоставимый с рывком 1941-1945 гг. Производство снарядов удалось увеличить в 20 раз, винтовок в 11 раз, орудий – в 10 раз, по их выпуску наша страна обогнала и Англию, и Францию[164, 189]. Уже в 1916 г. положение с оружием и боеприпасами нормализовалось, и поражения на фронтах снова сменились победами. Но война облегчила и ускорила раскачку России изнутри.

Страна оказалась буквально насквозь пропитана неприятельской агентурой. Как уже отмечалось, германские спецслужбы использовали в качестве «крыш» немецкие фирмы в России. А таковых только в Москве насчитывалось свыше 500! Перед войной некоторые из них переоформились на фиктивных российских владельцев, в других руководители-немцы выехали на родину, оставив вместо себя русских управляющих, продолжавших получать указания от германских владельцев (например, в компании «Симменс Шуккерт» управляющим стал большевик Красин). Немцами контролировались несколько крупных банков, все ведущие страховые компании, ряд газет[129]. Кроме того, Центральные Державы делали ставку на сепаратистов. Австро-Венгрия подкармливала украинских националистов, Германия – польских, прибалтийских, финских, грузинских, создала «Комитет освобождения евреев России», из Турции распространялся пантюркизм.

Весной 1915 г. Парвус представил правительству Германии план по координации и централизации всех сил, способных подрывать устои нашей державы. План был одобрен, началось щедрое финансирование. Центры, через которые осуществлялась эта работа, были созданы в Копенгагене и Стокгольме. Через «отмывочный» «Ниа-Банк» Олафа Ашберга деньги переводились в Россию в Сибирский банк. Компаньонами Ашберга стали большевики и германские агенты Ганецкий (Фюрстенберг), Красин. Запасной канал, через Норвегию, курировала Коллонтай. В России получением и распределением финансов занимался ее любовник Шляпников. И по нарастающей покатались волны забастовок, демонстраций... Через других агентов – Платтена, Моора, Радека, Парвус поддерживал Ленина и прочих эмигрантов в Швейцарии. Через резидента в Румынии Раковского переводил деньги Троцкому, издававшему в Париже газету «Наше слово».

Однако в России действовали агенты не только противника, но и «дружественных» держав. Впрочем, многие из них отнюдь не осознавали себя чьими-то агентами. Либералы, думская оппозиция в разгар войны развернули борьбу за «демократию», за реформы по западным образцам – в чем получали неприкрытую поддержку правительств и дипломатов Англии и Франции. Ничего удивительного в этом не было. Точно так же, как сербские масоны, искренне считая себя патриотами, стали инструментом «мировой закулисы» для развязывания войны (и обрушили на свой народ неисчислимы бедствия), так и российские либералы в самозабвенном ослеплении были уверены, что действуют на пользу России, что демократические «свободы» откроют ей еще более благоприятные возможности для развития и вознесут к еще большему могуществу. С лета 1915 г. Дума и либеральная печать развернули ожесточенные атаки на власть.

Облегчалась подрывная работа вовсе не «тиранией», а, наоборот, слабостью царской власти. Россия была единственной воюющей державой, чей тыл жил по законам мирного времени. Рабочие могли бастовать сколько влезет, думцы – говорить с трибун что угодно, газеты – печатать все, что им оплатят. Русская контразведка прекрасно знала все банки и фирмы, превращенные в гнезда германской агентуры, но ничего не могла с ними поделать в рамках существующего законодательства. И образовался некий замкнутый круг. Мобилизовать тыл, ввести законы военного времени ни за что не позволила бы Дума. А разогнать Думу царь не мог, поскольку за нее горой стояли союзники. Откровенно брали ее под покровительство, поощряли оппозиционные выходы, лезли во внутренние дела нашей страны, шантажируя прекращением кредитов и поставок. И царь не хотел ссориться с иностранцами, не хотел ссориться со своей «общественностью», шел ей на уступки, снимая неугодных ей министров – но и новые министры оказывались неугодными. Началась настоящая чехарда, когда за год сменились 4 премьера, 4 министра внутренних дел, 3 министра иностранных дел, 3 военных министра...

Во Франции и Англии малейших доказательств шпионажа было достаточно для смертной казни. Но в России подходили гораздо мягче. Думскую фракцию большевиков, пропагандировавшую идеи поражения своего Отечества, всего лишь сослали в Сибирь (причем Дума устроила бурные протесты). После бунта на линкоре «Гангут» была раскрыта обширная подпольная организация на Балтфлоте. Лишь двоих руководителей приговорили к смерти, да и то помиловали, заменив каторгой. Другие отделались разными сроками заключения и даже ссылки (в мирный и безопасный тыл!) А большинство арестованных, в том числе будущего кровавого вожака Дыбенко, вообще не судили, создали матросский батальон и отправили искупать вину на фронт, под Ригу. Батальон отказался воевать, не выполнял приказов и принялся разлагать солдат соседних частей. И... как думаете, наказали их? Нет. Просто расформировали батальон, а матросов... вернули на свои корабли. В 1916 г. Дыбенко снова поймали на подрывной агитации. Приговорили к... 2 месяцам заключения и оставили на флоте. Вот и судите, может ли выиграть войну государство, действующее подобным образом?

Положение попытался изменить начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев. Летом 1916 г. он разработал проект диктатуры тыла. Куда там! Думские лидеры во главе с М.В. Родзянко узнали об этом, надели на царя и провалили проект [150, 151]. Алексеев сумел добиться учреждения особой следственной комиссии по борьбе с саботажем и экономическими диверсиями под началом генерала Н.С. Батюшина. Улик у контразведчиков уже накопилось хоть отбавляй, и как только им развязали руки, в короткий срок были арестованы банкир Рубинштейн, родственники Троцкого Животовские, промышленники Шапино, Раухенберг, Шполянский, сахарозаводчики Бабушкин, Гепнер, Добрый. Контрразведка провела обыски в фирме Нобеля, Внешторгбанке, Международном банке. При этом нашли

циркуляры германского генштаба № 2348 и 2348-бис, хранившиеся наряду с деловыми бумагами, инструкции Макса Варбурга[129].

Но против комиссии Батюшина дружно выступила вся «общественность», ее обвинили в мыслимых и немыслимых грехах, смешали с грязью. Российские банкиры и промышленники обратились к царю, прозрачно намекая, что не время ссориться с их кастой. Возмутился и Запад, квалифицировав аресты как ... «еврейский погром»[158]. И Николай II повелел закрыть дела. Хотя даже это было использовано против него! Представлялось как доказательство, что царь с царицей покрывают изменников и шпионов.

Словом, получалось, что противники России и ее «друзья» играют в одни ворота. И это было действительно так! Например, история с «германским золотом» для большевиков, которое поступало от Макса Варбурга через «Ниа-банк» Олафа Ашберга, в наше время уже хорошо известна. Однако почему-то никто не задается элементарным и вполне логичным вопросом – да откуда же у Германии могло быть в таких количествах «лишнее» золото? Она ведь еще до 1914 г. израсходовала колоссальные средства на свое вооружение, она вела тяжелейшую войну на нескольких фронтах, при этом закупала за рубежом сырье, продовольствие, помогала деньгами и снабжением своим союзникам Турции, Болгарии, Австро-Венгрии. А революции – дело дорогое. На это были затрачены сотни миллионов.

И лишь в недавнее время ряд исследователей обратил внимание, что к 1917 г. огромные избыточные наличные средства имелись только в одной стране. В США, которые непрерывным потоком получали прибыли в оплату за поставки воюющим государствам. По особенностям германской финансовой системы правительство давало поручение частным банкам (с обязательством потом расплатиться) – и если они принимали поручение, кайзера и его министров не волновало, где они возьмут средства. Ну а братом Макса Варбурга, напомню, был Пол Варбург – вице-президент Федеральной резервной системы США и компаньон фирмы Шиффа. Еще одним компаньоном в банке «Кун и Лоеб» был третий брат, Феликс Варбург, женатый на дочери Шиффа. А четвертый, Фриц Варбург, работал в Стокгольме при Ашберге[158]. Удобно разместились, правда? А представитель боковой ветви того же семейства, Отто Варбург, известный ученый-ботаник, имел большой вес в МИД Германии. И являлся президентом Всемирной сионистской организации...

«Вклад» Якова Шиффа в российскую революцию его внук позже оценивал в 20 млн. долл. (тогдашних – около 400 млн. долл. нынешних)[158]. Британский банкир Мильнер вложил в нее 10,5 млн. долл.[110]. Видный историк Э. Саттон, сумевший получить доступ ко многим любопытным документам американских архивов, приводит доказательства, что в финансировании революции принимали также участие Морган и ряд других банкиров. Иногда деятельность Шиффа, Пола Варбурга, Ашберга и пр. историки расценивают в качестве «прогерманской». Но это неверно. Прогерманской в прямом смысле не была даже работа Макса Варбурга, Парвуса, австрийских Ротшильдов и иже с ними. Это была политика «мировой закулисы», согласно которой монархиям Германии, Австро-Венгрии, Турции тоже предстояло пасть, но позже – после России. И именно в рамках этой политики в США к началу 1916 г. вызрел и начал проводиться в жизнь «план Хауса».

Задействованы в нем были не только американские политики и спецслужбы. Одним из ближайших сподвижников Хауса стал резидент британской разведки МИ-6 в США Вильям Вайсман. Нет, он был не простым шпионом типа Джеймса Бонда. До войны Вайсман был банкиром, и в 1916 г. его направили в Америку с особой миссией и очень большими полномочиями. Официально ему ставилась задача по втягиванию Соединенных Штатов в войну на стороне Антанты. Но за океаном он близко сошелся с американскими финансовыми кругами, особенно с Отто Каном из компании «Кун и Лоеб». А из политиков Вайсман сразу же нашел общий язык с полковником Хаусом. Оказалось, что взгляды по всем ключевым вопросам у них совпадают, и они спелись душа в душу. Через Вайсмана политика Хауса согласо-

вывалась с правящими кругами Англии. (Хотя на кого в большей степени стал работать британский резидент, неизвестно. Во всяком случае, после войны против него были выдвинуты серьезные обвинения, и он предпочел на родину не возвращаться. Остался в Америке, где был принят все в ту же фирму – «Кун и Лоеб»[173]).

В период войны в Америке начинает формироваться «своя» группировка российских революционеров, независимая от швейцарской. Теоретически попасть сюда было для эмигрантов не так-то просто. Проезд за океан стоил недешево, не каждому по карману, а в связи с наплывом беженцев из Старого Света получить визу и вид на жительство тоже было проблемой, не говоря уж о возможности найти работу. Но революционеры в США попадали. Даже можно отметить, что сюда специально отбирали тех, кого считали нужными. Так, по заданию германских спецслужб в Штатах побывала Коллонтай, выступала на рабочих вечерах и митингах с русофобскими речами. И кому-то понравилось, ее пригласили в Нью-Йорк. Очутился здесь и Ларин (Лурье), один из ближайших сотрудников Парвуса. Как-то очень уж легко перемахнул из Швейцарии в Америку, через несколько границ, Бухарин. Молодой, еще малоизвестный партийный теоретик – но обладавший одним особым качеством. Он был масоном.

Показательна и история с Троцким. В 1916 г. случился бунт среди солдат русского экспедиционного корпуса во Франции. Выяснилось, что среди них распространялась газета Троцкого «Наше слово» (выходившая, подчеркнем, без всяких препятствий со стороны французских властей). Разразился скандал, царское правительство потребовало выдачи Льва Давидовича как российского подданного. Однако у него в Париже нашлись влиятельные покровители вплоть до депутатов и министров, и его решают выслать в Швейцарию. Но вместо Швейцарии высылают почему-то в Испанию, причем на границе, как пишет сам Троцкий, сопровождающие жандармы обменялись масонскими знаками[182]. Из Испании он готовится ехать в Швейцарию, сообщает об этом оставшейся во Франции жене. Однако из Парижа на него вдруг поступает донос, испанские власти его снова арестовывают и... приговаривают к высылке в США. Правда, у Троцкого нет денег, но и они неожиданно находятся, он с супругой и детьми отплывают пассажирами первого класса[173]. А в Нью-Йорке их встречает некий Артур Конкорс. Один из руководителей «Общества по предоставлению убежища евреям и поддержке иммигрантов» – учредителем и патроном этой организации являлся Яков Шифф...

Порой тайные связи обнаруживают такие хитросплетения, что остается только руками развести. Допустим, дядя Троцкого Абрам Животовский был компаньоном Сибирского банка (который, по данным русской контразведки, контролировался немцами), а также крупным акционером «Русско-Азиатского банка» Путилова. И при этом находился в тесных контактах с владельцем «Ниа-банка» Олафом Ашбергом, создал с ним совместную «Шведско-Русско-Азиатскую компанию»[177]. Животовский направил своего делового представителя и в США. И этим представителем был не кто иной как Соломон Розенблюм, более известный под псевдонимом Сидней Рейли. Бизнесмен и одновременно супершпион, работавший на резидента МИ-6 Вильяма Вайсмана и ставший у него главным консультантом по русским делам[173].

Офис, где Рейли вел деловые операции, находился в Нью-Йорке по адресу Бродвей-120. На верхнем этаже этого дома располагался фешенебельный банкирский клуб, где собирались Шифф, Морган, Кан, Варбург, Барух, Маршалл, Гугенгейм и прочая подобная публика. А в одном кабинете с Рейли работал его компаньон Александр Вайнштейн. Тоже приехавший из России, тоже связанный с британской разведкой – и устраивавший в Нью-Йорке сборища российских революционеров. Ну а брат Александра, Григорий Вайнштейн, был владельцем газеты «Новый мир» – где сотрудничали Бухарин, Коллонтай, Урицкий, Володарский, Чудновский. А редактором газеты по приезду в Америку стал Троцкий.

Мало того, по указанному адресу, Бродвей-120, располагалась банковская контора Вениамина Свердлова, и они с Рейли были закадычными друзьями[173]. Не слишком ли много «совпадений», как вы считаете?

Уж конечно, имея стольких «общих знакомых», британский резидент Вайсман попросту не мог пройти мимо фигуры Троцкого. Известно, что им был разработан особый план «Управление штормом», согласно коему следовало влиять на события в России через «своих» людей. Позже Вайсман напишет труд «Разведывательная и пропагандистская работа в России», где уклончиво упомянет, что «один из наших американских агентов, очень известный интернациональный социалист, ... был сразу же принят большевиками и допущен на их собрания»[173]. По всем признакам под характеристики этого «интернационального социалиста» подходит только один человек. Лев Давидович Троцкий.

Словом, в заговоре против России были задействованы самые различные силы и структуры, зачастую не знавшие друг о друге или считавшие друг друга противниками. И можно отметить одну многозначительную особенность Февральской революции – она стала полной неожиданностью и для большевиков, и для немцев, и для думской оппозиции[100, 150]. Потому что и те, и другие, и третьи способствовали раскачке страны и подрыву устоев власти, но саму революцию не делали ни большевики, ни немцы, ни либералы-думцы. Зато в ней активно поучаствовали дипломаты и спецслужбы Англии и Франции. Заговорщики, готовившие переворот, были тесно связаны с послами этих держав Бьюкененом и Палеологом.

Определяющим фактором стало и то, что у антироссийской «закулисы» имелись агенты и эмиссары не только в Думе, не только в оппозиционных политических партиях. «Оборотни» действовали и в окружении Николая II. Но отнюдь не царица, не Распутин, не «заговор генералов» во главе с Алексеевым. Все это – «версии прикрытия». Сплетни о «немке-царице», о влиянии на царя Распутина широко распространялись заговорщиками, оппозиционерами и иностранцами, чтобы подорвать авторитет императора и монархии. И точно так же, как после теракта в Сараево была запущена версия про полковника Артамона, так после Февраля была сфабрикована история о «военной ложе» и Алексееве. Характерно, что озвучили ее сами масоны-заговорщики, Львов и Гучков, опорочив таким способом память Алексеева, отомстив ему за попытки противодействовать им, за комиссию Батюшина и т. д. Ну и, разумеется, отвлекая внимание от истинных теневых участников операции.

А они были. Например, министр финансов Петр Барк. «Финансовый гений», с 1914 г. ухитрявшийся заключать с союзниками договоры о кредитах, но на странных и крайне невыгодных условиях. Займы требовалось «обеспечивать» отправками в Англию русского золота. По этим договорам за время войны было вывезено золота на 640 млн. руб. – и поневоле напрашивается мысль, не это ли золото после «отмывок» в Британии, США, Германии и Швеции шло под маркой «германского» на финансирование революции? Кстати, когда Троцкий очутился в Испании в тюрьме и с пустыми карманами, хлопотал за него (по донесениям французской разведки) и передал деньги на проезд в Америку Эрнест Барк, племянник российского министра.

По протекции Петра Барка 2 января 1917 г., буквально накануне революции, впервые в России было открыто петроградское отделение американского «Нэшнл Сити-банка». А первым клиентом стал один из главных заговорщиков, Терещенко, получивший кредит в 100 тыс. долл. Исследователь русско-американских финансовых отношений С.Л. Ткаченко с удивлением отмечает, что кредит в истории банковского дела был совершенно уникальным: без предварительных переговоров, без указания цели займа, обеспечения, условий погашения. Просто дали крупную сумму наличной валюты, и все[177].

Другим теневым участником являлся министр внутренних дел Протопопов, клавший под сукно доклады полиции о заговоре, на несколько дней задержавший информацию в Ставку царю о беспорядках в столице, а в критический момент инициировавший «саморопуск» правительства, что вызвало в Петрограде паралич безвластия. «Оборотнем» был и товарищ¹ министра путей сообщения Ломоносов, загнавший поезд Николая II вместо Царского Села к заговорщикам в Псков. Был и еще кто-то среди ближайших советников царя – обеспечив, скажем, удивительную «непотопляемость» Барка – при правительственной чехарде, когда один за другим слетали премьеры и переформировывались кабинеты, Барк оказался единственным из министров, сохранившим свой пост в течение всей войны!

«Откровениями» о «военной ложе» и пр. требовалось замаскировать и участие в русской революции внешних сил. А оно было очень значительным. Вряд ли можно считать случайностью, что в конце 1916 г. произошли вдруг значительные изменения в британском правительстве. Ушли в отставку Асквит, Грей и другие политики. Те самые политики, которые в свое время налаживали союзнические отношения с Россией, связали себя определенными соглашениями с ней, обещаниями, договоренностями. Премьер-министром стал ярый русофоб Ллойд Лордж, а пост военного министра занял уже «знакомый» нам банкир и глава «Великой ложи Англии» лорд Мильнер.

Известно, что в начале 1917 г. Россию посетил по неким «делам» Сидней Рейли. А на межсоюзническую военную конференцию, состоявшуюся в Петрограде в январе-феврале, прибыл и сам Мильнер. Имеются сведения, что он привез с собой весьма крупные суммы денег. В свиту Мильнера входили разведчики, которым вскоре придется действовать в революционной России – Локкарт, Кроми. И отель «Франция», где расположилась британская делегация, стал настоящим «штабом», где готовилась и заваривалась крутая каша. Здесь неоднократно видели заговорщиков Львова, Терещенко. А.А. Гулевич приводит доказательства, что как раз агенты английского посла Бьюкенена всего через три дня после отъезда из России Мильнера спровоцировали в Петрограде «хлебные» беспорядки[158].

Приложили свою руку и американцы. Посол США в Германии Додд впоследствии сообщил, что в событиях Февраля важную роль сыграл представитель Вильсона в России Крейн, директор компании «Вестингауз Электрик». И когда революция свершилась, Хаус писал Вильсону: «Нынешние события в России произошли во многом благодаря Вашему влиянию»[6].

Да уж, влияние было несомненным. После того, как Николая II обманом вынудили отречься и обманом же подсунули ему на подпись список правительства, «легитимность» новой власти обеспечила отнюдь не всенародная поддержка. Ее не было, всенародной. Нет, «легитимность» Временного правительства обеспечило мгновенное признание со стороны Запада. США признали его уже 22 марта, известный американист А.И. Уткин отмечает: «Это был абсолютный временной рекорд для кабельной связи и для работы американского механизма внешних сношений»[189]. 24 марта последовало признание со стороны Англии, Франции, Италии. Так как же русским можно было сомневаться, если «весь мир» признал новое правительство вполне законным?

¹ Заместитель.

Скрытые механизмы Октября

Нет, конечно же, никакие иностранные агенты и заговорщики не смогли бы так запросто сокрушить могучее государство и взбаламутить многомиллионный народ. Но дело в том, что к началу трагических переломных событий страна и народ оказались уже тяжело больны. Бациллы этой болезни тоже внедрялись извне, с Запада. Поражали они русских далеко не сразу. Но зараза распространялась постепенно, несколько столетий. Модные теории, «свободные» нравы, идеи либерализма... Заболевание охватывало Россию «с головы», сверху. Аристократия, дворянство, так называемые культурные слои общества привыкали ориентироваться на Европу, зарубежные взгляды и оценки становились образцами для подражания, воспринимались как «общепризнанные» аксиомы.

Основным прикрытием для идеологических диверсий стало «просвещение» (а «просвещению» в масонстве отводилась очень важная роль, оно противопоставлялось религии). И готовым каналом для заражения России либерализмом стала утвердившаяся в нашей стране западная система образования. За основу брались все те же европейские стандарты и теории – и наряду с гуманитарными и техническими науками интеллигенция получала иные «добавки»: проникалась комплексами «национальной неполноценности», привыкала считать зарубежное «передовым», а свое – «отсталым». А отсюда вытекало прописной истиной необходимость реформ по чужеземным образцам.

Вовсе не случайно очагом либерального духа становилась профессорско-преподавательская среда. Сеяла в душах молодежи семена вольнодумства, атеизма, сомнений. Эти семена соединялись с обычным юным фрондерством и давали обильные всходы. Соблазны «свобод» кружили головы похлеще вина, очернительство власти, законов, отечественных традиций становилось признаком хорошего тона. Внедрилось деление всех явлений общественной жизни на «прогрессивные» и «реакционные». Причем новое, революционное, разрушительное относилось к «прогрессивному», читай – хорошему. А все, что служило стабилизации российской действительности, оказывалось «реакционным».

Студенты, нахватавшись подобных идей, становились учителями – и несли их своим ученикам. В том числе рабочим, крестьянам. В 1870-х движение народников быстро заглохло, интеллигенты-агитаторы, сунувшиеся «будить народ», оказывались для русских людей чужеродными смутьянами. Их без долгих разговоров вязали и сдавали властям. Но в рабочие вечерние школы приходил не агитатор, а учитель – о котором заведомо знали, что он должен научить уму-разуму. И в сельскую земскую школу приезжал учитель, начитавшийся модных атеистических книг Ренана, восторгавшийся древнегреческой демократией и «великой французской революцией», выписывающий либеральные газеты. Этот учитель выглядел для детишек более эрудированным и знающим, чем родители, чем скромный деревенский священник.

Да, страна была больна. В катастрофическом 1906 г. была созвана Дума, началась эпоха «парламентаризма». Но первое, чего потребовали «народные избранники», – всеобщей политической амнистии! В России лилась кровь, террористы нагло убивали слуг государства и невинных граждан, а депутаты с пеной у рта голосовали за освобождение тех преступников, которых удалось поймать. И гимназисты, студенты, интеллигенция восхищались такими «избранниками». Зачитывались оппозиционными газетами. Восхищались и революционерами, на заседаниях судов устраивали им овации. Прятали их, снабжали документами. С гневом обрушивались на «черносотенцев», объявляли обструкции патриотам, обливали презрением полицейских и казаков...

Поветрие либерализма охватило и высшую аристократию, чиновничество. Министры и губернаторы заигрывали с «общественностью», во всем шли ей навстречу, стыдясь про-

слыть «реакционерами». Патриотические организации вроде Союза Русского народа всячески притеснялись, их деятельность перечеркивалась препонами властей. Либерализм проник даже в Церковь. Пастыри старались согласовывать свои проповеди с «прогрессом». Синод и высшие иерархи утверждали терпимость к антироссийским (и явно антиправославным) учениям. А священники, проявляющие принципиальность, обвинялись в «черносотенстве» и подвергались гонениям[58].

Устои Православия расшатывались и слабели. Красноречивый пример – весной 1914 г. из 16 выпускников Иркутской духовной семинарии принять священнический сан решили лишь 2, а из 15 выпускников Красноярской семинарии – ни одного![24] Остальные предпочли пойти по гражданской части – учителями, чиновниками, земскими деятелями. Интеллигенция стала считать Веру в лучшем случае «красивой народной традицией», благодаря которой можно поумиляться на Вербное воскресенье, весело похристосоваться на Пасху, поздравить друг друга с Рождеством. В худшем случае относили к «пережиткам», тормозящим «прогресс». Такое отношение начало проникать и в простонародье: Сергей Есенин хвастался в своих автобиографиях, как пропускал службы в церкви, выданные на это деньги присваивал и научился так же, как священник, вырезать серединки из просфор, чтобы обмануть бабушку.

Принято восхищаться «Серебряным веком русской культуры» – но и культура была больной. Она погрязла в декадентстве, эротике, темных душевных надломах. Кумирами молодежи становились сатанист Брюсов, отвергший Бога и взывавший к нечистому Соллогуб, теософ и антропософ Андрей Белый, член ложи розенкрейцеров Блок – они владели умами, над их фотографиями рыдали, их стихи переписывали друг у друга...

А среди рабочих и крестьян плевелы чужеземной заразы проявлялись ростом эгоизма и эгоцентризма. Они считали себя патриотами – и еще готовы были растерзать любого, кто осмелился бы поднять голос против России. Но ничуть не считали зазорным бастовать во время войны, требуя повысить зарплату. Хотя зарплата у них была самой высокой по сравнению с другими воюющими государствами – а день забастовки на одном лишь Металлическом заводе в Питере недодал фронт 15 тыс. снарядов. Уже не считали зазорным прикидывать – а хорошо бы и впрямь переделить собственность как-нибудь «посправедливее». И люди оказались уже доступными для соблазнительных идей «земного рая».

Все это вместе обеспечило успех Февральского переворота. Церковь промолчала. Народ в большинстве промолчал. Ошарашенный, сбитый с толку – но кто знает, может, и впрямь так получится лучше, богаче, «свободнее»? А интеллигенция, учащиеся, значительная часть офицеров (офицеры военного времени были той же интеллигенцией, призванной из запаса) бурно приветствовали Февраль, цепляли красные банты, поздравляли друг друга – наконец-то «прогресс» восторжествовал над «реакцией», наконец-то «свобода», наконец-то в России будет так же, как на Западе...

Впрочем, и это было обманом. «Прогрессивная общественность» приветствовала победу «демократии» – и до сих пор в исторической литературе утверждается, будто Февральская революция принесла России демократию. Но подобные утверждения выдают лишь полную некомпетентность авторов (или бездумное переписывание из одного источника в другой). Потому что в действительности Временное правительство было куда более диктаторским, чем царское. Оно сделало то, на что не решался Николай II – распустило Думу. Кучка заговорщиков, дорвавшихся до руля государства, сосредоточила в своих руках и законодательную, и исполнительную, и верховную власть. И сама в узком кругу решала, кого допустить в свою среду, кого отправить в отставки. Однако русская интеллигенция, загипнотизированная лозунгами «свобод», этого не замечала. Павда, ей-то простительно – но и западные правительства, дипломаты, «общественность» столь вопиющих фактов почему-то не замечали, признавали правление масонов-временщиков вполне «демократическим».

Революция освободила из тюрем и ссылок всех заключенных – скопом, политических и уголовников. Открыла пути на родину и для эмигрантов из-за рубежа. Но у них возникли немалые формальные трудности – война-то не закончилась, Европа была перечеркнута фронтами. И при возвращении революционеров в Россию мы опять видим явные черты хорошо спланированной операции. Агенты Парвуса Платтен, Моор, Радек (а с ними и Крупская) уговаривают Ленина ехать через Германию. А у Троцкого возникает другая проблема. Его путь из Америки лежал через зоны морского контроля Англии и Франции, а в досье их контрразведок Лев Давидович значился немецким агентом. Но решилось все очень легко – Троцкий тут же получил американское гражданство и паспорт США! Мгновенно! Это могло быть сделано только на самом высоком уровне, и имеются свидетельства, что паспорт был выдан по указанию президента Вильсона[158] – очевидно, не без участия Хауса и Вайсмана.

Ленин и Троцкий отъезжают в Россию одновременно, 27 марта. Но сразу вслед за этим происходит странная история. Британские власти без всяких вопросов, весьма любезно выдают Льву Давидовичу транзитную визу – и, тем не менее, в первом же канадском порту, Галифаксе, его и пятерых спутников (Чудновского, Мухина, Фишелева, Романченко, Мельничанского) арестовывают как агентов Германии. А через месяц Госдепартамент США вдруг вступает за своего гражданина, вмешивается и посольство Великобритании в Вашингтоне, и, к удивлению контрразведчиков, Троцкого с компанией освобождают.

Зачем нужны были подобные игры? Чтобы понять это, целесообразно привести сравнение с ситуацией 1905 г. Как уже отмечалось, Льва Давидовича тогда лично опекали Адлер, Парвус, Красин, со всеми удобствами доставили в Россию, протолкнули в Петросовет. А вот Ленину такого внимания оказано не было. Он дольше чем нужно задержался за границей, потом его заставили безрезультатно торчать в Стокгольме, ждать курьера с документами. И в Россию он попал к «шапочному разбору», когда все руководящие посты были заняты, и он оказался не у дел. Ясное дело, что на роль лидера революции продвигался не он, а Троцкий.

В 1917 г. было наоборот. Так же, как в 1905 г. «тормознули» Ленина, так в 1917 г. предпочли «тормознуть» Льва Давидовича. На этот раз первым должен был приехать и стать вождем революции Ленин – именно проследовавший через Германию! «Запачканный» этим шагом, маркированный в качестве «германского ставленника». Западные теневые круги готовились сокрушить Россию, но свалить вину требовалось сугубо на немцев. И Троцкого арестовали, чтобы его тоже представить немецким ставленником, выпятить «германский след» и скрыть англо-американский.

Владимир Ильич на родине получает действенную помощь. По сути, из различных группировок социал-демократии ему требовалось создать совершенно новую партию. Опорой становятся его сторонники типа Сталина, Дзержинского, но этого оказывается недостаточно. В России все бурлит, местные и прибывшие из-за рубежа революционеры действуют кто во что горазд, не желая признавать друг друга. Но для поддержки Ленина Парвус создает в Стокгольме штаб из Ганецкого, Семашко, Воровского, Радека, в Петроград заранее направляется Александра Коллонтай, готовит почву, агитирует матросиков Дыбенко и прочую вольницу. А на роль «правой руки» Владимиру Ильичу услужливо подсовывают Якова Свердлова. Настоящего гения организации, который проявляет подлинные чудеса, формируя «из ничего» партийные структуры, хитроумными ходами нейтрализует конкурентов и обеспечивает победы над ними.

Но и Троцкого покровители не забывают. И месячную «фору» ему вполне компенсируют. Для него готовит почву в Питере прибывший заранее Ларин-Лурье. Из Сан-Франциско во Владивосток целыми пароходами направляются тысячи «интернационалистов» – они становятся ядром группировки Троцкого, «межрайонцев». А сформировать дееспособную организацию ему помогают те же самые люди, которые обеспечили это для Ленина, – Свердлов, Коллонтай. Что ж тут удивительного, если заказчики были одни и те же? Правда,

Владимир Ильич и Лев Давидович 14 лет были врагами. Но теперь заказчикам требовалось, чтобы они прекратили ссоры и действовали вместе. Наведением мостов занимаются Свердлов и «ленинец» Каменев – родственник Троцкого. А объединение большевиков с межрайонцами происходит на VI съезде партии, без обоих лидеров, когда Ленин после провала июльского путча прячется в Разливе, а Троцкий сидит в тюрьме.

В скатывании России от Февраля к Октябрю самое деятельное участие опять приняли иностранцы. Правда, нужно помнить, что далеко не все политики и дипломаты Антанты были причастны к этим делам. И степень их допуска к тайнам была различной. Даже когда мы говорим о влиянии «мировой закулисы», подобное обобщение не всегда справедливо. До определенного предела позиции и цели тех или иных зарубежных кругов совпадали. Но у этих же кругов имелись и собственные интересы, отличные друг от друга и даже противоречащие друг другу. Так, для французской и части британской «закулисы» цели подрывных акций оказались уже достигнуты в ходе Февральской революции. Россия была ослаблена. Во главе государства очутились правители, куда более послушные, чем царь и его министры – заглядывающие в рот зарубежным «наставникам», готовые заключать кабальные договоры, раздавать концессии. При дележке плодов победы восточную союзницу теперь можно было обойти. Следовательно, представлялось целесообразным стабилизировать положение в России, чтобы с ее помощью завершить войну.

Но высшие круги политической и финансовой элиты США и Англии продолжали выполнение «плана Хауса». Да, при таком развитии событий победа в войне откладывалась. На фронтах должны были пролиться дополнительные моря крови, пасть еще сотни тысяч французов, англичан, американцев. Но и выигрыш обещал быть колоссальным... Для дальнейшего обвала России была применена «ступенчатая» схема. Либералы-заговорщики по главе со Львовым наломали дров сколько смогли – после чего союзники надавили на них, вынудив уступить власть еще более радикальным «реформаторам» во главе с Керенским. А на смену им уже подталкивались большевики.

Интриги вокруг России летом и осенью 1917 г. представляются весьма красноречивыми. Когда Корнилов предпринял попытку навести в стране порядок, он сперва получил горячую поддержку в Лондоне и Париже, его сторону приняли британские и французские дипломаты в России. Но посол США в Петрограде Френсис заблокировал их демарши. И в правительствах Антанты в последний момент что-то неожиданно изменилось, послам пошли новые инструкции, и они вдруг резко изменили позицию, вместо Корнилова поддержали Керенского. В дальнейшем дипломаты Антанты во главе с Бьюкененом старались нажать на Керенского, внушая ему необходимость действовать решительно и расправиться с большевиками. Однако и эти шаги неизменно срывал Френсис, и Бьюкенен жаловался в Лондон, что посол США саботирует выработку «общей политики Запада в отношении кабинета Керенского», что «американцы играют в собственную игру»[189].

А кроме официальных представителей иностранных держав, действовали неофициальные. Так, в Россию прибыла американская миссия Красного Креста. Дело вроде бы хорошее, благородное, правда? В войну – Красный Крест... Но состав миссии был, мягко говоря, странным. Из 24 ее членов лишь 7 имели какое-то отношение к медицине. Остальные – представители банков, крупных промышленных компаний и разведчики. Возглавлял миссию Уильям Бойс Томпсон, один из директоров Федеральной резервной системы США. Его заместителем был полковник Раймонд Робинс.

При миссии состояли и такие личности, как Джон Рид, не только журналист и автор панегирика Троцкому «10 дней, которые потрясли мир», но и матерый шпион. Он «оказывал услуги» американскому правительству еще в мексиканскую революцию, в 1915 г. арестовывался русской контрразведкой за связи с сепаратистами, но под давлением госдепартамента и посольства США пришлось отпустить. В 1917 г. в России он снова «оказывал

услуги» правительству и по возвращении на родину передал в госдепартамент «свои заметки и информацию, полученные благодаря связи с Львом Троцким»[158]. При миссии Красного Креста состояло также трое секретарей-переводчиков. Капитан Иловайский – большевик, Борис Рейнштейн – позже стал секретарем Ленина, и Александр Гомберг – в период пребывания Троцкого в США был его «литературным агентом». Нужны ли комментарии?

Осенью 1917 г. полковник Робинс стал одним из ближайших советников Керенского. Британский атташе Нокс доносил, что его влияние на министра-председателя «чрезвычайно растет», и он внушает Керенскому «очень опасные идеи»[189]. Уильям Б. Томпсон в мемуарах отмечал, что миссия Красного Креста, кроме того, «осуществляла свою деятельность через доктора Соскиса» – секретаря и помощника Керенского (по «совпадению» открывшему в эти же месяцы весьма крупный счет в петроградском отделении «Нэшнл Сити банка»[177]). Ну а еще одним очень близким доверенным лицом Керенского стал Сомерсет Моэм – будущий великий писатель, а в то время секретный агент британской МИ-6, подчинявшийся резиденту в США Вайсману[189]. Стоит ли удивляться, что при таких советниках министр-председатель принимал худшие из решений и власть досталась большевикам почти без борьбы?

Да и вообще были ли попытки всерьез оказать сопротивление? Не «намекнули» ли покровители Керенскому, что он должен уступить власть, как прежде ее уступил Львов? Удирая в дни Октября из Питера на машине американского посла, Александр Федорович зачем-то приказал всему остальному составу Временного правительства собраться вместе и находиться в Зимнем дворце. А руководить правительством и обороной Зимнего оставил очень уж характерную тройку. Доктора Кишкина, инженера Пальчинского и Пинхуса Рутенберга. Кишкин был полнейшим ничтожеством, неспособным что-либо организовать. Рутенберг, напротив, организовывать умел превосходно. Только раньше он организовывал дела довольно темного свойства – в январе 1905 г. он являлся главным эмиссаром зарубежных «бесов» в России, и как раз он через попа Гапона устроил провокацию «кровавого воскресенья». Помогал Рутенбергу в подготовке провокации директор заводов Нобеля Серебровский...

И надо же – какое «совпадение»! На квартире этого самого Серебровского по возвращении из эмиграции поселился Троцкий. И еще одно «совпадение»: третий член «триумвирата», оставленного Керенским, Пальчинский, был старым другом Григория Чудновского – одного из пяти революционеров, которые ехали из Нью-Йорка с Троцким и были арестованы с ним в Канаде. Причем дружба оказалась настолько закадычной, что Пальчинский неоднократно приглашал его к себе в гости в Зимний дворец. А потом Чудновский руководил штурмом Зимнего. И одним махом арестовал торчавшее во дворце без дела правительство... Словом, все разыгралось «по-дружески». А то, что при этом гибли мальчишки-юнкера, были перенасилованы женщины-ударницы, в заведомо безнадежных боях под Гатчиной убивали друг друга казаки и матросы – стоило ли обращать внимание на подобные «мелочи»?

Кстати, если еще раз вспомнить о «германском золоте», то с июля по октябрь большевики не получали финансирования от немцев. После неудачного июльского мятежа эти каналы были вскрыты русской контрразведкой. А.Г. Латышев в своей работе «Рассекреченный Ленин» приводит документы, свидетельствующие, что Владимир Ильич оборвал даже запасные каналы, опасаясь окончательно дискредитировать партию[92, 93]. Но могли ли возникнуть проблемы с деньгами, если в Петрограде находился столь своеобразный американский Красный Крест во главе с одним из директоров ФРС США? Справка Секретной службы Соединенных Штатов от 12 декабря 1918 г. отмечала, что крупные суммы для Ленина и Троцкого шли через вице-президента ФРС Пола Варбурга[198].

По воспоминаниям одного из помощников Сталина, С.С. Пестовского, в первые месяцы советской власти все структуры большевистского правительства занимали деньги

под расписки у Троцкого, финансы имелись только у него[161]. А откуда они поступали, свидетельствует не только упомянутая справка американских спецслужб. Имеются и другие доказательства. Известно, например, что 30 ноября 1917 г. Уильям Б. Томпсон и полковник Робинс посетили Троцкого, и после конфиденциальной беседы с ним, 2 декабря, Томпсон направил запрос Моргану – перечислить 1 млн. долларов для советского правительства[158]. Этот факт стал достоянием газетчиков. «Вашингтон пост» от 2 февраля 1918 г. сообщала: «Уильям Б. Томпсон находился в Петрограде с июля по ноябрь прошлого года и сделал личный вклад в 1 млн. долларов в пользу большевиков».

Зачем предпринимались все усилия и расходы, истинные организаторы революции хорошо знали. Тот же Томпсон, покинув Россию, остановился в Лондоне. Здесь он вместе с помощником Хауса Ламотом провел переговоры с британским премьером Ллойд Джорджем и 10 декабря 1917 г. представил ему меморандум, где указывалось: «...Россия вскоре стала бы величайшим военным трофеем, который когда-либо знал мир».

Нашествие иноплеменных

Говорить о дружной «ленинской когорте», осуществившей революцию и отстоявшей ее от «сил империализма», нет никаких оснований. Сам Ленин был убежденным, идейным революционером, искренне считал построение социализма во всем мире сверхзадачей, ради которой допустимо платить любую цену и идти на любые жертвы. Полагал, что можно и должно «играть на противоречиях» империалистических держав, пользуясь, допустим, германскими (или американскими) деньгами. Ленин был уверен, что это лишь временная хитрость – и она обернется против самих спонсоров, когда революция из России перехлестнет в другие страны. Верил он и в необходимость насильственно внедрять социалистические модели хозяйства, подавлять сопротивление «эксплуататорских классов», бороться с религией. Был убежден, что после победы социализма и перестройки страны по новым образцам народ сам осознает пользу реформ и все беды и страдания окупятся общим благом...

Однако подобные взгляды как нельзя лучше устраивали международные антироссийские силы! А чтобы корректировать политику Ленина и большевиков в нужную сторону, эти самые международные «бесы» внедряли в партию своих «оборотней» – еще загодя, в период эмиграции и подпольной борьбы. И Ленин мог планировать все что ему угодно. Но реально «рулить» советским государством начал отнюдь не он. Свердлов возглавил Секретариат ЦК и ВЦИК Советов. То есть как раз через него определялось выполнение как партийных решений, так и решений правительства – не имевшего никаких структур на местах, кроме Советов. В этих должностях Свердлов стал и главным распорядителем кадровой политики, расставляя «своих» людей в среднем звене руководства. Троцкий возглавил внешнеполитическое ведомство, Менжинский и Сокольников (Бриллиант) – финансовое.

Деньги, полученные от иностранных покровителей, требовалось отрабатывать. И первое, чем занялся Лев Давидович на посту наркома иностранных дел, стала публикация тайных договоров из архивов МИД России. Эта акция очень четко ложилась в струю «плана Хауса». Как уже отмечалось, для США настоятельно требовалось разрушить систему старой европейской дипломатии, чтобы строить свою. Хаус не раз писал об этом Вильсону весной и летом 1917 г. – но проблема заключалась в том, что Америка, вступив в войну под занавес, не могла инициировать этот процесс, навязывать свои условия странам, вынесшим на себе тяжесть нескольких лет сражений[6]. Диверсия Троцкого четко решила проблему. Публикации договоров начались 23 ноября, и сразу же, 25 ноября, их взялась перепечатывать «Нью-Йорк таймс». Поднялся скандал, взорвавший весь фундамент дипломатии Европы. Тут-то и подключился Вильсон. Возмущенно объявил, что старая дипломатия никуда не годится, должна быть осуждена и похоронена. А взамен продиктовал собственные «Четырнадцать пунктов» послевоенного переустройства мира.

Следующим шагом Троцкого стали Брестские переговоры и объявленная им формула «ни мира, ни войны». Как нетрудно понять, это тоже отлично вписывалось в «план Хауса». С одной стороны, Россия вышла из войны, вычеркивалась из категории победителей – и вместо надежд на нее странам Антанты пришлось умолять о помощи Америку. С другой – результатом политики Льва Давидовича стало германское наступление с отделением Украины, Крыма, Белоруссии, Прибалтики, Финляндии, Закавказья. Началось расчленение России. Ну а под предлогом германской угрозы и необходимости «играть на противоречиях» империалистических лагерей Троцкий открыл дорогу для оккупантов Антанты. 1 марта 1918 г. телеграммой № 252 он приказал Мурманскому совету: «*Вы обязаны* принять всякое содействие союзных миссий». Известная в советской литературе версия, будто интервенция осуществлялась ради свержения большевиков, очень далека от истины. Она началась с согласия

Советского правительства, и Хаус писал в дневнике: «Троцкий просил о сотрудничестве в Мурманске и по другим вопросам»[6].

Причем после того, как одно направление деятельности оказалось «отработанным», Лев Давидович перебрасывается на другое. Он уходит в отставку с поста наркоминдела, а 14 марта 1918 г. его, неожиданно для многих, назначают наркомом по военным и морским делам. Настояла на этом питерская часть ЦК во главе с Зиновьевым и Иоффе, обосновывая свое предложение «политическим значением... особенно в Англии и Франции». И действительно, главными помощниками и советниками Льва Давидовича при формировании новой армии становятся... иностранцы.

К этому делу подключается полковник Робинс из американского Красного Креста, французские представители Лавернь и Садуль. Присылают свою неофициальную миссию англичане. Возглавляет ее Брюс Локкарт. Тот самый, который входил в свиту Мильнера во время его предреволюционного визита в Петроград. И сейчас для работы в России Локкарт выбрал и инструктировал лично Мильнер. Кроме него, с Троцким тесно сотрудничают британские разведчики Хилл и Кромби. В состав миссии Локкарта прибывает и Сидней Рейли, он быстро оказывается «своим» человеком в кабинете руководителя Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевича, устанавливает «дружбу» с управделами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичем, не забывает и старого приятеля Вениамина Свердлова – он тоже вернулся в Россию и по протекции брата получил пост заместителя наркома путей сообщения.

При этом представители Антанты декларировали, будто помогают большевикам создавать армию против Германии – дескать, Советская Россия вооружится, окрепнет и сможет возобновить войну вместе с союзниками. Но костяк формируемых частей составили отнюдь не русские! В первую очередь использовались «интернационалисты» – латыши, эстонцы, китайцы. Мало того, в состав красных войск было влито 250 тыс. немецких и австрийских пленных, они составили 19 % численности армии! И впоследствии генконсул США Харрис уличил полковника Робинса, что тот, помогая формировать и вооружать части из неприятельских подданных, прекрасно знал об этом[189]. Но против кого же предназначалась такая армия? Ясное дело, Антанта помогала создавать ее не против себя. Да ведь и против немцев она не годилась! Остается – против русского народа...

Да, против русского народа. Против него нацелились и акции другого рода, отразившиеся в хозяйственной политике большевиков. Важную роль в их подготовке и проведении сыграл Михаил Зальманович Ларин. Личность, кстати, весьма любопытная. Как уже отмечалось, он был одним из ближайших сотрудников Парвуса, в революцию 1905 г. выдвинулся на очень заметную роль, был председателем Киевского совета. Но затем он почему-то вдруг уходит в тень, превращается в теоретика-«экономиста». В годы Первой мировой переезжает в США, сотрудничает в здешних социал-демократических изданиях. А после Февраля оказывается в Петрограде одним из первых, создает организацию «меньшевиков-интернационалистов», но целиком отдает ее Троцкому. При советской власти он тоже предпочитал оставаться «в тени», был тяжело болен. Но вошел в президиум ВСНХ, каким-то образом заслужил репутацию «экономического гения» и приобрел огромное влияние на Ленина. И даже такой яркий русофоб, как американский историк Р. Пайпс, отмечал, что «другу Ленина, парализованному инвалиду Ларину-Лурье принадлежит рекорд: за 30 месяцев он разрушил экономику сверхдержавы». Именно он разрабатывал и внедрял через Владимира Ильича схемы «военного коммунизма»: запрет торговли и замена ее «продуктообменом», продразверстка, всеобщая трудовая повинность с бесплатной работой за хлебную карточку, принудительная «коммунизация» крестьян... Все это привело к голоду, разрухе. И к масштабному разжиганию Гражданской войны.

Но и гражданская война, в свою очередь, становилась для иностранцев отличным предлогом для наращивания интервенции. Теперь уже как помощь антисоветским силам. Однако

в этом позволительно усомниться. Хотя бы по той причине, что странам Антанты снова подыгрывали их эмиссары в руководстве большевиков. Так, по первоначальной договоренности с Советским правительством предполагалось вывезти через Владивосток во Францию Чехословацкий корпус, сформированный в России из пленных. Но 27 апреля 1918 г. по просьбе союзников Троцкий вдруг приказал приостановить отправку чехов на восток. Их эшелоны остановились в разных городах от Волги до Байкала.

11 мая в Лондоне в резиденции Ллойд Джорджа состоялось секретное заседание, где было решено «рекомендовать правительствам стран Антанты не вывозить чехов из России», а использовать «в качестве интервенционистских войск»[141]. И Троцкий опять помог! 25 мая по ничтожному поводу драки между чехами и венграми в Челябинске он издал приказ разоружить корпус: «Каждый чехословак, найденный вооруженным... должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором найден хотя бы один вооруженный солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключен в концлагерь». Приказ сыграл явно провокационную роль. Корпус, узнав о нем, взбунтовался. А «на выручку» чехам хлынули контингенты Антанты. И от России фактически отделилась Сибирь.

Так что «мировая закулиса» добилась своего – расколола российское население и стравлила между собой. Причем одни и те же западные державы поддерживали красных и белых! Если представители стран Антанты помогали создавать и вооружать Красную армию, переводили Советскому правительству деньги, то «другой рукой» направлялись денежные подачки Каледину, Деникину, белым правительствам Урала и Сибири. И запутанный, сбитый с толку народ шел брат на брата. Но свергать Советское правительство иностранцы вовсе не собирались. Зачем, если оно проводило политику, выгодную Западу? Мало того, через порты, оккупированные державами Антанты, в Россию продолжали прибывать эмигранты на службу к большевикам! Так, американский майор Шулер 9 июня 1919 г. докладывал из Владивостока, что с начала интервенции до этого дня через город проследовали «384 комиссара, включая 2 негров, 13 русских, 15 китайцев, 22 армянина и более 300 евреев», большая часть из которых приехали из Америки.

Нет, чужеземцы не намеревались спасти Россию, они лишь захватывали то, что «плохо лежит». Нашествие сопровождалось колоссальным разграблением. С Русского Севера, из Закавказья, Украины, Сибири вывозились огромные ценности. Русский «пирог» делили и тащили немцы, англичане, американцы, французы, японцы, турки. Однако сказывался и другой фактор – хищники вовсе не были едины между собой. Германия никак не намеревалась уступать добычу, считая, что богатства России и право ее эксплуатации принадлежит немцам, завоевано ими в ходе сражений и успешных тайных операций. Но и страны Антанты не желали уступать свой грандиозный «трофей» Германии. Причем эти противоречия проявились не только на международной арене. Они отразились и внутри советского руководства.

Когда стало ясно, что политика «балансирования» между двумя империалистическими лагерями обернулась полным провалом, что она стала лишь удобной ширмой для оккупантов, Ленин ее решительно пресек. В сложившейся ситуации более опасными врагами он видел державы Антанты. Немцы удовлетворились тем, что успели захватить, не предъявляя претензий на другие территории. К тому же, как рассчитывал Владимир Ильич, в Мировой войне Германия должна была проиграть. Значит, и от обязательств перед ней можно будет отказаться. Если же на шею сядут англичане и американцы, избавиться от них окажется ох как нелегко. И в противовес им Ленин пошел на дальнейшее сближение с Берлином – вплоть до военного союза, что отразилось в тайном договоре, получившем у историков название «Брест-2».

Но это очень не понравилось правительствам и спецслужбам Запада. И летом 1918 г. прогремели выстрелы двух терактов. 6 июля в Москве был убит посол Германии Мирбах. Свалили на левых эсеров (но Яков Блюмкин, застреливший посла, никакого наказания не

понес и позже стал начальником охраны поезда Троцкого). А 30 августа на заводе Михельсона три пули попали в Ленина. Многие данные говорят в пользу того, что за организацией этого покушения стоял Свердлов. Он же после теракта постарался скрыть и запутать все следы[198, 199]. Нельзя исключать, что такой шаг предусматривался изначально по схеме «ступенчатого» сноса России. За Львовым – Керенский – потом Ленин – а за ним, вероятно, Троцкий.

Однако карты заговорщикам спутал Дзержинский. Беспрепятственный разгул западных разведок ему вовсе не нравился, еще с июня 1918 г. агентов ВЧК удалось внедрить в сеть Локкарта, хорошо поработала и флотская контразведка[162, 173]. У чекистов было много данных, что западные шпионы готовят убийство Ленина и переворот. И сразу же после покушения, в ночь на 1 сентября, Дзержинский нанес удар по агентуре Антанты в Москве и Петрограде, произведя массовые аресты[190].

Впрочем, о том, кто реально «правил бал» в Советской России, можно судить по дальнейшим событиям. Свердлов, перехвативший после ранения Ленина рычаги руководства, отправляет Дзержинского в «отпуск», и Феликс Эдмундович предпочитает месяц скрываться в Швейцарии, пока Владимир Ильич не вернулся к работе. Дзержинского заменяет Петерс, креатура Свердлова. Дела о выстрелах на заводе Михельсона и о заговоре Локкарта были разделены (хотя вел их один следователь, Кингисепп). Первое быстро замяли, поспешив уничтожить Каплан и оборвав все нити. А из многочисленных арестованных, связанных с разведками Антанты, не был расстрелян никто (это в разгар вакханалии «красного террора»!) Рейли и французский резидент Вертимон сумели улизнуть, были приговорены к смерти заочно. Британского и французского генконсулов Локкарта и Гренара отпустили на родину. Из обвиняемых, представших перед трибуналом, кого оправдали, кого приговорили к небольшим срокам заключения, кого вскоре помиловали[162]. Все вышли на свободу.

А вот начальник флотской контразведки лейтенант Абрамовича, который как раз и выследил Сиднея Рейли с его агентурой, был обвинен в «контрреволюционном заговоре», осужден и казнен, несмотря на все прошения и апелляции[173]. Имена Робинса и других американских агентов на следствии и суде не прозвучали вообще, как и имена Троцкого, Бонч-Бруевичей и прочих советских деятелей, связанных с западными резидентурами. И с покушением на Ленина дело Локкарта увязано не было – хотя в показаниях обвиняемых и свидетелей неоднократно упоминалось о возможности такой связи.

Феномен Сталина

Советское руководство оказалось буквально напшиговано эмиссарами «мировой закулисы». Но, конечно, не все видные большевики были связаны с нею. Многие пришли в революцию и выдвинулись к власти другими путями. Самым заметным из таких деятелей стал Сталин. Он и Троцкий родились в одном и том же 1879 году. Но в биографиях обоих лидеров очень много отличий. Лева Бронштейн появился на свет в семье очень богатого херсонского землевладельца и зерноторговца, Иосиф Джугашвили – в бедной семье грузинского крестьянина, занимавшегося сапожным ремеслом. Отец со временем стал сильно пить, и в 11 лет мальчик остался сиротой. Растила Иосифа мать-поденщица, отдавала все силы, чтобы воспитать его. Мечтала, чтобы сын стал православным священником. В 1888 г. Иосиф поступил в Горийское духовное училище, проявил себя очень талантливым, окончил с отличием и в 1894 г. был принят в Тифлисскую духовную семинарию.

Но для его бурной, увлекающейся натуры рамки учебного курса и распорядка оказались «тесными». Джугашвили начал писать стихи, публиковавшиеся в газете «Иверия» – подписывал их псевдонимами «Сосело» и «Коба» (по имени романтического благородного разбойника из книги писателя Казбеги). И стихи были неплохие. Дореволюционные составители, не зная автора, включили некоторые из них в грузинские учебники, хрестоматийные сборники[161]. Иосиф тайком от руководства семинарии стал ходить в литературные кружки. Но эти кружки служили прикрытием для собраний революционеров...

Причем грузинские социалисты, Чхеидзе, Жордания и др., были связаны с международным масонством, позже они сыграли видную роль в Февральской революции, в правительстве меньшевистской Грузии. Что, в общем-то, неудивительно, для зарубежных антироссийских сил соединение социалистических идей с сепаратизмом представляло особый интерес. Но как раз национализм этой группировки оттолкнул от нее Джугашвили. Он предпочитает действовать независимо от нее, создает социалистический кружок в семинарии, ходит пропагандистом к рабочим. Начальство начало догадываться о его увлечениях. Улик против него не было, но ему поставили в вину «дерзость», слишком острые вопросы. В 1899 г. при прочих отличных оценках поставили двойку по поведению и исключили из семинарии.

Он стал кочевать по друзьям, знакомым из тех же социалистических кружков и превратился в профессионального революционера. Возглавил работу в Батуме. В 1902 г. первый арест, ссылка, как и у Троцкого, в Иркутскую губернию. Ему побегов за границу никто не организовывал, но со второй попытки все же удрал, вернулся в родное Закавказье. Начал писать и теоретические работы. И его привлекли статьи Ленина – у которого, в отличие от других теоретиков, все было предельно просто, понятно, четко разложено «по полкам». Именно такой марксизм энергичный Коба считает подходящим для себя, пригодным в качестве боевой программы. Он увлекается Лениным и заочно признает его «учителем».

Лично Джугашвили познакомился с Владимиром Ильичем в 1905 г. на Таммерфорской конференции и был в восторге от него. А на V съезде партии в Лондоне впервые увидел Троцкого. И оба друг друга не оценили. Иосиф Виссарионович назвал будущего врага всего лишь «красивой ненужностью», а Лев Давидович на него вообще не обратил внимания. Коба-Джугашвили был одним из руководителей революционных акций в Закавказье. Но нашумевшая в «разоблачительных» кампаниях история о том, что он организовывал ограбление Тифлисского казначейства, остается недоказанной. Это обвинение прозвучало из уст Мартова в пылу ругани с большевиками, и даже такой убежденный антисталинист, как Д. Волкогонов, признает, что оно ни в то время, ни позже ничем не подтверждалось[34].

Невольно обращает на себя внимание и первая женитьба Джугашвили. Потому что все революционеры были атеистами (или, по крайней мере, представляли себя таковыми). К религиозным обрядам прибегали вынужденно, когда это требовалось с формальной точки зрения. В том числе для регистрации браков, которые по законам Российской империи были только церковными. Ленин в Шушенском венчался с Крупской. Троцкий в тюрьме заключил брак по иудейскому обряду с Александрой Соколовской. Однако реального значения таким «формальностям» не придавалось. Тот же Троцкий, совершая побег из ссылки, бросил Соколовскую с детьми в Сибирь, а в Париже сошелся с Натальей Седовой, не расторгая прошлого брака и не оформляя нового. Ленин предпочитал Крупской Инессу Арманд, и Надежду Константиновну это не смущало, так и жили втроем «дружной семьей». А Свердлов вопросами брака вообще не задавался, сходился и расходился с подчиненными девицами-подпольщицами, пока не нашел себе удобную постоянную подругу Новгородцеву.

Иосиф Джугашвили, в отличие от них, *сочетался тайным браком*. Его и Екатерину Сванидзе *тайно обвенчал* товарищ по духовной семинарии Христофор Тхинволели[34]. Для обычного среди революционеров сожительства этого не требовалось. И для юридических формальностей тоже, с точки зрения закона подобное венчание было недействительным. Но ведь зачем-то потребовалось Иосифу именно венчаться! Хотя брак, от которого родился сын Яков, оказался недолгим, Екатерина вскоре умерла от тифа. И ребенок воспитывался у родственников. А у Джугашвили продолжалась типичная жизнь революционера. Аресты, ссылки, побег.

И в эмиграцию он, в противовес многим товарищам по партии, не стремился, оставаясь на родине. Побывал за рубежом лишь дважды на партийных съездах и в 1912 г. посетил Ленина в Кракове. Тут он впервые зарекомендовал себя как специалист по национальному вопросу. Современные исследователи нередко причисляют Ленина к русофобам, подкрепляя это подборками из его цитат. Но Владимир Ильич таковым не был, хотя не был и русофилом (что тоже порой подтверждают – подборками других его цитат). Нет, он вполне в духе марксизма верил, что нации должны со временем отмереть, и «пролетарии всех стран» сольются в некую новую общность. Поэтому национальный вопрос имел для него чисто практическое значение (отсюда и диаметральный разброс цитат). Когда было выгодно, Ленин союзничал с националистами. А в 1912 г. он как раз боролся с Бундом, требовавшим для себя «культурно-национальную автономию» внутри партии и в будущей России.

Тут-то и пригодились ему взгляды Джугашвили. Он по заданию Ленина пишет статью «Марксизм и национальный вопрос», где разнес оппонентов в пух и прах. Вообще опровергал существование еврейской нации, поскольку, мол, она не имеет собственной территории, живет в разных странах и разговаривает на разных языках. И Владимиру Ильичу такой «погром» очень понравился, это было вполне по-ленински, неважно, какими аргументами, но всыпать противникам, чтоб мало не показалось. Владимир Ильич лично проталкивает статью в журнал «Просвещение», несмотря на противодействие части редакции, и сообщает Каменеву: «Вопрос боевой, и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи». И именно эта статья впервые была подписана новым псевдонимом – Сталин...

После визита за границу Иосиф Виссарионович был направлен в Петроград курировать издание «Правды». Но по наводке провокатора Малиновского его почти сразу арестовали, он попал в очередную ссылку, в Туруханский край. Как хронического беглеца, его определили за Полярный круг, в дальнее село Курейка. Здесь же с ним очутился другой член ЦК и хронический беглец, Яков Свердлов. Но не ужились. Сталин почему-то сторонился товарища по партии, чувствовал к нему то ли отвращение, то ли некое отторжение. Правда, вместе пробыли недолго. Свердлов симулировал болезнь, в его защиту подняла шум «общественность», и его перевели в более цивилизованные места, в большое село Монастырское,

где он попытался организовать кооператив по скупке у населения пушнины – чтобы перепродать а Америку[117]. За Сталина ходатаев не нашлось, и по здоровью он не «косил». Провел три года в Курейке. Близко сошелся с местными жителями. Охотился, ловил рыбу для пропитания.

В 1916 г. в связи с военными потерями начали призывать в армию ссыльных. Большевики типа Свердлова нашли способы уклониться, Сталин этого делать не стал. Был призван, но не прошел медицинскую комиссию из-за давней болезни руки. А тут грянул и Февраль с политической амнистией. Иосиф Виссарионович с Каменевым сразу выехали в Петроград. Однако там верховодили партийцы типа Шляпникова – те, кто устраивал забастовки, получая деньги из Швеции. Сталин им пришлось не ко двору. В Бюро ЦК, воссозданное этими деятелями, он был приглашен лишь с совещательным голосом.

Но в обстановке, когда требовалось бороться за влияние среди простых рабочих, солдат, обойтись без таких людей, как Сталин, было нельзя. Он был прекрасным организатором-практиком, умел завоевывать доверие. Сказалась и его близость с вернувшимся из эмиграции Лениным. Владимир Ильич ценил его верность «ученика», доверял ему, и на VI съезде, в своем отсутствии, поручил ему сделать главный, политический доклад. На этом же съезде обозначилось еще одно расхождение Иосифа Виссарионовича с Троцким. Сталин в полемике с троцкистом Преображенским заявил, что хватит ориентироваться на Запад, и, может быть, «именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму». Когда об этом доложили Троцкому, он смеялся над столь вопиющим «невежеством» и как раз тогда прилепил Иосифу Виссарионовичу презрительное прозвище – «философ социализма в одной стране».

В Октябрьской революции Сталин поучаствовал весьма активно, был членом Военно-революционного комитета, и после победы большевиков вошел в правительство – Совнарком. Но «кто платил, тот заказывал музыку». Само собой разумеется, основные рычаги власти оказались в руках ставленников закулисных сил. Сталина же ввел в правительство Ленин, желая иметь «своего» человека и придумав для него пост «по специальности» – совершенно неопределенный и малопонятный, наркома по делам национальностей. Если мы взглянем на плакат тех времен, где изображен состав Совнаркома, то увидим рядом с Лениным фотографии Троцкого и Рыкова, а Иосифа Виссарионовича – в самом низу, в уголке[34]. И весь его «наркомат» представлял собой письменный стол в одной из комнат Смольного, штат состоял из двух помощников.

Но авторитет Сталина поддерживался не только его «министерскими» полномочиями, он был и членом ЦК. В вопросе о Брестском мире и прочих партийных разногласиях он твердо и однозначно поддерживал Ленина, однако имел и собственное мнение. Он был одним из немногих, кто, вопреки Троцкому, возражал против приглашения войск Антанты на Русский Север. Сталин доказывал: «Англичане никогда не помогают зря, как и французы». Но его голос не был услышан. Соглашаясь с необходимостью «балансировать» и «играть на противоречиях», Иосиф Виссарионович был противником и сближения с немцами. И еще 14 марта 1918 г. в статье «Украинский узел», рассказывая о борьбе партизан против германских оккупантов, Сталин назвал ее «*отечественной войной*»[161].

В национальном вопросе позиция Иосифа Виссарионовича также вошла в противоречие с линией «оборотней». Как Антанта, так и Германия с ее союзниками нацеливаясь на разрушение России, поддерживали националистов. И большевики с националистами до поры до времени выступали союзниками. Но провозглашенным «Правом наций на самоопределение» сразу воспользовались немцы, австрийцы, турки, оккупируя возникшие «независимые республики» по «приглашению» марионеточных «правительств». Причем в это время и на остальной территории страны разгулялись националисты всех сортов. Даже там, где население было русским, местные власти возмечтали о самостоятельности, покатылся настоящий

«парад суверенитетов» – провозглашались Донецкая, Черноморская и прочие «республики». А троцкист Рейснер, бухаринец Покровский и «свердловец» Стеклов (Нахамкес) выдвинули модель «территориальной федерации» – дескать субъектами Российской Федерации должны быть самоуправляемые местные советы, коммуны, профсоюзы, заводские организации. По сути, пошел полный распад государственности.

Сталин решительно встал на пути этих процессов. Он осаживает мусульманских сепаратистов, претендующих на строительство социализма по собственному пониманию – и старается ввести в приемлемые рамки их «автономию». Он внушает региональным руководителям: «Достаточно играли в правительства и республики, кажется, хватит, пора бросать игру», ведет жаркие споры со сторонниками «территориальной федерации». Получает поддержку Ленина, благодаря чему удается одерживать верх.

Но в итоге его... удаляют из Москвы. Подобная практика была придумана Свердловым в его кадровой политике. Мешающая или неудобная фигура под предлогом особо важной задачи отправлялась в «почетную ссылку» – получала ответственное назначение где-нибудь подальше от столицы. Вот и Сталин в мае 1918 г. был вдруг откомандирован «руководителем продовольственного дела на юге России»[161]. Хотя по прибытии в Царицын ему довелось не собирать с крестьян продразверстку, а воевать. Юг охватили восстания, полупартизанские красные части столкновений с белыми не выдерживали и бежали. И Иосиф Виссарионович впервые выступил в роли командующего. Впрочем, для тех боевых действий, которые развернулись в России, особых военных знаний не требовалось, куда нужнее было умение организатора. И он воссоздавал из разрозненных отрядов развалившийся фронт, налаживал оборону. А попутно приобретал все больший вес среди большевиков...

Партия, сформировавшаяся в 1917-1918 гг., получилась очень неоднородной. Одно ее крыло составляли нахлынувшие из-за рубежа «интернационалисты», эмигранты, большинство профессиональных революционеров. Эта среда была опорой «оборотней», из нее свердловы и троцкие черпали свои кадры, расставляя их функционерами и комиссарами среднего звена. В партию влилось также изрядное количество грязной «пены» – что закономерно для любой смуты. Шпана, люмпены, отбросы общества, для которых главной приманкой стал лозунг «грабь награбленное». Однако к большевикам примкнули и тысячи рабочих, крестьян, солдат, соблазненных перспективами «земного рая», но оставшихся в душе патриотами. Этот патриотический приток шел как раз в период между Февралем и Октябрем, когда для простых людей становилась очевидной нечестность Временного правительства и его зависимость от иностранцев. Такой приток вызвала и интервенция – получалось, что если оккупанты приняли сторону белых, то для защиты Отечества надо идти к красным.

Но ведь Красной армией руководил Троцкий! Высокомерный, амбициозный, играющий в «бонапарта». Наводя дисциплину, устраивал «децимации», расстреливая в отступивших полках каждого десятого. Его помощниками и советниками были опять же иностранцы, его посланцами и представителями становились русофобы-«интернационалисты». Кроме того, для формирования армии Лев Давидович широко привлек «военспецов» – бывших офицеров и генералов. Они целиком зависели от наркомвоена, в его власти было уничтожить или возвысить любого из них. Всем, что они получали, они были обязаны лично Троцкому – а значит, должны были хранить верность ему, стать его послушным орудием. Естественно, не всех бывших офицеров удавалось привлечь воевать против вчерашних товарищей по оружию – опорой Льва Давидовича становились те, кого можно было купить высокими окладами, должностями, по сути готовые ради карьеры и личного благополучия превратиться в наемников. И, разумеется, ни сам Троцкий, ни его «интернационалисты» и военспецы не могли пользоваться авторитетом у патриотически настроенных партийцев и красноармейцев.

Однако в Царицыне возник альтернативный центр. Причем Сталин, в отличие от других красных военачальников, занимал высокое положение в структуре партии и правительства, имел прямой выход на Ленина, поэтому мог себе позволить игнорировать приказы всеильного наркомвоена, не соглашаться с ним, проводить собственную линию. Таким образом, в ходе гражданской войны внутри партии большевиков стала складываться еще одна группировка – патриотическая. Складываться вокруг Сталина.

Почему не состоялось мировое господство США?

Война корежила мир четыре с лишним года грохотом тяжелых орудий, надрывававшихся по несколько суток в артподготовках, разрывами миллионов снарядов перепыхавших огромные пространства вдоль фронтов, ливнями пуль и осколков, косивших целые полки и дивизии, воплями дикой боли раненых, искалеченных, умирающих. Но окончилась она именно так, как планировалось в тиши кабинетов Хауса и Вильсона.

В апреле 1917 г., сразу после свержения Николая II Америка, как и планировал Хаус, вступила в войну. При этом, кстати, Вильсон заручился поддержкой финансовых магнатов, стоявших за ним, и в очередной раз щедро поощрил их. Бернард Барух был назначен министром военной индустрии, и не просто министром, а по сути экономическим диктатором – ему были подчинены все военные заводы США. Евгений Майер стал главой Военной Финансовой Корпорации, заведующим всеми расходами. Новые должности и полномочия получили Пол Варбург и его компаньоны. А командовать войсками в Европе был назначен генерал Дж. Маршалл – родственник крупных бизнесменов (и сионистов) Маршаллов.

К 1918 г. в портах Англии и Франции пароход за пароходом, конвой за конвоем, выгружались контингенты американских солдат, захлестывая «старушку» Европу. Впрочем, Америка еще очень отличалась от нынешней. Она уже разбогатела, но еще не ожирела, не обезумела и не извратилась. И американцы отличались от современных. Эти солдаты были простыми фермерами, работягами, пастухами, батраками. Наивными, безграмотными, но в общем-то простодушными, искренними, жизнерадостными. И совершенно не умеющими воевать. Их ставили во вторые эшелоны, на второстепенные участки, чтобы снять на главные направления хорошие, опытные части. Но американцы даже и на спокойных участках умудрялись натворить бед. Попав в окопы под Сен-Миелем, сочли, что хлюпки-европейцы просто не умеют драться. Решили показать, как надо – и полезли в ненужные атаки на германские пулеметы, положив 70 тыс. человек...

Принести перелом в войне такие войска, конечно же, не смогли бы, разве что увеличить число жертв. Но они и не предназначались для победы. Они требовались, чтобы составить в Европе впечатляющую массу – козырь в грядущих политических комбинациях. А победа достигалась совсем другими средствами. Вильсон назвал это «сшибанием кайзера с его насеста». Еще 14 июня 1917 г. президент США сделал заявление, что в войне виноваты только властители Германии, поэтому борьба ведется не с немецким народом, а с «автократией». Дипломаты и спецслужбы Антанты принялись активизировать «демократические» силы в Центральных Державах, их обнадеживали, заверяли в поддержке. Причем союзниками Вильсона и Хауса становились те же самые круги, которые прежде участвовали в операции по сокрушению России – германские и австрийские социалисты, банкиры, крупные промышленники.

А основной вклад в выполнение «плана Хауса» внесли... большевики. Если до Октября революционная пропаганда выплескивалась из Германии в Россию, то теперь она хлынула в обратном направлении. Заражались большевизмом сотни тысяч пленных, которых возвращали на родину. Советские агенты обрабатывали солдат оккупационных частей на Украине, в Белоруссии, Прибалтике. По инициативе Свердлова была создана Федерация иностранных групп РКП (б) во главе с Белой Куном. А под эгидой Троцкого действовало пресс-бюро Радека, в его состав входило Бюро международной революционной пропаганды, которым руководил уже известный нам Рейнштейн – бывший секретарь американской миссии Красного Креста в России. Оперативными работниками числились другие сотрудники той же миссии – Джон Рид, его жена Луиза Брайант, Альберт Рис Вильямс, Роберт Майнор,

Филип Прайс, французский шпион Жак Садуль[158]. Эти организации готовили и направляли за границу тысячи агитаторов.

Революции в Центральных Державах, в отличие от российской, даже не требовали от заказчиков никаких вложений, они готовились за русский счет! На это неограниченно выделялись средства в золоте, драгоценностях, валюте, награбленных в ходе конфискации и репрессий. И покатила цепная реакция. В сентябре 1918 г. грянула революция в Болгарии, она вышла из войны. В октябре – в Турции, 3 ноября – в Австро-Венгрии, за ней забурлила Германия. Кайзер отрекся от престола и бежал в Голландию, а пришедшие к власти демократы обратились к Антанте с просьбой о мире. 11 ноября в Компьене немецкая делегация подписала капитуляцию...

Ленин был в восторге, полагая, что реализуются его планы «мировой революции». Нет, не совсем. Планы-то реализовывались, но не его. А согласно планам «мировой закулисы» рухнуть в полный хаос должна была только Россия. Центральным Державам предназначалась более мягкая участь. Всего лишь поражение и «демократизация». Новые правительства этих стран получили немедленную и действенную помощь Антанты для подавления своих радикалов. И вспыхнувшие было восстания крайне-левых в Германии, Венгрии, Словакии были разгромлены быстро и жестко.

18 января 1919 г. в Версале открылась мирная конференция. Россия в ней не участвовала. В Париже сформировалась «Всероссийская дипломатическая миссия», пытавшая представлять интересы белогвардейских правительств, сохранявших верность союзу с Антантой. Однако лидеры Запада эту миссию даже на порог конференции не пустили. Французский президент Клемансо заявил предельно откровенно: «России больше нет». Но, кстати, и многие другие страны, участвовавшие в войне, только присутствовали в Версале, скромно помалкивая. За них все решали «великие». И, в свою очередь, среди «великих» выделялись «самые великие». Формально был образован Совет Десяти стран-победительниц, но главные проблемы решались отнюдь не «десяткой», а «большой четверкой»: Вильсон – Ллойд Джордж – Клемансо – Орландо. А внутри «четверки» существовала «тройка», интригуя против Италии. А внутри «тройки» «двойка» из США и Англии, копавшая под Францию. А внутри «двойки» лидировал Вильсон. Он вообще чувствовал себя верховным арбитром и вершителем судеб, задавал тон, диктовал свои требования. И основой для переустройства мира стали его «Четырнадцать пунктов».

При этом демократы Центральных Держав, поверившие заявлениям, будто война ведется только против монархий, а не против народов, оказались обмануты. Отдаться пришлось народам. Болгарию территориально урезали, обложили репарациями, распустили ее армию. На Турцию наложили «режим капитуляций», фактически лишая ее суверенитета, делили на зоны оккупации, отчленили Ближний Восток, Ирак. Австро-Венгрию поделили на Австрию, Венгрию, Чехословакию, различные области отдали другим странам. Германия, объявленная главной виновницей войны, теряла все колонии и восьмую часть своей территории. Лишалась флота, а армию могла иметь не более 100 тыс. человек, притом наемную, чтобы не накопила обученных резервистов. Немцев обязывали выплатить гигантские репарации в 132 млрд. золотых марок, что толкало их в экономическую зависимость от держав Антанты.

Впрочем, связанные с этим бедствия и лишения свалились только на простых людей, а круги, связанные с «мировой закулисой», внакладе не остались. Масоны-социалисты получили власть – чего ж еще надо? Германским и австрийским банкирам крушение монархий открывало «свободы» для хищничества. «Демократизация», как водится, сопровождалась «приватизациями», на которых хорошо погрели руки те же германские Варбурги, австрийские Ротшильды, Парвус и им подобные. Наряду с побежденными государствами правители Антанты самозабвенно кроили и недавнюю союзницу – Россию, решали судьбы Средней

Азии, Дальнего Востока, Севера, заявляли о поддержке прибалтийских и закавказских новообразований, Украины. Между прочим, именно в Версале по инициативе Вильсона было впервые принято предложение о передаче в состав Украины Крыма, никогда ранее украинцам не принадлежавшего.

Ну а среди победителей плоды выигрыша распределились крайне неравномерно. Сербию, сильно пострадавшую и понесшую большие потери, вознаградили чрезвычайно щедро. Ей передали области хоть и славянские, но совершенно разные по своим историческим судьбам, традициям, культуре, национальным особенностям – Хорватию, Словению, Боснию, Герцоговину, Македонию, объединили с союзной Черногорией. И возникло Королевство сербов-хорватов-словенцев, позже Югославия. А Бельгия тоже пострадала очень сильно и сражалась героически, но для нее ограничились лишь микроскопическими территориальными прирезками. Румыния проявила себя полным нулем в военном отношении, проституировала, перекидываясь то на сторону Антанты, то Германии. Невзирая на это, ее уважили (возможно, из-за того, что Румыния была неприкрытым оплотом масонства). Отдали ей и австро-венгерскую Трансильванию, и российскую Бессарабию, увеличив территорию страны втрое. Была воссоздана Польша, которую скомпоновали из германских, австро-венгерских, российских земель. Италия из того, что ей наобещали за вступление в войну, не получила почти ничего. Франция вернула ранее утраченные Эльзас и Лотарингию и получила в подмандатное управление Сирию с Ливаном. А вот Англия себя не обидела. Хапнула под свой мандат все германские колонии в Африке, Ирак, Трансиорданию, Палестину.

Что же касается Америки, то ее территориальные приобретения вообще не интересовали. Вильсон рассчитывал на большее. С одной стороны, по инициативе американцев в мирный договор был внесен пункт о «свободе торговли» и «снятии таможенных барьеров». Государства, ослабленные войной, конкурировать с США не могли, и этот пункт означал экономическое и торговое господство американцев. Которое должно было дополниться политическим. Вильсон писал: «Америка призвана модернизировать политику Запада». «Экономическая мощь американцев столь велика, что союзники должны будут уступить американскому давлению и принять американскую программу мира. Англия и Франция не имеют тех же самых взглядов на мир, но мы сможем заставить их думать по-нашему»[6].

Для такой «модернизации» политики решением Версальской конференции было создано первое «мировое правительство» – Лига Наций. Через нее предстояло насаждать приоритет «демократических ценностей», главным гарантом которых как раз и станет Америка. Хаус, настраивая на это Вильсона, лгливо называл его «апостолом свободы» – и президенту нравилось, он уже входил в подобную роль. Но... вместо дальнейшей реализации плана грянула катастрофа для самого Вильсона.

Что же произошло? Чтобы понять это, надо учитывать – единство «мировой закулисы», «финансового интернационала» в начале XX в. оставалось еще непрочным. Теневые группировки в различных государствах могли иметь общие цели, но у них существовали и собственные интересы, далеко не всегда согласные между собой. Американская «закулиса» набрала огромную силу, но и европейская сохраняла значительное могущество. Она была старше, опытнее американской. А британские, французские, германские, итальянские, бельгийские, австрийские тузы политики и бизнеса вовсе не для того устранили соперницу-Россию, не для того свергли германскую и австрийскую монархии, чтобы получить диктат со стороны США. Вильсон, Хаус и их команда были уверены, что хитро переиграли всех. Однако на самом-то деле обставили их самих. Америку втянули в войну, использовали ее ресурсы и политический вес для решения задач европейской «закулисы» – а потом постарались снова удалить от европейских дел.

И под Вильсона подвели мину. Не в Европе, где он считал себя всесильным, а у него на родине, в США. Это было совсем нетрудно. Ведь в 1916 г. он победил на выборах, исполь-

зую лозунг «Вильсон уберег Америку от войны» – а почти сразу после выборов вступил в нее. Сограждане его обман помнили. А условия мира давали новые поводы для обвинений. Получалось, что англичане, французы, сербы, румыны, поляки, чехи получили реальные и осязаемые приобретения, а США? Выигрыш от «свободы торговли» и создания Лиги Наций был для рядовых американцев непонятен (да этот выигрыш и не касался *рядовых*). Вышло – десятки тысяч парней погибли или были искалечены за чужие, ненужные американцам интересы...

В США против Вильсона стала разворачиваться мощная кампания. Ему ставили в вину отход от традиционной политики изоляционизма, военные издержки и потери. Обвиняли в поддержке большевиков в России. Предсказывали, что в случае продолжения политики Вильсона, Америке снова придется решать чьи-то чужие проблемы, а не собственные, тратить на это средства, усилия, нести жертвы. Положение усугубилось тем, что президент перестал нравиться многим крупным американским фигурам. Как уже отмечалось, он был фанатичным протестантом – и на самом деле поверил, будто ему предназначена «мессианская» роль, будто он творит «волю Божью». Ну а как же, представлялось, будто все «доказательства» налицо – быстрое возвышение, удача по всех задумках, возможность распоряжаться судьбами мира... Он стал выходить из-под контроля воротил Уолл-стрита.

Ну а в дополнение ко всему, произошло резкое охлаждение президента с Хаусом. В разгар кризиса, в ходе скандалов и разоблачений, которые посыпались на его голову, Вильсон вдруг прозрел. Понял, что им откровенно манипулировали. И он обиделся, порвал отношения со своим «серым кардиналом». А в результате окончательно утратил поддержку американских банковских кругов.

Завершилось это крахом всей его политики. Сенат США отказался ратифицировать Версальский договор, отверг вступление страны в Лигу Наций. От Вильсона отвернулись обе ведущие американские партии, и республиканская, и демократическая, обе объявили ему войну. Однако президент все еще верил в свою «избранность» и пошел на беспрецедентный шаг. Решил напрямую обратиться к американскому народу через головы сената, политических партий, минуя поливающие его грязью средства массовой информации. Стал на поезде ездить по США и произносить речи, доказывая правильность своей линии. За три недели он проехал от Вашингтона до Сиэтла, выступив в десятках городов. Но не выдержал такого напряжения. Вильсона хватил удар, разбил паралич, и до конца президентского срока он уже не вставал с постели[66]. Вот так в 1919 г. силам американской «закулись» не удалось использовать очень благоприятную для нее ситуацию и захватить мировое лидерство. «План Хауса» пришлось отложить...

Россия в крови

На календарях было 17 июля 1918 г. На православных календарях – 4 июля... В мрачном подвале суетливый и бледный Янкель Юровский расставлял у стены 11 человек. Государя императора Николая Александровича, его жену, детей, приближенных. Принесли два стула, усадив на них Александру Федоровну и царевича Алексея... Вошли палачи, и Юровский поспешно, сбивчиво стал зачитывать приговор. Николай Александрович удивленно вскинулся: «Как, я не понял?» Но Юровский, не давая ему договорить, выстрелил. И наперебой забухали револьверы... А потом на стене подвала в екатеринбургском доме Ипатьева кто-то оставил каббалистические надписи[30, 52, 167]... Когда произошло ритуальное убийство русского царя, его семьи и ближайших слуг, мир не содрогнулся. Мир вообще не сразу узнал об этом. А, узнав, воспринял в качестве одной из многих второразрядных сенсаций. Поахали, покачали головами, а назавтра перешли к новым темам...

Курировал эту акцию Яков Свердлов. Исполнителями стали его подручные Юровский, Голощекин, Белобородов, Войков (Вайнер), Сафаров (Вольдин), спецотряд латышей Свикке. В тайну были посвящены некоторые другие видные большевики – часть переписки при подготовке царевубийства шла через Зиновьева и Урицкого. А Троцкий в своих мемуарах почему-то солгал, будто находился на фронте, и вопрос был решен без него Лениным и Свердловым. Хотя он, согласно протоколам Совнаркома, был в Москве и присутствовал на том заседании, куда явился Яков Михайлович с сообщением о расстреле Николая II. Очевидно, имел причины солгать. Существуют свидетельства, что Свердлов для организации ритуала получал указания через американскую дипломатическую миссию в Вологде – а поступали эти указания из США, в том числе от Якова Шиффа[136]. Банкира и одного из иерархов ложи «Бнайт Брит».

Но здесь нам надо сделать отступление и более подробно коснуться вопроса о масонстве. Представления о нем бытуют самые разные: от безобидного «братства взаимопомощи и товарищества» до могущественной секты, правящей миром. Оно не является ни тем, ни другим. Истоки его следует искать в гностических учениях, появившихся почти одновременно с христианством – и выступавших противовесом христианству. Главное отличие состояло в том, что христианство отдает приоритет вере, а гностицизм – познанию, человеческому разуму. Однако он не атеистичен. В ряде подобных теорий фигурирует библейская легенда о «плоде познания», но рассматривается она с позиций, противоположных библейским. Бог низводится до уровня «демиурга», ремесленника, к тому же злого, раз он не позволял людям трогать этот плод. А благим началом признается Змей. Важным источником «познания» стал и поиск тайной мудрости в оккультных учениях Древнего Востока, языческих мистериях.

Гностицизм взаимодействовал с различными религиями, и возникали секты манихеев, павликиан, богумилов, вальденсов, альбигойцев, каббалистические теории. Этими учениями заразился и рыцарский орден тамплиеров-храмовников, созданный для защиты Храма Господня в Иерусалиме, но скатившийся до дьяволопоклонства – и под «храмом» стали пониматься обретенные на Востоке сакральные знания. Орден был уничтожен, но с его историей оказался связан термин «вольных каменщиков», как бы призванных трудиться над строительством нового «храма».

Идеи гностицизма проникали в европейскую мысль, порождая всевозможные ереси. Они сыграли важную роль в процессах Реформации, когда те или иные учителя отвергали догмат веры и начинали переиначивать религию на основе собственного разума. Ну а воспользовались Реформацией круги крупного капитала – для низвержения монархий и захвата власти в Голландии, Англии. Однако в ходе первых буржуазных революций выяснилось, что радикальные секты – слишком разрушительная сила, способная выйти из-под контроля и

обернуться против своих хозяев. Поэтому в XVII в. в Англии возникла другая форма теневых группировок, масонские ложи.

Краеугольным камнем их учений стал либерализм. То есть республиканство, «гражданские свободы», ослабление и подрыв устоев христианства, подмена его «просвещением». А истинным фундаментом масонства стали интересы мирового олигархического капитала. С одной стороны, для подобных кругов всегда оказывались выгодными либеральные «ценности» и «свободы». С другой – сам капитал становился мощным средством для пропаганды и достижения подобных целей.

Нет, масонство – не единая секта. Известны масоны-католики, православные, протестанты, иудеи, мусульмане. Но всегда «умеренные». Исполняющие религиозные обряды, как принятую формальность. А в глубинных слоях посвящений оказываются темные оккультные и гностические учения. И если французские масоны-якобинцы пытались внедрить культ «Высшего существа», строить «храм Разума», то это «существо» отнюдь не являлось христианским Богом. И в жертву этому «Разуму» лилась человеческая кровь на гильотинах. Масонство – ни в коем случае не «братство». «Вольный каменщик» действительно получает помощь от своих коллег. Но лишь до той степени, пока это нужно высшим иерархам. А отыгранная фигура без всякого сожаления отбрасывается – как было с российскими либералами, совершавшими Февральскую революцию. Масонство не монолитно. Существуют разные ложи, течения, весьма отличающиеся между собой по установкам, обрядам. Они могут даже враждовать между собой. Но вражда проявляется на нижних уровнях – а через высшие теневые круги структуры все равно остаются взаимосвязанными.

И особое внимание стоит обратить на орден иллюминатов. В переводе с латыни это значит – «просвещенные». Но не исключено и иное толкование: «люди света», «несущие свет», а «светоносный» – имя Люцифера. Орден был основан в Мюнхене в 1776 г. баварским евреем Адамом Вейсгауптом. Наверное, не случайно датой рождения ордена было выбрано 1 мая, магический «Мэй-дэй», Вальпургиева ночь. Орден ставил задачи уничтожения монархий, религий, институтов семьи и брака, слом всей традиционной морали. А также всеобщую глобализацию со стиранием государственных границ и национальностей. В отличие от других масонских организаций, иллюминаты широко привлекали женщин, считая их важным инструментом для осуществления своей деятельности. Все члены ордена обязаны были иметь клички. Вейсгаупт взял себе имя «Спартак» – отсюда и германские революционеры-«спартаковцы». А от праздника иллюминатов 1 мая пошел «День международной солидарности трудящихся».

После запрета ордена многие его члены эмигрировали в США, замаскировавшись под «протестантов», под «иудеев». Но и в Баварии он возродился. К нему принадлежал Парвус. Не случайно он начал издавать «Искру» именно в Мюнхене. Возможно, как раз на этой почве в 1902 г. произошел разрыв Парвуса с Лениным, который был принципиальным атеистом и отвергал все, что, по его мнению, напоминало «богоискательство». Однако если не удалось втянуть в орден Владимира Ильича, то это хорошо получилось с Троцким. К иллюминатам принадлежали также Ларин, Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин. Есть подозрения относительно Крупской – подруги Люксембург и Цеткин. «Вольными каменщиками» различных лож являлись многие другие видные большевики – Бухарин, Зиновьев, Чичерин, Луначарский, Володарский, Серeda, Ломоносов, Скворцов-Степанов, Петровский, Радек, Раковский, Рейснер, Горький. А Свердлов, например, к масонству не относился, но был связан с ним через брата Залмана (Зиновия), усыновленного Горьким, а может быть, и через Вениамина. Кроме того, Яков Михайлович был убежденным оккультистом, тайным последователем черных магических учений[199]. И не он один...

В свете этого можно призадуматься – а случайно ли большевистской пропагандой так настойчиво внедрялось понятие «жертв на алтарь революции»? Данный термин можно вос-

принять в переносном смысле, но ведь можно и в самом прямом. За успехи некие потусторонние силы требуют жертвоприношений. Не хочешь сам ложиться «на алтарь» – клади других. И нетрудно заметить, что многие преступления времен гражданской войны оказывались, по сути, иррациональными. Они не вписывались даже в жестокую логику «революционной целесообразности».

Зверства творились уже при Временном правительстве. Солдаты, возбужденные агитаторами, поднимали на штыки командиров. Крестьяне убивали помещиков и «кулаков», чтобы разграбить их собственность. Но это были стихийные эксцессы. Повального озлобления еще не было. Когда поход Керенского – Краснова на Петроград провалился, казаки и матросы после боя мирно общались друг с другом и приходили к выводу, что делить-то им нечего. И в других местах власть досталась большевикам при самом незначительном сопротивлении. Защищать Временное правительство никто не хотел, большинство населения восприняло переворот если не одобрительно, то равнодушно. Не зря же утверждение большевиков по всей России было названо «триумфальным шествием Советской власти».

Но нет, подобный мирный сценарий эмиссаров зарубежных «бесов» не устраивал. Ожесточение стало насаждаться искусственно! На места рассылались всевозможные «интернационалисты», которые собирали себе отряды подручных из шпаны, уголовников, хулиганья, и «триумфальное шествие» сопровождалось волной погромов, грабежей, диких расправ над всеми неугодными. Разумеется, это вызывало ответную реакцию. Против насильников поднимались восстания, усиливался приток в ряды белогвардейцев. И разгоралась опустошительная гражданская война.

А она, в свою очередь, давала новые поводы для наращивания террора. Внедрялись поголовное истребление пленных, добивание раненых, экзекуции в захваченных населенных пунктах. Поводы к репрессиям дала и политика «военного коммунизма», попытки крестьян сопротивляться продразверстке. Ленин, находившийся в плену собственных иллюзий, силовые меры одобрял. Упрямо старался внедрить в жизнь новые модели, видя в противодействии им дело рук «эксплуататорских классов» или влияние «пережитков», которые нужно решительно подавить. Весь 50-й том его Полного собрания сочинений полон телеграммами с требованиями «массового террора», «беспощадных расправ», расстрелов, введения системы заложничества[96].

Но это были еще «цветочки». Подлинной вакханалии открыло дорогу постановление ВЦИК о «красном терроре», принятое 2 сентября 1918 г. по настоянию Свердлова под предлогом покушения на Ленина. И тут мы сталкиваемся с еще одной «легендой прикрытия». Главным творцом террора зарубежные, а вслед за ними отечественные демократические источники дружно объявили Дзержинского. Его изображали бездушным машиной убийства, настоящим монстром. Что ж, Дзержинский был жесток к врагам революции. И никто не снимает с него ответственности за многие преступления ВЧК, которой он руководил.

Но стоит отметить и другое. Кошмарную мясорубку, залившую Россию потоками крови, создал и запустил в действие отнюдь не он. Еще раз напомню, в октябре 1918 г. Свердлов отправил Дзержинского в «отпуск». И именно в это время вместе с Петерсом провел реорганизацию органов ЧК. Они получили двойное подчинение – центральной ВЧК в Москве и региональным Советам, подконтрольным Свердлову и возглавляемым «интернационалистами». Местные ЧК формировались Советами и получали права отделов исполкомов. По сути, их вывели из-под контроля Москвы. В этот же период, без Дзержинского, произошли кадровые реформы. Часть сотрудников удалили из ЧК под разными предлогами. Но штаты были значительно увеличены, и в основном за счет инородцев. Центральный аппарат ВЧК на 75 % составил из латышей. Хватало и евреев, мадьяр, немцев, эстонцев. Для «укрепления» органов ЧК в них, согласно постановлению о «красном терроре», было пере-

ведено много «ответственных товарищей» из партийных и советских структур – а заведовал партийными и советскими кадрами все тот же Свердлов.

Ну а в дополнение к ЧК Троцкий приказом от 14 октября 1918 г. учредил свои собственные карательные органы, Реввоен трибуналы. Только это были не трибуналы в прямом смысле слова, т. е. не судебные органы, а особые, хорошо вооруженные подразделения, специально предназначенные для массовых расправ. И Лев Давидович поучал: «Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожить десятки тысяч. У нас нет времени, нет возможности выяснять действительных, активных врагов. Мы должны встать на путь уничтожения...»[21]

Теоретики «красного террора» – Троцкий, Лацис и т. д. провозглашали, что он направлен против «эксплуататорских классов», «буржуазии». Однако никакой настоящей буржуазии в России уже не осталось! Крупные предприниматели, банкиры, промышленники, между прочим, не очень-то пострадали от революции. Большинство из них еще в 1917 г., когда стало ясно, что Временное правительство шатается, позаботилось перевести свои капиталы в заграничные банки и выехать за рубеж. Многие эмигрировали сразу после Октября через Финляндию. Уезжали в течение 1918 г. через оккупированную немцами Украину. Но террор носил вовсе не хаотичный, а очень даже определенный характер.

В первую очередь он ударил по Православию. Под разными предлогами арестовывались и отправлялись на убой епископы, священники, диаконы, монахи и монахини. А под маркой «буржуев» карательные органы принялись густо выкашивать русскую интеллигенцию. Хотя она-то противницей революции отнюдь не была. Напротив, к 1917 г. она составляла чуть ли не самую «революционную» часть народа, целиком проникшись идеями либерализма, социализма, атеизма, «свободы-равенства-братства»... Иррационально? Нет, с точки зрения организаторов и заказчиков террора как раз это было вполне «рационально».

Потому что, по планам «мировой закулисы», требовалось уничтожить не только Россию, но и русский народ. Изменить его, переделать, денационализировать. А интеллигенция, несмотря на свои политические взгляды, оставалась носителем культурных традиций, накопленного за века интеллектуального багажа. Вот и истребляли ее, «расчищая» место для совсем иной культуры, морали, традиций. У крестьян, рабочих уничтожению подлежала активная часть. Те, кто способен сопротивляться, окажется непокорным, не примет безропотно навязанную ему новую систему «ценностей». А вот казачество было решено уничтожить полностью. Тоже, конечно же, не случайно. Пояс казачьих областей по границам скреплял Россию, препятствовал ее распаду. Казаки всегда были патриотами – даже те, кто принял сторону красных. Они бережно и консервативно поддерживали свой уклад, традиции, «переделать» их было трудновато. Наконец, они всегда называли себя «воинами Христовыми». Вывод – их следовало просто физически истребить. Директивой Оргбюро ЦК за подписью Свердлова от 19 января 1919 г. открылась кампания геноцида казачества. Волны смерти и ужаса прокатились по Дону, Тереку, Уралу, Оренбуржью, Астраханскому краю...

Правда, жизнь Свердлова оборвалась. Возвращаясь с Украины, он был избит доведенными до голода железнодорожниками Орла, и 16 марта его не стало. Казалось, что и политика, внедрявшаяся через него, стала меняться. Уже в день смерти Якова Михайловича ЦК отменил антиказачью директиву. На VIII съезде партии многие делегаты высказывали возмущение зверствами террора, было также принято постановление о смягчении политики по отношению к крестьянству. Звучало и много резкой критики в адрес Троцкого, его методов руководства армией. В результате после съезда были назначены проверки, и вышло постановление ЦК о ставке Красной армии, где положение признавалось неудовлетворительным. Ленин писал: «Большинство Цека пришло к убеждению, что ставка «вертеп», что в ставке неладно...»[96]

И... ровным счетом ничего не изменилось! Откуда еще раз можно понять, насколько сильные позиции имели агенты «мировой закулисы» в советском руководстве. Не стало одного – остались другие. Покрывали и поддерживали друг друга. А любые решения, идущие вразрез с линией теневого сил, блокировались и спускались на тормозах. ЦК признал ставку Троцкого «вертепом» – но Лев Давидович при этом не только сохранил командование вооруженными силами, а еще больше возвысился. После гибели Свердлова он выдвинулся на роль «вождя номер два». И кадры, отобранные и выпестованные Яковом Михайловичем, как-то автоматически, «по наследству», перешли в группировку троцкистов, усиливая ее – Петровский, Петерс, Аванесов, Лацис, Теодорович, Войков, Белобородов, Голощекин, Кингисепп, Стучка, Бела Кун, Уншлихт, Бокий, Крыленко, Сосновский, Кедров, Сафаров, Ягода и др.

Директиву Свердлова об уничтожении казаков была отменена – а геноцид все равно продолжился, теперь под предлогом подавления казачьих восстаний. VIII съезд партии принял постановление о «союзе» со средним крестьянством, Калинин, ставший вместо Свердлова председателем ВЦИК, давал указания не видеть в крестьянах врагов, налаживать дружные и взаимовыгодные отношения города и деревни. Куда там! На селе по-прежнему бесчинствовали продотряды. По-прежнему выбивали продразверстку насилиями, порками, расстрелами.

А борьбу против Православия никто и не думал сдерживать. Наоборот, она наращивалась. 1 мая 1919 г. за подписью Ленина вышло постановление правительства № 13666-2 «О борьбе с попами и религией»[56, 161]. Уж конечно, сотрудники аппарата Совнаркома, регистрировавшие постановление, не случайно дали ему такой номер. И день был выбран, понятное дело, не случайный – все тот же праздник иллюминатов, черный магический день. Последователей оккультных учений в советском руководстве хватало и без Свердлова.

И Россия превращалась в царство смерти. В каждом городе и городишке функционировало, по крайней мере, одно, а то и несколько карательных учреждений, и они не «простаивали». А в дополнение к ним колесили разъездные карательные поезда, экспедиции, трибуналы, оставляя за собой массы трупов. Но жертвами «красного террора» становились не только те, кого убивали. Жертвами становились и те, кого привлекали к убийствам. А привлечь, повязать кровью старались как можно больше соучастников. Постановление о «красном терроре» требовало личного присутствия при расстрелах партийных, советских работников, чекистского руководства. Для акций против крестьян проводили мобилизации партячек.

Солдат и матросов направляли для массовых казней, соблазняя возможностью поживиться имуществом жертв, спиртом, кокаином. Или возможностью позабавиться перед казнью с приговоренными женщинами. Кого-то ставили перед выбором – расстреливай или сам пойдешь «в расход». Правда, это удавалось не всегда. Свидетельства очевидцев, доклады белой разведки показывают, что красноармейцы часто отказывались участвовать в экзекуциях[88]. Что ж, в таких случаях идеальными карателями были наемники – латыши, эстонцы, китайцы. Но ведь сколько было и согласившихся! Преступил «порог крови», и начиналась новая, совсем другая жизнь, жизнь убийцы... Что ж, это тоже было важной целью. Заставить людей погубить свои души, сломать их мораль – и заменить другой.

В системе смерти, раскинувшей сети по всей стране, получали преимущества садисты, маньяки, извращенцы. Они выдвигались своими «талантами», получали полную власть над людьми и возможность предаваться самым чудовищным фантазиям и наклонностям. И опять, конечно же, совсем не случайно среди палачей обнаруживаются последователи темных магических учений. И практиковались вещи, очень уж смахивающие на сатанинские ритуалы. Так, ставленник Свердлова оккультист Бокий, по свидетельству чекиста Агабекова,

ввел в обиход палачей обычай пить человеческую кровь[2]. Этот обряд получил довольно широкое распространение, он был зафиксирован в Туркестане, Москве, Харькове[15, 105].

Священников часто убивали с особой жестокостью, придумывали для них самые изощренные способы расправы. Зарывали заживо, сжигали, сажали на кол. Многократно отмечены случаи, когда православным приговоренным выжигали или вырезали кресты на груди, на лбу. Известны и случаи распятия людей. Исследователи-современники сообщали, что типичные ритуальные убийства осуществляли «знаменитые» в те годы палачи Роза Шварц, «товарищ Вера», Дора Любарская, Кедров, Ревекка Майзель и др.[58].

А к концу 1919 г. сама процедура казней была унифицирована, по всей стране утвердился единообразный ритуал умерщвления. Приговоренных разбивали на партии, раздевали донага и убивали выстрелами в затылок. Для этого оборудовались специальные помещения с пулеулавливателями, электрическим освещением, канавками и проточной водой для смыва крови. Обреченных независимо от пола и возраста – мужчин, женщин, подростков, стариков, заводили в «предбанник», приказывая снимать все до нитки, отсчитывали по несколько человек, запуская в расстрельное помещение. И дежурная смена палачей делала свое дело. А следом уже шли другие вереницы голых людей, и их кровь лилась на «алтарь революции». Уничтожали одну партию, приводили новую. «Работа» шла непрерывно, каждую ночь – или несколько ночей в неделю, и функционировали настоящие конвейеры смерти.

Террор провозглашался «вынужденной» мерой самозащиты республики, однако такая мотивировка не выдерживает ни малейшей критики. Потому что по мере побед Красной армии истребление людей не только не сокращалось, а набирало все большие обороты. Шли зачистки в каждом «освобожденном» городе, каждой «освобожденной» области. Жуткую «славу» стяжали «чрезвычайки» Архангельска, Киева, Одессы, Омска, Ростова, Екатеринодара. И все это затмили зверства в Крыму. Причем эти зверства тоже напоминали некую чудовищную языческую гекатомбу.

На полуострове скопились сотни тысяч беженцев, оседавших в течение всей гражданской войны, отступивших с Украины и Юга России с белыми частями. Казалось бы, если они эвакуируются за границу, для советской власти хлопот меньше. Путь едут куда хотят. Нет, была развернута мощная пропагандистская кампания, чтобы люди остались. Под руководством заместителя Троцкого Скланского составлялись и распространялись воззвания с ложными обещаниями амнистии. И многие солдаты, офицеры, гражданские беженцы верили, решались не уезжать на чужбину. Выходит, организаторы бойни заранее старались, чтобы в их распоряжении осталось побольше жертв...

Командующий Южным фронтом М.В. Фрунзе был сторонником реальной амнистии, как раз такими методами, сочетанием военных побед и милости, он сумел завершить гражданскую войну на Урале, в Средней Азии. Но его после взятия Крыма отозвали, и вся власть на полуострове была отдана «особой тройке» в составе Белы Куна, Розалии Залкинд (Землячки) и Михельсона. От ЦК курировал акцию Ю.Л. Пятаков (Киевский). Еще один человек «любопытной» судьбы. До Мировой войны совсем еще молоденький сын инженера, тусовался то с анархистами, то с социал-демократами, один раз арестовали, из ссылки бежал. А потом его вдруг женит на себе пожилая еврейка и увозит в Швейцарию. С кем уж он там общался, кроме Ленина, остается за кадром. Но после революции его назначают комиссаром Госбанка. То есть, он уже имел допуск к «святым святым», к финансовым потокам. Примыкал к группировке Бухарина, позже перешел к троцкистам...

Под руководством упомянутых деятелей крымские перешейки перекрыли заслонами, не выпуская никого. И начались массовые аресты, облавы. Задержанных набивали в тюрьмы, сараи, склады. Но эти помещения служили лишь перевалочными пунктами, их тут же освобождали для других арестованных – по ночам местные жители наблюдали страшные картины, как колонны людей гнали в степь. Часто раздевали заранее и гнали обнаженных –

женщин с детьми, отцов семейств, офицеров. Под студеным ветром, на снегу, выстраивали у рвов и оврагов, и по толпам человеческих тел хлестали пулеметы. Это продолжалось и зимой, и весной. М. Волошин свидетельствовал, что особенно массовые казни совершались на Пасху (в тот год – 23 апреля) – и вплоть до 1 мая. Всего же, по разным данным, в Крыму было уничтожено 80—120 тыс. человек[49, 58, 105].

Но на Россию обрушился не только террор. Промышленность, транспорт, коммунальное хозяйство были разрушены. Заводы и фабрики замерли, обрекая персонал на безработицу. Города остались без света, воды, тепла. Ларинские модели «военного коммунизма» привели к голоду. По «рабочим» карточкам выдавались крохи, а карточки «детские», «иждивенческие» не отоваривались вообще. Люди умирали от истощения или становились жертвами болезней. А они гуляли вовсю – сыпной и брюшной тиф, испанка, холера, чума. Под тифозные бараки отводились целые кварталы, где тысячи заразившихся вымирали без ухода, без медицинского обеспечения. В сельской местности полностью вымирали деревни. Приходилось отряжать специальные команды, чтобы отстреливать расплодившихся собак, приохотившихся питаться человечинной. В общем, операция по обезлюживанию страны и сокращению биологического потенциала русских проходила успешно.

Кто регулировал ход Гражданской войны?

На чьей стороне была правда в великом русском братоубийстве? А ведь получается, что ни на чьей. Не было ее ни у кого, правды-то. Красноармейцы шли в бой, совершали подвиги и погибали ради утопических (и порожденных отнюдь не в России) идей коммунизма. Ну а белогвардейцы были заражены теориями либерализма, тоже импортными. И не только либерализма, многие – социализма, в белом лагере очутились меньшевики, эсеры. При белых правительствах очутились те же самые масоны, которые еще недавно подвизались в Думе, Временном правительстве, в Советах, самозабвенно разрушая Российское государство. Не было правды и у «зеленых» – они, в общем-то, сражались не за Россию, а только за свои личные права. Не трожь меня и моих односельчан, не расстреливай, не грабь продрозверсткой, а остальное меня не касается.

И все же Белое движение, несмотря на свою слабость и противоречивость, сыграло очень важную роль. Его вожди пытались консолидировать своих сторонников не по политическим, а по патриотическому признаку, провозгласив борьбу за «единую и неделимую». А тем самым Белое Движение спутало карты западных держав, сорвало их планы по расчленению России. Хотя тем самым оно и себе подписало приговор.

Нет, белогвардейцы не имели ни малейшего шанса на победу – потому что они слепы, до последнего, держались за союз с Антантой, считая его залогом успеха. А Антанта сделала все, чтобы они не смогли победить. Об этом недвусмысленно заявлял в британском парламенте Ллойд Джордж: «Целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более спорным вопросом, что они борются за единую Россию. Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании». Поддержка белых по сравнению с реальными возможностями Запада была мизерной. И осуществлялась она только для затягивания войны, для нарастания ожесточения, чтобы катастрофа России стала более глубокой и необратимой.

Кстати, даже в ходе боевых действий можно отметить четкую координацию действий иностранцев и «оборотней» в советских верхах. Летом 1918 г. чехословаки двинулись от Самары на Казань, куда удалось вывезти золотой запас России. Ползли еле-еле, два месяца. Но наркомвоен Троцкий за это время не сделал для обороны Казани ничего. Не прислал подкреплений, не подтянул дисциплину, и золото не удосужился эвакуировать. И лишь когда город был взят без боя, Троцкий забил тревогу, перебросил сюда массу войск, прикатил сам руководить и командовать. Правда, золотой запас захватили не чехи, а белогвардейцы Каппеля, и он достался не командованию Антанты, а Колчаку, но тут уж «накладочка вышла». Ну а когда перешел в контрнаступление Лев Давидович, чехи отступили без боя, подставив белогвардейцев и бросив их на произвол судьбы.

Про поезд Троцкого вообще ходили легенды – там, где он появлялся, коренным образом менялась обстановка на фронте, поражения сменялись победами. Обычно это объясняли тем, что с наркомвоенном разъезжал штаб из лучших военных специалистов, да и сам поезд являлся серьезной боевой единицей с запасами оружия, отрядом отборных латышей, дальнобойными морскими орудиями. На самом деле были и другие причины. Одна – крайне жестокие меры, которыми Лев Давидович выправлял положение. Расстрелы даже высокопоставленных командиров и комиссаров в отступивших частях, массовые мобилизации в армию населения, которое гнали в атаки, поставив сзади пулеметы. Но, ко всему прочему, поезд Троцкого имел оружие более серьезное, чем пушки. Мощную радиостанцию, позволявшую связываться даже со станциями Франции и Англии. Осуществлялись ли через нее или иными путями контакты с западными державами? Судите сами.

В октябре 1919 г. армия Юденича чуть не берет Петроград. Туда мчится Троцкий, драконовскими мерами организуя оборону. Но наряду с этим загадочные вещи начинают твориться в белых тылах! Британский флот, который должен был прикрыть наступление со стороны моря, вдруг уходит в Ригу. Союзные Юденичу эстонские части неожиданно бросают фронт. А Лев Давидович по странной «прозорливости» нацеливает контрудары точнехонько на оголившиеся участки! Позже эстонское правительство проговорилось, что как раз с октября 1919 г. вступило с большевиками в тайные переговоры[109]. А в декабре, когда разбитые белогвардейцы и десятки тысяч беженцев откатились в Эстонию, началась вакханалия. Русских убивали на улицах, загоняли в концлагеря, женщин и детей заставляли сутками лежать на морозе на железнодорожном полотне. Множество людей умерло[67]. К какому террору отнести эти зверства – «красному», «белому», серо-буро-малиновому, история ответа не дает. История о них вообще «забывает». Но большевики за такую «помощь» расплатились с Эстонией очень щедро, заключив с ней 2 февраля 1920 г. Тартуский договор, признав ее независимость и в придачу к национальной территории отдав ей 1 тыс. кв. км. русской земли.

Аналогичным образом получала удары в спину армия Деникина. Еще более неприглядной была роль иностранцев в крушении Колчака. В период отступления его войск Чехословацкая армия, подчинявшаяся генералу Сыровому и командующему войсками Антанты в Сибири Жанену, вышла из повиновения Верховному Правителю России, захватила Транссибирскую магистраль. Тем самым дальнейшее сопротивление белогвардейцев было парализовано. Но и организованно отступить по железной дороге на восток чехи им не позволили, на Транссибирскую магистраль не пустили, предоставив выбирать по морозам и снегам через тайгу. И принялись останавливать поезда, отцеплять паровозы. 121 эшелон – с ранеными, гражданскими беженцами, эвакуирующимися в тыл, остались на станциях, а часто и на глухих полустанках в тайге, обреченные на замерзание. Повсюду отступающие чехи грабили, обчистили даже иностранных консулов.

А в Иркутске при активном участии Жанена был организован заговор Политцентра. Колчак, у которого чехи также отцепили паровоз, застрял в Верхнеудинске, отрезанный от своих войск. «Союзники» вынудили его отречься от поста Верховного Правителя, взяли под «международную охрану» – и выдали на расправу. И за это большевики с ними также щедро расплатились. Поезда чехов пропустили во Владивосток со всем награбленным барахлом. В этом городе уже была установлена советская власть, но Троцкий направил начальнику таможни Ковалевскому приказ: «В награду за службу России чехам разрешается пройти границу без таможенного досмотра и взять с собой все имеющееся у них в наличии и безо всякого ограничения. Они имеют право взять с собой все, что они захотят». Для эвакуации чехов и всего, что они захотели, потребовалось 35 пароходов! На родине их встретили как национальных героев, и легионеры организовали собственный «Банк-хранилище» с персональными сейфами, куда поместили награбленные ценности. Начальный капитал банка составил 70 млн. золотых крон.

Куда охотнее, чем белогвардейцев, державы Антанты готовы были поддержать сепаратистов. Но большинство таких попыток оказались неудачными. Несмотря на искусственную пропаганду, национализм на территории рухнувшей Российской империи еще не имел массовой поддержки. Он оставался достоянием узких кругов политиканов и заразившейся этими веяниями местной интеллигенции. А простонародье хорошо помнило прежнюю жизнь вместе с русскими и вражды к ним не питало. Сепаратистские правительства получались слабенькими и беспомощными, а их вооруженные силы громились красными куда легче, чем белые войска.

Впрочем, наложился еще один серьезный фактор. Противоречия внутри лагеря Антанты. Французы делали ставку на польских и украинских националистов. Англичане

и японцы под предлогом помощи сепаратистам и региональным «правительствам» стремились к прямой колонизации российских окраин. Но при этом они становились конкурентами для американцев. США не имели колоний, они уже разобрались, что такой способ установления своего господства далеко не самый лучший, он требует от государства слишком больших затрат, хлопот, содержания оккупационных войск. К началу XX в. американцы вырабатывали более выгодную методику, неокOLONIALИзм. Государство остается независимым, но Америка приводит к власти и поддерживает приемлемое для нее правительство, через него берет под контроль экономику, транспорт, финансы и качает чистую прибыль. В России таким правительством было советское, опутанное «оборотнями».

Падения большевиков Запад отнюдь не желал. Ведь в этом случае власть в стране могли захватить патриотические силы. И уже в период гражданской войны, когда Антанта формально покровительствовала белым, повсюду шло наведение мостов с красной Москвой. Президент США Вильсон обращался с дружественными посланиями к III и IV съездам Советов, заявлял, что Америка будет помогать «народу России навечно освободиться от самодержавного режима». 1 мая 1918 г. была создана «Американская лига помощи и сотрудничества с Россией». Президентом стал д-р Фрэнк Гуднау, вице-президентом – знакомый нам директор Федеральной резервной системы Уильям Б. Томпсон, в лигу вошли сенаторы, видные промышленники (Генри Форд, директор компании «Дженерал Электрик» Чарльз Коффин и др.)

В России громили Церковь и убивали священников, а американская Христианская ассоциация молодежи, как писал М.Д. Бонч-Бруевич, помогала «кормить на боевом фронте десять тысяч бойцов Красной армии»[177]. В России гулял «красный террор», а Госдепартамент США 18 октября 1918 г. принял план экономического сотрудничества с Советским правительством[139]. Москва тут же отреагировала, 19 октября Чичерин направил ноту президенту Вильсону. Текст ее составил Радек и, как доносила в Берлин германская агентура, в ней делались «предложения о предоставлении железнодорожных, сырьевых и т. д. концессий или об уступке территорий в Сибири, на Кавказе, в Мурманском крае».

В конце 1918 г. в Нью-Йорке было создано Советское бюро. Возглавил его Людвиг Мартенс, вице-президент фирмы «Вайнберг и Познер», управляющими стали Григорий Вайнштейн – бывший работодатель Троцкого, владелец газеты «Новый мир», Кеннет Дюран – бывший адъютант полковника Хауса, активным сотрудником стал Юрий Ломоносов – тот самый товарищ министра путей сообщения в царском правительстве, который загнал поезд Николая II в Псков. Совбюро получало финансовую поддержку от банка Моргана «Гаранти траст» и в 1919 г. заключило с американскими фирмами контрактов на 26 млн. долларов[158]. При Совбюро отирался еще один наш «знакомый», Александр Гомберг – бывший литагент Троцкого и секретарь миссии Красного Креста. Он стал доверенным лицом «Чейз Нэншл банка», периодически появлялся в Советской России, сотрудничал с Радеком, Зиновьевым, Бухариным.

Кроме того, в 1919 г. группа крупных американских промышленников и банкиров – Гугенгейм, Уайт, Синклер и др., создала фирму «Америкен-Рашен Синдикат Инкорпорейшн» для установления деловых контактов с Россией. Кстати, помните любопытный адрес, Бродвей, 120, по которому располагались конторы Сиднея Рейли, Вениамина Свердлова, элитный банкирский клуб? Оказывается, что большинство фирм, включившихся в операции с Советской Россией, базировалось по тому же адресу. На Бродвее, 120 находились офис Коффина из «Дженерал Электрик», фирма «Вайнберг и Познер», компании упомянутых Гугенгеймов, Уайта, Синклера, по тому же адресу находились кабинеты четверых из девяти директоров Федеральной резервной системы США.

Неофициальные контакты с большевиками поддерживали и другие державы Антанты. Для этого в Лондоне постоянно пребывал советский эмиссар Литвинов (Валлах) – друг Олафа Ашберга, а в Швейцарии – Залкинд, доверенный сотрудник, а по некоторым данным,

и родственник Троцкого. Ну а с 1920 г. Запад вступил в открытые связи с Советской Россией. В январе, с подачи Ллойд Джорджа, Верховный Совет Антанты разрешил торговлю с большевиками. В Англию отправились для переговоров Красин, Каменев, в Италию – Воронский, подписывались торговые соглашения.

Между прочим, этими обстоятельствами и взаимными интригами в лагере Антанты объясняются многие «загадки» гражданской войны. Так, англичане утвердились в Закавказье, устраивались там по-хозяйски. Но советские войска шутя сокрушили закавказские республики, и британцам пришлось убраться вон. А концессии на здешние месторождения полезных ископаемых Советское правительство отдало... американцам[173].

Так же легко Красная армия могла покончить с республиками Прибалтики. Однако этого не произошло. Советские дивизии остановились на границах. Потому что Эстония и Латвия стали таможенными «окнами», через которые в Россию потекли западные товары, а из России – сырье и ценности, в первую очередь золото. В начале 1920 г. Троцкий вдруг назначается наркомом путей сообщения. При участии приехавшего из США Юрия Ломоносова он протаскивает заказ на изготовление паровозов в Германии, Эстонии и Швеции (где не было даже соответствующих заводов). И под маркой оплаты фиктивного заказа золото стали вывозить тоннами, из портов Таллина и Риги снаряжались специальные пароходы!

Очевидно, большевики расплачивались со своими тайными покровителями и кредиторами. «Отмывкой» в Стокгольме ведал все тот же Олаф Ашберг, через которого раньше шло финансирование революции. Теперь он предлагал всем желающим «неограниченное количество русского золота». В Швеции золото переплавлялось и уже за другими клеймами растекалось в другие страны. Львиная доля – в США. Поставки начались в августе 1920 г., три парохода повезли из Таллина 540 ящиков золота по 3 пуда в каждом. Дальше этот поток нарастал. Только за 8 месяцев 1921 г. в Америку было доставлено золота на 460 млн. долларов. Из них в сейфах банка «Кун и Лоеб» осело 102,9 млн., изрядно перепало и Моргану[110, 158]. А, например, Джон Рид был в марте 1920 г. задержан в Финляндии с чемоданом бриллиантов, но тут же вступился Госдепартамент США, и его отпустили[158].

При подобном раскладе судьба белогвардейцев Запад уже не интересовала. Они становились всего лишь помехой для налаживания столь выгодных связей с Советами. В апреле 1920 г. последовали ультимативные ноты Великобритании, требующие от белых прекратить борьбу и вступить в переговоры с большевиками. Правда, помощь Врангелю взялась было оказывать Франция. Но объяснялось это тем, что в Париже беспокоились за Польшу. Она ввязалась в войну с Советской Россией, надеясь отхватить земли до Днепра и Западной Двины, но потерпела поражение, красные войска развернули на нее наступление. Вот и понадобились белогвардейцы. Они сражались героически, оттянули на себя 21-ю советскую дивизию. Но как только полякам удалось разгромить красных и заключить Рижский мир, отобрав Западную Украину и Западную Белоруссию, нужда в белых «союзниках» отпала. При подписании мира о них никто не вспомнил. В результате советское командование сосредоточило против них многократно превосходящие силы и сломило их оборону.

Караваны кораблей повезли остатки армии Врангеля на чужбину. Уезжали и гражданские беженцы, которым удалось сесть на суда, набитые до отказа. Иностранцы встретили их более чем холодно. Франция «за долги» отобрала корабли Черноморского флота. Надежды на то, что союзники по Антанте помогут возобновить борьбу, оказались тщетными. От Врангеля потребовали распустить и разоружить воинские части. Разместили их в отвратительных условиях, зимой в палаточных лагерях, на скудных пайках, подвергали всяческим унижениям.

Так же было в других местах. Гражданская война заканчивалась, и массы русских людей, спасаясь от репрессий, уходили за рубеж. Перебирались через западные границы, через южные, через китайскую. Эвакуировались из черноморских, каспийских, северных

портов. Позже закончилась война на Дальнем Востоке – и отсюда тоже отчалили десятки судов с беженцами. Всего эмигрировало более 2 млн. человек. Многочисленные русские колонии возникли в Польше, Германии, Чехословакии, Балканских странах, Финляндии, Персии, Китае. Постепенно массы эмигрантов перераспределялись, часть из них стала перетекать во Францию и Бельгию – эти страны восстанавливали свою промышленность, пострадавшую во время войны, но понесли большие потери, нуждались в рабочих руках. И вербовщики зазывали русских, которым можно было меньше платить. Вербовали и в Южную Америку на плантации. Некоторые русские стали перебираться в США, Австралию, но проезд туда стоил дорого, устроиться без знакомств и знания местных условий было трудно. Это прежние политэмигранты – большевики, меньшевики, эсеры, бундовцы, националисты, получали неизменную поддержку и помощь. Те политэмигранты, которые требовались против России. А эмигранты, которые пытались отстоять Россию, оказались Западу не нужны.

Выброшенные на чужбину

Любая попытка рассматривать катастрофу нашей страны с политических точек зрения оказывается слишком упрощенной. В одном варианте изображается отсталая и забитая Россия, где без революции было никак не обойтись. Истине это никак не соответствует. В другом варианте рисуется умилительная картина «хорошей» Российской империи, которую разрушили «плохие» большевики (или масоны). И при демонстрации старых фотографий порой можно слышать ностальгические вздохи: посмотрите, мол, на эти чистые, вдохновенные, глубокомысленные лица офицеров, инженеров, предпринимателей, которых сменили «хамы».

Хотя в древние времена русские люди, желая объяснить те или иные бедствия, всегда называли одну главную причину – *по грехам нашим*. И она оказывается куда более глубокой, куда более объективной, чем все исследования социологов, политологов и идеологов вместе взятые. Операции, разрушившие империю, были спланированы внешними силами, но, как уже отмечалось, сама империя была насквозь больна, иначе эти операции не достигли бы цели. И те же старые фотографии запечатлели и донесли до нас благообразные, искренние лица, но они не отразили, что творилось в головах.

Допустим, существуют разные взгляды, несет ли на себе русский народ грех царубийства – или русские к этому непричастны, поскольку убийство организовали и осуществили инородцы. Но в любом случае русский народ не поддержал царя, не выступил в его защиту. И среди белогвардейцев монархистов было мало. Это уж позже, к концу гражданской войны, обжегшись с «учредилками», с демократическими и либеральными правительствами, белые офицеры стали опять обращаться к идее монархии. Да и то она оставалась достоянием меньшинства. Врангель в одном из воззваний указал – его армия борется за то, «чтобы Русский народ сам выбрал себе Хозяина». Но на него за слово «Хозяин» обрушилась с негодованием вся белая «общественность» Крыма. После этого стоит ли винить в падении империи только масонов с большевиками?

А с другой стороны, члены царствующего дома, великие князья, разве пытались они бороться с узурпаторами? Хоть один из них? Разве хотя бы попробовали поднять народ за монархию? Разве встали в ряды белых армий? Нет. Те, кто спасся, выжидали, как дело повернется. И лишь потом, в эмиграции, принялись выселять отношения, у кого больше прав на престол... Так кого же винить, что споры об этих правах остались для них лишь пустой казуистикой?

В кампаниях «красного террора» шло безжалостное уничтожение русской интеллигенции... Но ведь как раз интеллигенция была главной носительницей радикальных взглядов! Разве не она несла в народ идеи атеизма, бунтарства, социализма? И не она ли обучала этому не только крестьян, рабочих, но, главное, детей? Простых русских детишек, получавших первый заряд атеизма и «прогрессивных» взглядов именно в школах, и подраставших уже готовыми к восприятию революционной пропаганды. «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы ему повесили мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф, 18,6; Мр. 9, 42; Лк.17,2).

Разве не интеллигенция поносила патриотов, царя, клеймила «черносотенцев» и «реакционеров»? Устраивала овации революционерам, восхищалась террористами. Рукоплескала думской оппозиции, расшатывающей державу. И бурно приветствовала Февраль, вполне одобряя аресты и убийства полицейских, офицеров, жандармов. Выходит, интеллигенция получила... свое. То, что сама же посеяла и чему радовалась. Кстати, многие так и не поумнели. И в подвалах чрезвычайек студенты, гимназисты, курсистки, желая погибнуть «красиво», выкрикивали: «Да здравствует революция!» Потому что ничуть не усомнились в

пользе революции, но большевиков считали ее душителями, а настоящими революционерами – себя.

Принято сокрушаться по поводу судеб интеллигентов и дворян, оставшихся под советской властью. Они оказались затравленными, задавленными, их безнаказанно унижали безграмотные и наглые представители новой власти. Жалко их? Да, жалко. Но разве сами эти интеллигенты и дворяне не ратовали за «свободу, равенство, братство»? Кого же было винить, что «свободы» оказались не только для «прогрессивных» интеллектуалов – свободы крушить «реакционеров», царя, правительство, свободы издеваться над ними. Но пришли свободы и для «швондеров» с «шариковыми» – свободы оскорблять и притеснять вчерашних ниспровергателей. Оказывается – получили то, к чему стремились. Только представляли себе это иначе.

Принято сокрушаться и по поводу судеб эмиграции. Дескать, взбесившаяся Россия изгнала своих детей. Они и впрямь бедствовали, люди с высшими образованиями, военными заслугами, нередко знатного происхождения, вынуждены были зарабатывать на жизнь грузчиками, судомойками, чернорабочими, женщинам высшего света приходилось от голода торговать своим телом... Но, во-первых, название «белая эмиграция» не совсем корректно. Как уже отмечалось, за рубежом очутилось свыше 2 млн. человек, однако к белогвардейцам из них имела отношение едва ли двадцатая часть. А большинство в период гражданской войны предпочитало оставаться в стороне, и для защиты России от большевиков палец о палец не ударило. Считали себя выше, ценнее того, чтобы взять в руки винтовку и встать в строй. Зато всю критикували белых, возмущались их ошибками, ерничали над «солдафонством», усматривали в их «диктатуре» угрозу «свободам».

А во-вторых, подавляющая часть эмигрантов была из тех же «образованных» слоев общества. Которые *первыми* отреклись от России! Не *она от них*, а *они от нее*. Потому что «образованные» слои были напрочь заражены «западничеством», рвались к «прогрессу», мечтали жить, *как в Европе*. Опять выходит – получили то, чего хотели. Получили жизнь на Западе со всеми его «свободами», парламентаризмами, «прогрессом». Они себе это представляли по-другому? Но с какой стати? Только из-за того, что русские интеллигенты, предприниматели, космополитизированные аристократы до революции видели Европу из окон комфортабельных отелей, пансионатов, из аудиторий западных учебных заведений, через призму книг и газет? Но ведь и тогда в Европе были грузчики, судомойки, чернорабочие, проститутки, были нищие бесправные «гастарбайтеры», чьим трудом обеспечивался «блеск» западной цивилизации... Значит, мечтали как раз об этом, но только себя видели в иной роли.

Крайняя политизация русских сказалась и за рубежом. Несмотря на огромное количество беженцев, рассеявшихся по всему свету, такого явления, как «русская диаспора», не возникло. Ведь на чужбину выплеснулся весь спектр партий и движений от монархистов до анархистов. А в эмиграции добавились споры по поводу причин поражения, дальнейших судеб России, персональное соперничество лидеров. И существующие политические группировки продолжали делиться и почковаться. Так, лишь во Франции оказалось зарегистрировано более 300 эмигрантских организаций.

Монархисты создали свой Высший Монархический Совет (ВМС), но тут же размежевались на «франкофилов» и «германофилов», на сторонников великого князя Кирилла Владимировича и великого князя Николая Николаевича. Партия кадетов раскололась на «левое» и «правое» крыло, эсеры – на семь или восемь группировок. Большевики сумели сохранить партийное единство, но продолжали исповедовать марксизм, а после ужасов гражданской войны это учение стало у русских очень непопулярным. Образовалась группировка «учредителей» – тех, кто был причастен к разогнанному большевиками Учредительному Собранию считая себя «законной российской властью». Но и они разделились на «правых» и «левых».

Да что уж говорить о политических делениях, если размежевание произошло даже в церкви! За рубежом оказались два православных митрополита. Один, Евлогий, был поставлен в России партиархом Тихоном. Но само патриаршество возродилось во время революции на Поместном Соборе 1917-1918 гг. И часть духовенства Московскую патриархию не признала, в 1922 г. в Сербии был созван Собор зарубежных архиереев, который избрал митрополитом Антония и поставил его во главе созданного на Соборе Архиерейского Синода. Этим было положено начало отдельной Русской православной церкви за границей, так называемой «Карловацкой».

Некоторые и в эмиграции устроились довольно неплохо. Например, тузы российских банков, промышленности, купечества, Рябушинский, Нобель, Гукасов, Терещенко и иже с ними, создавшие свою организацию – Торгпром. Они сохранили значительную часть капиталов, заблаговременно переведенных за рубеж, вкладывали их теперь в западный бизнес. Не бедствовали и великие князья. Бывшие дипломаты, в распоряжении коих остались весьма значительные суммы, объединились в Совет послов. В эмиграции возникло несколько русских масонских лож – «Северное сияние», «Северная звезда», «Северное братство», в них входили многие видные политические и общественные деятели: Чайковский, Керенский, Кускова, Амфитеатров и др.

Кроме политических структур, были еще и воинские. Самым крупным являлась Русская армия Врангеля, эвакуированная из Крыма в Турцию и на Эгейские острова. Другой центр белых отрядов существовал в Польше под руководством Савинкова и генерала Перемыкина. Особняком стояло «Братство русской правды» (БРП) П.Н. Краснова, С.Н. Палеолога и кн. Ливена, ориентирующихся на Германию. Два конкурирующих центра Белого движения возникли на дальнем Востоке: один в Харбине, под руководством генералов Хорвата и Дитерихса, пользующихся покровительством местного властителя Чжан Цзолия, второй в Нагасаки, где находился атаман Семенов, ориентирующийся на японцев. Все эти группировки, партии и течения спорили, ссорились, смешивались в самых разнообразных сочетаниях.

А кроме «общероссийских», существовали еще и казачьи, украинские, армянские, азербайджанские, грузинские, северокавказские, среднеазиатские организации. И тоже во множественном числе! Одни готовы были держаться заодно с русскими, другие выступали под знаменами непримиримого сепаратизма. Но даже среди сепаратистов единства не было. Допустим, у украинцев существовали организации Петлюры, Коновальца, Скоропадского, Тютюнника, ориентировавшиеся на разные западные державы и не ладившие друг с другом.

Сперва все эмигранты верили, что их пребывание за границей будет недолгим, что положение в России скоро изменится. Только расходились во мнениях, как именно это произойдет. Одни полагали, что сам коммунизм переродится, как переродилась революционная Франция в империю Наполеона. Другие возлагали надежды на народное восстание, которое свергнет большевиков. Третьи – на иностранное военное вмешательство. Ну неужели Запад рано или поздно не разберется, что большевики – насильники и узурпаторы, что они опасны для других стран? Вот и двинет силы, разгромит их.

Не тут-то было. Западные державы предпочитали не воевать с большевиками, а торговать. Если в 1913 г. в Голландии даже существовал общественный Комитет помощи политзаключенным в России, который ставил перед собой задачу бороться «против тюрем и казней русского самодержавия», то теперь зарубежные правительственные и общественные круги на информацию о зверствах большевиков и призывы о помощи сухо отвечали, что их реакция «будет истолкована как вмешательство во внутренние русские дела» или даже, что «официальный протест может быть истолкован как сочувствие контрреволюционным элементам».

Мало того, европейские власти принялись помогать большевикам разлагать эмиграцию. Советское правительство в это время развернуло масштабную агитацию за «возвращенчество», для этого по радио 7 апреля 1921 г. было передано обещание амнистии рядо-

вым белогвардейцам, а 3 ноября 1921 г. вышло постановление ВЦИК по данному поводу. И для союзной администрации это стало прекрасным поводом прекратить помощь эмигрантам. Дескать, теперь вам ничего не грозит, так что и содержать вас больше незачем. Советских агитаторов беспрепятственно допускали в беженские лагеря, французское командование тиражировало и распространяло призывы к возвращению на родину.

Правда, те, кто поверил им, дорого за это расплачивались. Многих расстреливали сразу же по прибытии в советские порты, отправляли в лагеря. Некоторым позволяли доехать до дома, но потом тоже подгребали за решетку. Всего в течение 20-х годов удалось заманить в Россию 181,5 тыс. эмигрантов. Основная часть, около 122 тыс., вернулась в страшном 1921 г., и для большинства из них путь «домой» стал всего лишь дорогой в могилу. Слухи об этих расправах вскоре стали проникать за рубеж – можно ли было утаить массовые казни в портовых городах: Одессе, Новороссийске? Некоторым из тех, кто побывал на родине и чудом спасся от гибели, удавалось вторично бежать за границу и рассказать о пережитом [105]. Нет, Запад ничего подобного «не слышал». Информацию об обмане и истреблении реэмигрантов не публиковали зарубежные газеты, она не всплывала ни в парламентах, ни в общественных организациях.

В 1921 г. Врангелю все же удалось спасти свою армию, договориться с правительствами Болгарии и Сербии, перевезти туда свои части, устроить их на дорожные и другие работы, на службу в пограничную стражу. Но подобные меры лишь продлили агонию Белой гвардии. В апреле 1922 г. открылась Генуэзская конференция, куда впервые была официально приглашена советская делегация. И по ее настоянию было принято решение о роспуске антисоветских военных формирований.

Становилось ясно, что изгнание затягивается дольше, чем предполагалось изначально. Тем не менее эмигранты были убеждены, что рано или поздно ситуация изменится. И основой их существования стала идея «сверхзадачи»: сберечь в своей среде «прежнюю Россию» и передать России новой, когда она будет возрождаться. Это признавалось главным смыслом жизни за рубежом, помогало переносить все трудности и лишения. Ведь Русское зарубежье верило, что оно – лучшая часть народа, его «сливки», элита. Считало себя носителем духовных, культурных и государственных традиций. Вот и требовалось сберечь их – и донести...

Так, Врангель начал создавать Русский Общевоинский Союз (РОВС), где солдаты и офицеры состояли бы на учете – чтобы сохранить для будущего кадры и традиции старой российской армии. Для этого организовывались кружки и курсы, проводились сборы. В Париже были открыты Высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерала Н.Н. Головина. Вокруг них собирались светила генштабистов, проводились конференции. Если удавалось достать денег, издавались учебные пособия, труды по военной теории.

Эмигранты стремились сберечь и научный, культурный потенциал прошлого. Чтобы не угасли традиции российского образования, организовывались гимназии, девичьи институты, кадетские корпуса. Появлялись научные общества. Впрочем, техническая интеллигенция быстро нашла себе иное применение. Российских физиков, химиков, инженеров, математиков охотно принимали в иностранные фирмы, хорошо платили – и они отдавали свои способности и знания уже не своей стране и народу, а чужим. Но гуманитарные науки имеют национальную специфику, и философы, историки, социологи, экономисты вращались в среде соотечественников, создавали академические организации в Белграде, Харбине, Праге, Париже, Берлине, проводили симпозиумы, семинары, издавали журналы. Делались попытки переосмыслить российскую трагедию, возникали новые теории «сменовеховцев», «евразийцев», «Новый град». Создавались богословские курсы.

В Праге и Харбине были образованы русские юридические факультеты, где маститые профессора старой школы продолжали углубленное изучение дореволюционного россий-

ского права, преподавали его молодежи, чтобы после освобождения родины от большевиков обеспечить ее квалифицированными юристами. Возникали русские организации литераторов, журналистов, художников, стремящиеся сохранить богатую культуру, утраченную и разрушаемую на советской территории... Да, это становилось сверхзадачей, сберечь «прежнюю Россию» – и донести до времен, когда она окажется востребованной.

Хотя при этом эмигранты не задумывались, а нужна ли она, такая «прежняя Россия» для России будущей? Нужна ли ей выброшенная на чужбину дикая разногласица политических партий и группировок? Нужны ли старые или обновленные философские и социологические мудрствования, умножающие эту разногласицу? Нужна ли старая юриспруденция, во многом способствовавшая государственной и народной катастрофе? Нужно ли упорное сохранение традиций «классического образования», которое как раз и порождало «западников», либералов, революционеров? Нужно ли ностальгическое слепое копирование устаревших Уставов императорской армии? А если открыть труды эмигрантских «классиков» военной науки, можно только подивиться ее убожеству, она осталась на уровне даже не 1917-го, а 1914 г., повторяя старые французские военные доктрины, от которых давно отказались сами французы[32].

Но нет, сомнений в «сверхзадаче» не возникало. Не было сомнений в том, что на родине, у большевиков, ничего достойного нет и возникнуть не может. В том, что Россия, когда она опомнится от революционного угара, окажется беспомощной, будет нуждаться в том, чего нет у нее, но осталось в зарубежье. И когда она начнет возрождаться, то, конечно же, это будет происходить по старым образцам. По сути, эмиграция бережно сохраняла «для будущего» *больную* Россию. Ту, какой она стала к 1917 г., с идеологической мешаниной, думскими и учредилковскими взглядами, накопившимися пороками. Почитайте хотя бы Бунина с его «темными аллеями», где автор больше всего тоскует о романтическом помещицком разврате. Это что, не большое? Или эмигрантские произведения Алексея Толстого, Набокова и пр.? А Вергинский, Северянин, Ремизов, Минский? Как она была больной, предреволюционная культура, так и перетекла за рубеж. И политика перетекла, еще глубже больная, чем была в России. И больная, искалеченная «западничеством», гуманитарная наука.

Патриотизм? Да, вот этого у эмигрантов первого поколения было не отнять. Россия осталась для них святыней, все помыслы были направлены к ней. А сама идея «сверхзадачи» превращала существование на чужбине в служение покинутому Отечеству. Но в этом была и великая трагедия эмигрантов. «Настоящей» Россией они воспринимали только себя. Не замечая собственных недугов, готовили себя на роль врачей. Не понимая собственных ошибок, видели в себе грядущих учителей. Не осознав собственных проступков, претендовали быть судьями.

Темная ночь над страной

На православных календарях было 25 марта 1925 г. от Рождества Христова. На остальных календарях – 7 апреля. В больничной палате умирал патриарх Московский и Всея Руси святитель Тихон. Спросил: «Который час?» Один из присутствующих, не замечая струящихся по щекам слез, ответил: «Без четверти двенадцать». Патриарх вздохнул: «Скоро наступит ночь, темная и длинная...» Поднял руку, дважды осенил себя крестным знаменем. А когда хотел перекреститься в третий раз, рука упала...

Победа большевиков в гражданской войне отнюдь не ознаменовала собой конец бедствий, обрушившихся на Россию. Даже террор еще не сокращался, наоборот, его страшный пик приходится на «мирные» времена – с конца 1920 по начало 1922 г. Расстрелы по-прежнему гремели во всех «чрезвычайках». И систему лагерей, кстати, создавал вовсе не Сталин. Она возникла по инициативе Ленина и Свердлова еще в 1918 г. Согласно постановлению о «красном терроре» концлагеря предписывалось создавать в каждом районе. Они были придатками тюрем, где не хватало мест. А в 1920 г. возникла еще одна система – Северные Лагеря Особого Назначения. Впоследствии аббревиатура СЛОН «по наследству» перешла к Соловкам. Но изначально Северных лагерей было два, в Архангельске и Холмогорах. И для каторжного труда они вовсе не предназначались. «Особое назначение» означало лагеря смерти. Сюда присылали целевым назначением – на убой. Только за январь-февраль в Холмогорском лагере было расстреляно 11 тыс. человек[75], его называли «усыпальницей русской молодежи».

Продолжались гонения на казачество. Формально геноцид не возобновился, но вместо этого был взят курс на «расказачивание». Казаков признали не народом, а «сословием», причем «упраздненным», и они попали в разряд «лишенцев», т. е. категорий, лишенных значительной части гражданских прав – наряду с дворянством, духовенством, купечеством. А территории казачьих областей расчленились. Западную часть Войска Донского отдали Украине, остальное поделили между несколькими российскими губерниями. Киргизскую (Казахскую) автономную республику наделили чрезвычайно щедро. Отдали в ее состав территорию Уральского, Семиреченского, Оренбургского Войск, южную часть Сибирского, даже столицей республики стал Оренбург. Из Астраханского Войска вычленили Калмыцкую автономную область, из Забайкальского – Бурят-Монгольскую республику.

Особенно суровым репрессиям подверглись Кубань и Терек, которые в 1919 г. находились под властью белых и избежали свердловского геноцида. Тысячи казаков были арестованы и отправлены в Северные лагеря, откуда не возвращались. На Северном Кавказе большевистская политика сделала ставку на «революционные» народы – чеченцев, ингушей, дагестанцев и др. Поэтому здесь были созданы Горская и Дагестанская автономные республики, которым отдали значительную часть казачьих земель. От Кубани южную часть отчленили в Горскую республику, восточную часть – в Ставропольскую губернию. А вновь образованная Терская губерния сохранила лишь 19 % земель Терского Войска – узкую полосу по северному берегу Терека от Минвод до Кизляра и Каспия. Многие станицы было решено отдать горцам, а казаков из них депортировать. И с выселяемыми часто предпочитали не возиться – не проще ли перебить? В ходе депортации было уничтожено 35 тыс. казаков, казачек, детей. Перестреляли, вырезали – и никто как бы и «не заметил». Между делом...

Вопреки утверждениям советских учебников, не закончилась вместе с войной и политика «военного коммунизма». Напротив, как раз после разгрома белогвардейцев ее стали внедрять в полном масштабе. С запретом не только торговли, но и «продуктообмена», принудительным изъятием у населения всех ценностей и золота, возможностью получения продовольственных и промышленных товаров только по карточкам. Крестьян переводили на

положение «рабочих», лишая всякой собственности и объединяя в коммуны или совхозы. А для окончательного перехода к системе всеобщего принудительного труда под эгидой Троцкого стали создаваться «трудовые армии». В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) он заявлял: «С бродячей Русью мы должны покончить. Мы будем создавать трудовые армии, легко мобилизуемые, легко перебрасываемые с места на место. Труд будет поощряться куском хлеба, неподчинение и недисциплинированность караться тюрьмой и смертью». На эти задачи Лев Давидович перенацелил свои Реввоентрибуналы, в инструкции им указывалось, что «трудовое дезертирство при данной обстановке является таким же актом контрреволюции, как и вооруженное восстание против рабочих и крестьян».

Но в это же время в советскую экономику вовсю внедрялись иностранные бизнесмены, большей частью американские! Они легко получали в концессии заводы, фабрики, богатейшие месторождения полезных ископаемых. И тот же Троцкий указывал: «Что нам здесь нужно, так это организатор наподобие Бернарда Баруха». Американский предприниматель Вандерлип умудрился получить в концессию даже всю Камчатку «для экономической утилизации»[66, 173]! (Осуществить проект помешали только японцы – им подобные аппетиты США совсем не понравились, и они поддержали на Камчатке антисоветское восстание). Ну а в целом из данных фактов хорошо видно, во что должна была превратиться наша страна по проектам «мировой закулисы». В один огромный концлагерь с бесплатным рабским трудом за пайку хлеба. Те, кто проявляет непокорство, уничтожаются, а сверхприбыли будут грести угнездившиеся в России иностранцы.

Однако Ленину и Троцкому пришлось отказаться от продолжения данной политики. Народу удавалось дурить головы необходимостью борьбы с «эксплуататорами», но когда с белогвардейцами покончили, а гайки по-прежнему закручивались, люди стали возмущаться. Покатились восстания, охватившие почти всю Россию. Их жесточайше подавляли. Опять лились потоки крови, опять людей косили расстрелы и эшелоны везли обреченных в Северные лагеря. Но движение «зеленых» было сильно своей массовостью. Уничтожали одних – за винтовки и обрезы брались другие. Мятежи усмиряли, а они вспыхивали снова. И большевики вынуждены были пойти на уступки. В марте 1921 г. X съезд партии провозгласил нэп, в сентябре были приняты дальнейшие меры по смягчению экономической политики. Хотя сам Ленин считал это «отступлением» на пути строительства социализма, тяжело переживал и писал Троцкому, что подобное «отступление» может быть только временным, для «перегруппировки сил»[7, 96].

Но ларинские методики «военного коммунизма» принесли еще одну катастрофу. Продовольствие выгребалось у крестьян подчистую, запасов у них не оставалось. И когда 1921 г. выдался неурожайным, грянул голод, охвативший Поволжье, Дон, Крым, ряд южных губерний России и Украины. Люди вымирали, доходили до каннибализма. Однако даже столь колоссальное бедствие большевистские лидеры ухитрились использовать с «выгодой» для себя. Голод оказался хорошим поводом нанести массированный удар по Православной Церкви.

Большевики пытались ослабить и сокрушить ее с самого начала своего владычества. Еще в 1917 г. вышло постановление Совнаркома «Об отделении школы от церкви и церкви от государства», которым Церковь лишалась статуса юридического лица, у нее стали отбирать собственность. Как уже отмечалось, в 1919 г. вышло еще одно постановление, «О борьбе с попами и религией». Кампания «красного террора» началась с расстрелов многих видных церковных иерархов и священнослужителей[5, 140]. И во всех «чистках» городов и местностей, занятых красными, жертвами в первую очередь становились священники и монахи[58]. По распоряжениям Ленина и других лидеров устраивались кощунственные акции «разоблачительных» вскрытий святых мощей. Был создан «Союз воинствующих безбожников».

И все-таки до сих пор в антицерковных атаках большевики были вынуждены себя сдерживать. То наступали белогвардейцы, то полыхали крестьянские восстания, и приходилось проявлять осторожность, чтобы не подлить масла в огонь. Теперь новые властители России сочли, что наступил подходящий момент разгромить Церковь совсем. С одной стороны, голод подорвал силы крестьянства, ослабил возможности стихийного сопротивления. С другой, появился предлог для удара – изъятие церковных ценностей якобы для помощи голодающим. Таким образом, возник шанс не только избежать народного возмущения, но и сделать часть населения своими союзниками.

Инициатором кампании выступил Троцкий. 17 марта 1922 г. он представил в Политбюро разработанный им план. И в данном вопросе Ленин стал полным его единомышленником. С ходу подхватил предложение и 19 марта писал членам Политбюро: «Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью». «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»[92, 93].

Была создана комиссия во главе с Троцким. Но комиссия строго секретная – наряду с ней, для прикрытия, действовала «официальная», только из русских, под председательством Калинина. На самом-то деле Церковь выражала готовность добровольно передать ценности на нужды голодающих – за исключением священных сосудов, используемых в богослужении. Нет, это большевиков не устраивало. Начались обыски храмов с погромами, богохульными выходками, глумлениями. В Шуе это вызвало столкновение с верующими, каратели открыли огонь по безоружной толпе, перебив много народу. Аналогичные эксцессы произошли в ряде других городов. Но именно это требовалось организаторам провокаций! Советская пропаганда принялась трубить, что священники жалеют свои богатства, отказывают умирающим от голода в куске хлеба. Развернулось повальное закрытие и разграбление храмов, монастырей. Показательные процессы над священнослужителями прошли в Питере, Москве, Смоленске, Чернигове, Полтаве, Архангельске, Новочеркасске... В 1922 г. только по суду было расстреляно священников – 2691, монахов – 1962, монахинь и послушниц – 3447. А всего было истреблено не менее 15 тыс. представителей духовенства, монахов, послушников, православных мирян.

И одновременно предпринимались усилия по расколу Православной Церкви. Что, между прочим, соответствовало одному из пунктов «плана Хауса», который для втягивания России в «новый мировой порядок» полагал необходимым внедрение в нашей стране других течений, наподобие протестантских[6]. Это направление деятельности курировал тоже Троцкий. Святейший патриарх Тихон (Белавин) был арестован. А большевики выявляли и обрабатывали «лояльных» священнослужителей, готовых к сотрудничеству. Лев Давидович секретной почто-телеграммой от 14 мая 1922 г. требовал всячески поддержать эту группу духовенства. Указывал, что «внутренняя борьба церкви... разрыхлит почву для семян атеизма и материализма».

И возникла ересь «обновленчества» во главе с епископом Антонином. Провозглашалось создание «Живой церкви», благословлявшей революцию, отрекавшейся от связи с «царизмом», с «эксплуататорами», с «реакционной» частью духовенства[5]. Некоторые лидеры живоцерковников, как Александр Введенский, увлеклись ересью искренне, считая, что таким образом спасают христианскую веру. Другие примыкали из страха перед репрессиями, третьи были сбиты с толку. По инициативе группы украинских интеллигентов-националистов возник и другой раскол, так называемая Украинская церковь. В ней было введено богослужение на национальном языке, миряне коллективно избирали и «рукополагали» иерархов, зачастую из светских лиц. Священники ходили и служили в штатской одежде, само богослужение упрощалось. Этот раскол власти тоже поддержали. Киевского митропо-

лита Алексия арестовали, а сектантам позволили захватить Софийский собор и ряд других храмов[58].

Ударам подверглась не только Православная Церковь, были гонения и на католическую, разоряли костелы, кое-где арестовывали или расстреливали ксендзов. Но вот ведь что интересно – невзирая на эти гонения, на казни своих служителей, католичество восприняло антицерковную кампанию в России... с воодушевлением! Да-да, с воодушевлением. Вроде как все эти напасти можно перетерпеть – главное, что Православие гибнет. Католический еженедельник «Lud Vozy», издающийся в Луцке, на польской территории, писал: «Из этой невероятной беды, вытечет, кажется, благое дело Божие – соединение церквей. Ах, как льнут к нам! Лучшие представители православного духовенства публично выражают свое восхищение и преклонение перед католической церковью», «богослужение в церквях посещают только старики, а наш костел переполнен тысячами людей, из которых половина православных. Большевики... убедились, что с нашим костелом труднее им воевать, чем с церковью. Великая жатва открывается теперь для Католической церкви. Дайте только сюда самоотверженных, благочестивых священников и миссионеров, и Христова овчарня умножится...»[58].

Что ж, с католицизмом большевикам и впрямь было труднее бороться, чем с Православием. Католические и униатские священники получали поддержку из-за рубежа. У них существовала легальная связь со своими центрами в Польше, а через них с Ватиканом. Они знали, что о них помнят, что их деятельность ценят, что они всегда смогут получить на Западе пристанище. Знали, что если с конкретным костелом и приходом случится беда, то в целом для католической церкви это неощутимо, она существовала и будет существовать. В отличие от православных – у которых уничтожалась сама Церковь. Католики и протестанты западных держав без зазрения совести поучаствовали в святотатстве, скупая по дешевке православные святыни и ценности, разграбленные большевиками. Многие предметы церковной утвари, иконы попали в Рим и другие католические центры.

К тому же борьба большевиков с католицизмом, иудаизмом, исламом не была такой бескомпромиссной и последовательной, как с Православием. Она велась в порядке общей антирелигиозной политики. Но наряду с богоборческими шли и иные указания: внимательно относиться к «национальным особенностям», в том числе к «пережиткам» – которые можно ликвидировать только со временем, постепенно. В отношении русских таких ограничений не существовало. Православные церкви громились, а в 1925 г. в Москве было открыто две синагоги (хотя формально иудаизм тоже осуждался).

А протестанты и сектанты в данный период вообще не подвергались преследованиям! Наоборот, им даже передавали отобранные у православных храмы. В нашей стране вполне официально действовали представительства международных баптистских и иных организаций. Под их эгидой даже возник «Бапсомол» – баптистский союз молодежи, и открыто вел свою работу. В условиях нэпа было создано более 400 сектантских кооперативов, объединенных в «Братство взаимопомощи», в Москве открывались протестантские столовые, возникали многочисленные сельскохозяйственные сектантские «коммуны», и это не только не возбранялось властями, а всячески приветствовалось. И в результате численность паствы «протестантских конфессий» (включая баптистов, иеговистов, адвентистов, пятидесятников и т. п.) за 1920-е годы возросла в 5 раз! За счет православных. Испытавая потребность молиться Богу, люди тянулись в секты.

Но задумка Троцкого с обновленчеством провалилась. В апреле-мае 1923 г. живоцерковники провели свой «собор», где объявили о низложении патриарха Тихона и лишении его священнического сана, принялись вносить изменения в уставы Церкви, в порядок богослужения[5]. Все это вызвало взрыв негодования верующих, и они отвернулись от реформаторов. От обновленцев стала отходить значительная часть иерархов и священнослужителей

– тех, кто соблазнился по ошибке, по слабости, кто был обманут. А патриарх Тихон решительней лже-собора не признал и вступил в решительную борьбу с ересью. Правда, для этого и ему пришлось пойти на компромисс с большевиками. Он подписал «покаянное письмо», объявляя, что не является врагом советской власти. Патриарх говорил: «Пусть погибнет мое имя в истории, только бы Церкви была польза». Этой ценой он сумел выйти из заключения, восстановить каноническое управление Церковью. И смог открыто обличать живоцерковников. Вел службы в разных храмах Москвы, и, несмотря на противодействие властей, всюду его встречали массы верующих. Стекалось столько прихожан, что храмы не могли вместить желающих. На эти службы приходили и священники, епископы, вернувшиеся от раскола, приносили свое покаяние[5].

Многим христианским общинам еще удавалось держаться – провинциальные чиновники закрывали на них глаза за взятки или просто не желали конфликтов в своих «владениях». Нередко низовые партийцы и сами втайне сохраняли веру в Бога. Монастыри закрывались большевиками, а монахи поселялись в миру и все равно держались общинами. Закрывались церкви, но в частных домах оборудовались алтари, проводились службы. Но и сами по себе религиозные преследования вызывали новые расколы, порождали новые течения. Появилась «катакомбная» церковь, приравнявшая условия своего существования к временам римских гонений, когда верующие тайно собирались в катакомбах. Священники переезжали с места на место, окормляя паству в разных городах. Возникла категория тайных иноков в миру – человек принимал постриг, по-прежнему жил и трудился, как светское лицо, но соблюдал иноческие обеты и выполнял те или иные формы послушания. Появилась и секта «истинно-православных». Она считала большевистское государство уже наступившим царством антихриста. Соответственно, осуждались любые компромиссы с ним, и поступок свт. Тихона, освободившегося ценой признания советской власти, объявлялся «ересью».

Патриарха враги Православия арестовывать больше не решались из-за его огромной популярности. Но на него было совершено покушение, при котором был убит келейник патриарха, послушник Яков Полозов. А труды, огромное перенапряжение, подорвали здоровье свт. Тихона. Он стал часто болеть, и в январе 1925 г. вынужден был лечь в больницу. К весне начал было поправляться, снова выезжать на службы, однако 25 марта (7 апреля) 1925 г., в праздник Благовещения, внезапно почувствовал себя хуже. Многие данные указывают на то, что он был отравлен. Незадолго до полуночи патриарх отошел в мир иной.

Его последние слова оказались верными. Для России и Церкви наступила ночь. Темная и длинная. План «мировой закулисы» в отношении нашей страны был выполнен. Она лежала в руинах, потеряла огромные территории. Первоклассные до революции промышленность и транспорт были разрушены. За годы гражданской войны в боях, от эпидемий, голода, террора погибло 14-15 млн. человек. Еще 5-6 млн. человек унес голод в 1921-1922 гг. Только погибшими Россия потеряла 12-13 % своего населения. Не считая подорвавших здоровье, раненых, искалеченных. И морально искалеченных. А вместо православного монарха на российской земле распоряжались эмиссары чужеземных «бесов». Созвать Собор и избрать нового патриарха вместо свт. Тихона власти не позволили.

Воры и государственники

Операция по разрушению России была для западных воротил выгодной не только с политической или геополитической, но и с чисто коммерческой точки зрения. Американцы в начале XX в. уже хорошо научились делать бизнес на революциях. Так, вице-президент банка Моргана «Гаранти траст» М.П. Мэрфи являлся организатором сепаратистского путча в Панаме в 1903 г.[177]. Через синдикат «Хант, Хилл энд Беттс» осуществлялась поддержка китайской революции в 1912 г. Компания Моргана активно поучаствовала в мексиканской революции. В подобном бизнесе всегда оказывалась тут как тут мощная компания «Американ Интернешнл Корпорейшен», специально созданная для эксплуатации отсталых стран. Главным ее акционером был банк «Кун и Лоеб», а директором – компаньон Шиффа Отто Кан, чье имя нам не раз уже встречалось[158].

В России «гешефт» оказался куда более весомым, чем в Панаме или Мексике. Пароходами с золотом по «паровозному заказу» он отнюдь не ограничилось. И можно отметить, что все бедствия нашей страны несли зарубежным бизнесменам чистую прибыль. Разруха? Прекрасно. Советскому государству втридорога продавались недостающие товары, бездействующие предприятия и рудники брались задарма в концессии.

Голод тоже стал предметом грязных махинаций. В ЦК РКП(б) работу по линии помощи голодающим возглавил Троцкий[157]. Через него были заключены соглашения с АРА – ассоциацией нескольких сектантских и филантропических организаций под руководством министра торговли США Г. Гувера, с рядом бизнесменов – например, Арманом Хаммером (сыном Джулиуса Хаммера, одного из покровителей Льва Давидовича в период его пребывания в Нью-Йорке). И через них стало закупаться за границей продовольствие, главным образом зерно... Но в том-то и дело, что зерно в России было! Ведь не во всех регионах случился неурожай. Хлеб в 1921-1922 гг. собирали в виде продрозверстки, потом продналога. И... отправляли на экспорт! А в Россию, получается, везли из-за рубежа. Поневоле закрадывается подозрение, что «прокручивалось» одно и то же зерно. Скупали по дешевке в России, потом где-нибудь в Таллине переписывали сопроводительные документы и продавали той же России.

Небезынтересно отметить и такой факт: кампания по разгрому Церкви началась в марте 1922 г., но гораздо раньше, в октябре 1921 г. Хаммер подписал соглашение с Советским правительством на поставку зерна – и среди товаров, которыми Россия должна была расплачиваться, на первом месте значились «церковные ценности»! Впрочем, можно сопоставить удар по Церкви с некоторыми другими событиями. В январе 1922 г. Гувер представил в Госдепартамент США программу экономических связей с Москвой. В том же январе для финансовых операций с западными державами Советское правительство создает Роскомбанк (прообраз Внешторгбанка). Возглавил его... не кто иной, как Олаф Ашберг[158]. В том же январе 1922 г. проходит Каннская конференция стран Антанты, фактически признавшая правительство большевиков, а в марте была созвана Генуэзская конференция, открывшая дорогу для расширения торговых связей с Россией. Случайное совпадение по времени? Вот уж вряд ли. Потому что сразу после конференции колоссальный поток награбленных церковных ценностей выплеснулся все туда же, на Запад.

Американский историк Р. Спенс приходит к выводу: «Мы можем сказать, что русская революция сопровождалась самым грандиозным хищением в истории. Миллионы и миллионы долларов в золоте и других ценностях исчезли. Другие деньги и средства были тайно перемещены из одних мест в другие». В махинациях по разворовыванию страны участвовали те же самые эмиссары «закулисы», которые потрудились над разрушением России. Для Троцкого, например, это стало поистине «семейным» делом. Он ведал распределением кон-

цессий. Он же возглавлял кампанию по изъятию церковных ценностей. Он же руководил работой «по реализации ценностей Гохрана». Его жена Наталья Седова, выпускница Сорбонны, дипломированный искусствовед, могла быть квалифицированным семейным экспертом. Она получила пост заведующей Главмузея. И сбывались на Запад драгоценные иконы XV, XVI, XVII вв. по символическим ценам 50, 100, 150 рублей.

Дядюшка Троцкого Абрам Животовский уютно обосновался в Стокгольме, где вместе с Ашбергом занимался реализацией награбленного. А сестра Льва Давидовича Ольга, жена Каменева, председатель специально для нее созданного Международного отдела ВЦИК устраивала за границей выставки ценностей и товаров, которые большевики предлагали иностранным партнерам. Ее компаньоном стал директор фирмы «Вестингауз Электрик» Ричард Крейн. Тот самый Крейн, который в качестве представителя Вильсона принял участие в организации Февральской революции. После операций, которые он провернул с Ольгой, этот бизнесмен сделал широкий «благотворительный» жест – подарил Гарвардскому университету колокола московского Свято-Даниловского монастыря. Чего ж не расщедриться за счет краденого? (Кстати, еще одно «совпадение» – и офис Крейна, и упомянутая компания Отто Кана «Америкэн Интернешнл Корпорейшен» для эксплуатации отсталых стран располагались по уже известному нам адресу – Бродвей-120[158]).

В делах по разворовыванию российских богатств встречаются другие «знакомые» лица. Возглавлял Гохран, помогая Льву Давидовичу расхищать хранившиеся там ценности, выдвигенец Свердлов царевича Юровский. В комиссию по разграблению Церкви вошел другой царевич, Белобородов. У Александра Гомберга, бывшего «литературного агента» Троцкого, в Советской России неплохо пристроились братья. Сергей Гомберг (Зорин) стал референтом у Зиновьева, возвысился до члена ЦК. А Вениамин Гомберг возглавил Русско-Германскую торговую компанию и Всесоюзный химический синдикат. Бывший директор заводов Нобеля Серебровский, на квартире коего Лев Давидович жил в 1917 г., сперва занялся поставками для Красной армии, потом получил под начало Главнефть и Союззолото. Ну а Вениамин Свердлов, заняв пост начальника отдела ВСНХ, по-прежнему поддерживал отношения со своим старым партнером Сиднеем Рейли – и через него перепродавал за границу пушнину, нефть, антиквариат...

Знал ли об этих безобразиях Ленин? Да, знал. Но по какой-то причине вынужден был терпеть их. Летом 1921 г. он попытался было бороться с Троцким. 16 июня по предложению Ленина Политбюро приняло постановление об освобождении Льва Давидовича от обязанностей наркома по военным и морским делам и направлении его наркомом продовольствия на Украину – в «почетную ссылку»[157]. Однако Троцкий постановление просто проигнорировал. 27 июля он встретился с Владимиром Ильичем с глазу на глаз, и сразу после беседы Ленин идет на попятную, рассылает членам Политбюро записку об отмене прежнего решения. Какой уж у них произошел разговор, остается тайной. Но ясно, что у Троцкого имелись определенные рычаги для давления на Ленина. Один из биографов Льва Давидовича, Нагловский, упоминает, будто между ним и Лениным существовало какое-то «джентльменское соглашение».

После упомянутой встречи Владимир Ильич не только отменяет опалу, но почему-то считает нужным дополнительно угодить Троцкому! Отдает в его ведение ряд промышленных и сельскохозяйственных предприятий в окрестностях Москвы, получивших название «Москуста». В марте 1922 г. инспекция Рабкрина выявляет в «Москусте» вопиющие злоупотребления. Нормально работавшие предприятия оказались за полгода развалены, превратились в обычную «отмывочную» кормушку для перекачивания на нэповский рынок государственных средств[157]. Но и это сходит Троцкому с рук. Никаких мер в отношении него не предпринимается. Что еще раз подтверждает – Ленин успел попасть в некую очень даже заметную зависимость от Льва Давидовича.

«Вождь номер два» находился в пике своего могущества. Жил по-царски, заняв дворец Юсупова в Архангельском. Держал штат лучших поваров, прислуги. Проводил собственные приемы, переговоры, совещания, о которых не считал нужным информировать правительство. Очень тщательно следил за своим здоровьем, его опекали персональные врачи, даже в самые тяжелые моменты гражданской войны Троцкий не забывал брать отпуска, ездил на курорты, на охоты и рыбалки[35]. И все же Ленин вел собственную линию. Точно так же, как Брестский мир он считал вынужденной, временной мерой, пока не получится разжечь революцию в Германии, так и в начале 1920-х считал «временной» необходимость ублажать иностранных хищников. Был уверен, что экономические связи позволят «революционизировать» страны Запада. Так что издержки в его глазах получались оправданными. Ну а против Троцкого Владимир Ильич начал использовать Сталина.

Иосиф Виссарионович и впрямь во многом выглядел противоположностью Льва Давидовича. В махинациях с зарубежными кругами он замешан не был. Не был и позером, не играл на публику. Жил очень скромно, аскетично, занимал трехкомнатную квартиру в одном из флигелей Кремля, причем не один, а поселил в ней семью старого товарища Аллилуева, женившись на его дочери Надежде. Никакими дополнительными благами, не положенными ему по должности, не пользовался. Был постоянно в работе, не гнушаясь кропотливой неблагодарной «текучки».

Хорошо проявил себя в годы войны. После успешной обороны Царицына его стали направлять на разные угрожаемые участки. В декабре 1918 г. в Пермь – при прорыве колчаковцев, в мае 1919 г. в Петроград – при прорыве армии генерала А.П. Родзянко. Он умел организовать, навести порядок, разобраться в причинах неудач. Но при этом, как ни парадоксально может прозвучать, проявил себя менее жестоким, чем Троцкий или Ленин. Свой первый приказ о расстреле он подписал 18 августа 1918 г., и относился приказ не к пленным, не к заложникам или мирным жителям, а к предателям. Иосиф Виссарионович распорядился казнить участников раскрытого в Царицыне заговора во главе с военспецом Носовичем и инженером Алексеевым, готовивших мятеж – причем заговор был связан с иностранцами, с американским и французским консулами.

Но вот что особенно любопытно – после этого расстрела на Сталина обрушились обвинения в жестокости со стороны... Троцкого. Который в это же самое время буквально залил кровью Свияжск и Казань. Постарались оговорить Иосифа Виссарионовича и какие-то лица в окружении Ленина. Несмотря на то, что Владимир Ильич сам рассылал направо и налево «расстрельные» телеграммы, но тут почему-то прислушался к обвинениям, осерчал и далеко не сразу признал свою неправоту. Словом, уже в те времена «оборотни» в советском руководстве считали Сталина помехой и использовали любой повод, чтобы «копнуть» под него.

В ходе войны с Польшей в 1920 г. Юго-Западный фронт, который курировал Иосиф Виссарионович, внес решающий вклад в победу. Но он еще раз проявил себя противником «мировой революции». Настаивал на том, чтобы довольствоваться изгнанием интервентов с российской территории. Его мнение не приняли в расчет, перспективы победного марша на Варшаву и Берлин слишком увлекли Ленина, что обернулось тяжелым поражением. Впрочем, такие разногласия проявлялись только в рабочих вопросах. Сталин никогда не заострял их, оставаясь одним из самых верных последователей Владимира Ильича, ни разу не оказываясь в лагере тех или иных оппозиций. Иногда позволял себе спорить с Лениным, но в уважительных тонах, как младший со старшим, а если вождь настаивал на своем мнении, всегда уступал.

И Владимир Ильич ценил такую верность. При собственной перегруженности он делает Сталина ближайшим практическим помощником, надежным и безотказным проводником своих идей. В дополнение к посту наркома по делам национальностей Иосиф Виссарионович становится наркомом госконтроля, а потом наркомом Рабоче-крестьянской

инспекции (Рабкрин), призванной наводить порядок в стране, налаживать контроль во всех сферах. И те же самые качества: преданность вождю, организаторские способности, авторитет среди партийцев – плюс неприязнь к Троцкому, делали его идеальным противовесом Льву Давидовичу. При этом Ленин мог оставаться вроде бы ни при чем, в стороне, не нарушая «джентльменских соглашений».

В сентябре 1921 г. с подачи Владимира Ильича Политбюро учредило комиссию по военным вопросам под председательством Сталина. Его, таким образом, запустили в ведомство, где ранее распорядился только Троцкий. И Иосиф Виссарионович столкнулся с вещами просто умопомрачительными. Например, с огромнейшими заказами на винтовки, пулеметы и прочее вооружение, которые делались за границей на сотни миллионов золотых рублей. Хотя в России после Мировой и гражданской войн оружия было в избытке, его дарили туркам. Имелись и мощные отечественные оружейные заводы. То есть, после «паровозного заказа» готовились новые прикрития для утечки за рубеж русского золота. Но едва Сталин принялся разбираться с этими делами, как он немедленно приобрел нового врага в лице... Крупской.

Кстати, эта личность в исторической литературе до сих пор не получила надлежащего освещения. Ее изображают сугубо «при» Ленине – тихой, незаметной бабушкой, вечно несчастной. В действительности Надежда Константиновна была особой далеко не простой. Есть версия, что в период эмиграции в Мюнхене она была близка к Парвусу, не исключена ее связь с орденом иллюминатов, который, напомним, нередко использовал женщин. А для оказания влияния на Ленина жена была идеальной фигурой. Мемуары Крупской выдают откровенно русофобские взгляды. После революции она проявила себя совсем не тихоней, а деятельницей весьма активной и энергичной, помогая в Наркомпросе Луначарскому крушить русскую культуру и систему образования. Ну а как только Сталин оказался на пути Троцкого и стоявших за ним сил, последовали выпады против него.

Молоденькая жена Иосифа Виссарионовича работала одной из секретарш Ленина – и парторганизация Управделами Совнаркома вдруг исключила ее из партии за «пассивность». Случай был неслыханным, «вычистили» супругу лидера столь высокого ранга! Те, кто организовал это, должны были чувствовать за собой очень мощную поддержку. А на других секретарей, проголосовавших за исключение, имела определяющее влияние Крупская. Но за Аллилуеву заступился Ленин и она осталась в рядах РКП(б) и в секретариате [96, т. 51]. Последовали и жалобы самой Крупской мужу. Она принялась критиковать методы работы Сталина в Агитпропе и, судя по всему, обрабатывать Владимира Ильича жена умела. Он завелся, рассердился, хотел вынести вопрос на Оргбюро. Но Иосиф Виссарионович разъяснил в письме, что «мы имеем дело либо с недоразумением, либо с легкомыслием... Т. Крупская поторопилась. Она опять поторопилась...» И Ленин, разобравшись, остыл [157].

Несмотря на все интриги, доверия вождя Иосиф Виссарионович не утратил. Напротив, Ленин решает усилить его позиции. Здоровье Владимира Ильича ухудшалось, врачи рекомендовали ему отпуска, лечение. Он не мог не понимать, что ослабление его власти может привести к перехвату реального управления Троцким. Средством, чтобы противостоять этому, был выбран Секретариат ЦК – еще по опыту Свердлова Ленин знал, какие возможности дает обладание канцелярскими рычагами партии. В марте 1922 г., на XI съезде Сталина вводят в Секретариат и даже придумывают для него особый пост, которого ранее не существовало – генеральный секретарь ЦК. Документы съезда сохранились и однозначно показывают, что сделано это было при участии и личной поддержке Ленина [86, 96]. Хотя сама эта должность еще вовсе не означала правителя страны и партии. Сталин получил только власть руководителя партийной канцелярией.

От советских республик – к СССР

В мае 1922 г. у Ленина случился первый инсульт. Его болезнь связывают с разными причинами. Указывают на склероз сосудов мозга. Некоторые источники сообщают об опухоли, разрушавшей мозг. Гуляет в литературе и версия сифилиса – впрочем, она опровергнута. Некоторые медицинские авторитеты предполагают, что ход болезни ускорила операция по извлечению пули, проведенная профессором Борхардтом. Но почему-то никто не увязывает случившиеся с последним делом, которое успел сотворить Ленин. С ударом по Церкви. Человеку свойственно ошибаться, заблуждаться, даже и грезить о «светлом будущем». Но ведь на Господа вождь занес руку вполне сознательно и целенаправленно.

Антирелигиозная кампания заведомо планировалась Лениным погромной и кровавой[92, 93, 158]. Она была неспровоцированной. И не оправдывалась даже с точки зрения планов построения социализма. Потому что Церковь, хоть и не благословила красных, но не благословила и белых, она выступала против братоубийства и кровопролития как таковых. В обычном, политическом плане, ее деятельность не мешала большевикам! Погром не требовался и для помощи голодающим – в распоряжении советской власти имелась изрядная часть золотого запаса, отбитого у Колчака, были ценности, награбленные в конфискации. Нет, главная цель акции была именно богоборческой. Новым властителям требовалось переделать не только экономические и политические механизмы, но и переиначить души людей. И разве не закономерно, что в ответ на этот удар случился удар у Ленина? Что Господь воочию показал, насколько ничтожен человек, как бы высоко он ни вознесся?

И это сознание своей ничтожности и беспомощности раздавило Владимира Ильича. Правда, он был слишком «просвещенным» человеком, слишком убежденным атеистом, можно даже сказать «верующим» в собственный атеизм, поэтому он обратился, конечно же, не к Господу, а наоборот, к мыслям о самоубийстве. Еще в молодости ему понравился пример супругов Лафарг, зятя и дочери Маркса: когда они сочли, что по возрасту не могут служить делу революции, то вместе, по-семейному, приняли яд. Но от такого варианта Ленина сумел отговорить Сталин. Он в данный период постоянно навещал больного, из всех лидеров партии оказался самым близким человеком для Владимира Ильича. И когда тот обратился с просьбой достать яд, убедил подождать результатов лечения, спустил дело на тормозах.

А в советском руководстве первый инсульт не вызвал серьезных потрясений. Временно замещать болеющего Ленина уже привыкли. Вот и теперь временно подменяли. На заседаниях Совнаркома и Политбюро председательствовал Зиновьев. Работу в ЦК партии возглавил Сталин. Троцкий, кроме руководства армией, активно занимался делами экономики, фактически подмял под себя Всероссийский совет народного хозяйства (ВСНХ). Хотя возникли и противоречия. Троцкий стал требовать придать законодательные функции Госплану, а при этом Госплан и ВСНХ должен был возглавить он же. Таким образом, «хозяин» вооруженных сил одновременно стал бы экономическим диктатором. По сути – получил бы полную власть над Россией. Естественно, Сталин выступил резко против, найдя союзников среди других руководителей, опасавшихся усиления Троцкого.

Разногласия были и по другому вопросу. Бухарин и Зиновьев выступали за ослабление монополии внешней торговли – да уж какая монополия, когда в стране всю паслись иностранные фирмы. Троцкий возражал, поскольку существующая монополия оборачивалась его персональной. А Сталин в данном отношении колебался, занимал «центристскую» позицию, соглашаясь, что на деле ослабление монополии, наверное, неизбежно.

Но главные споры развернулись вокруг создания Советского государства. Национальный вопрос под властью большевиков оказался чрезвычайно запутанным. Ведал им не только нарком по делам национальностей, но и национальный отдел ВЦИК. И законода-

тельные прерогативы, права определения территориальных границ принадлежали ВЦИК. Весной 1918 г. была принята структура, при которой различные народы получали автономию в составе Российской Федерации. Как уже отмечалось, принципы этой автономии вырабатывались Сталиным. Но поскольку он всю войну разъезжал по фронтам, деятели из ВЦИК повели другую линию. Фактически поощрялся национализм в ущерб интересам русского народа. Шли заигрывания с кавказскими, крымскими, башкирскими, татарскими, казахскими националистами. Пантюркисты признавались союзниками против белогвардейцев и «империалистов». Им, как и «революционным» горцам, отдавались значительные территории, населенные русскими людьми.

Сталину пришлось приложить значительные усилия, окорачивая «автономистов». В 1920 г. была пресечена попытка создать отдельную «мусульманскую компартию», некоторых лидеров националистов посадили. А понятие автономии было ограничено внутренним самоуправлением, административными и культурными вопросами. Но для тех республик, которые в 1917-1918 гг. успели провозгласить себя независимыми, после изгнания интервентов и белогвардейцев была из политических соображений сохранена «независимость». Причем степень их самостоятельности оказалась различной. На Украине существовали собственные наркоматы иностранных дел, военный – а в Белоруссии нет. Грузии была оставлена значительная экономическая самостоятельность, там ходили свои деньги, даже функционировали иностранные банки[157]. Была проявлена гораздо большая, чем в России, лояльность к политическим противникам, сохранялись структуры грузинских меньшевиков.

Но восстановление разрушенной экономики требовало централизации и воссоединения хозяйственного комплекса дореволюционной империи. Работа в данном направлении началась с весны 1922 г. Ленин еще до первого приступа болезни высказался за принцип федерации, и Сталин дисциплинированно действовал в этом направлении. Для начала Закавказье, где образовался настоящий клубок противоречий, шли межнациональные конфликты и межреспубликанские споры, было объединено в одну Закавказскую федеративную республику. Армения и Азербайджан согласились с таким решением, Грузия восприняла в штыки.

Руководство грузинской компартии – Мдивани, Махарадзе, Сванидзе и др. вообще противилось процессам воссоединения, претендовало на то, чтобы строить «свой», особенный социализм. Другим центром сопротивления стало руководство Украины – Раковский, Петровский, Антонов-Овсеенко. Но тут в основе лежал не национализм (какой уж национализм, если Раковский был румынским евреем). Просто местные лидеры желали властвовать сами, в свое удовольствие. В августе в Москве собралась комиссия по выработке проекта союзного государства. Сталин внес предложения об «автономизации» – республики войдут в РСФСР на правах автономных: так же, как Татария, Башкирия, Дагестан и т. д. Что было, в общем-то, справедливо по отношению ко всем народам, уравнивая их. Белоруссия, Армения, Азербайджан поддержали проект. Грузия и Украина выступили резко против. И настаивали на принципах не федерации, а конфедерации – пусть общими будут только вопросы обороны и охраны границ (то есть, пусть Россия охраняет и обороняет их), а в остальном сохранится самостоятельность.

Но в это время смог вернуться к делам Ленин, вмешавшись в разногласия. Претензии Троцкого на руководство экономикой он отверг. Однако и предложения об ослаблении монополии внешней торговли осудил. И идея «автономизации» ему не понравилась. Он писал, что ее породили «торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма»[96]. Логические доводы о необходимости восстановления единого хозяйства, о равноправии всех народов в составе государства он отменил. Для Владимира Ильича важнее было другое – планы «мировой революции». Он по-прежнему придерживался марксистского догмата, что социализм не может окончательно победить в одной стране, только в мировом масштабе. А значит, предстояло инициировать

революции в других государствах. Перспектива войти в состав Российской Федерации им вряд ли понравилась бы, а в «союз равных» – почему бы и нет? Сталин в спорах, как это бывало и раньше, уступил. И победила ленинская формула – «формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии». Противоречивая, непоследовательная, но она-то и была принята на пленуме ЦК 6 октября 1922 г.

Хотя даже и этим споры не кончились. В Тифлисе решение ЦК вызвало бурные протесты. Председатель Кавбюро РКП (б) Серго Орджоникидзе за неподчинение партийной дисциплине стал снимать нарушителей с постов. Москву засыпали жалобами на него. Добавился скандал с неким Кабахидзе, который обвинил Орджоникидзе в коррупции и заработал за это по физиономии, что также было использовано для кляуз. В Тифлис была направлена комиссия под председательством Дзержинского. Никакого особого криминала не нашла, в бурную эпоху первых лет советской власти и не такое случалось. Кого там могли удивить отстранения от должности или пощечина?

Но внезапно коренным образом изменилась обстановка в советских верхах. В ночь на 16 декабря 1922 г. у Ленина грянул второй инсульт. И вот тут-то стало ясно, что восстановление здоровья не произошло, полноценным вождем ему больше не бывать. А фигур «первой величины» в большевистской верхушке на этот момент было четыре. Зиновьев – председатель Исполкома Коминтерна, председатель Северной Коммуны (Петрограда), член Политбюро. Каменев – председатель Совета труда и обороны (СТО), лидер Московской парторганизации, член Политбюро. Сталин – нарком двух наркоматов, генеральный секретарь ЦК, член Политбюро и Оргбюро. И Троцкий – наркомвоен, член президиума ВСНХ и Политбюро. Были и фигуры второго, третьего ранга: Томский, Рыков, Бухарин, Молотов, Калинин, Дзержинский, Пятаков... Но реальных кандидатов на власть оказалось двое – Сталин и Троцкий, представлявшие абсолютно разные силы, разные группировки внутри партии.

И между ними пошла борьба. Причем в первом раунде была сделана попытка использовать авторитет отсутствующего, но еще живого Ленина, формально еще числившегося вождем. Проявилось это в виде пресловутого «политического завещания». Любой врач, любой человек, сталкивавшийся со случаями тяжелого инсульта, знает его особенности. Он очень сильно влияет на психику, меняет личность. Больной легко впадает в злость и истерики, становится неадекватным, раздражительным, склонным заикливаться на каких-то «пунктиках» – и легко внушаемым. Все это мы видим и в работах так называемого «завещания». А внушать, влиять на Ленина мог только один человек – Крупская, постоянно находившаяся при нем. И квартира больного превратилась в эпицентр жестоких интриг, в которых Владимиру Ильичу отводилась всего лишь роль инструмента в чужих руках.

18 декабря 1922 г. пленум ЦК по настоянию врачей принимает решение о строгом соблюдении режима для больного – главной нарушительницей выступала как раз Крупская [84, 157]. Персональная ответственность за выполнение этого решения пленума была возложена на Сталина. На кого же еще, как не на генерального секретаря, если требовалось контролировать высокопоставленных коммунистов? Но Надежда Константиновна постановление игнорирует, 21 декабря принимает диктовку письма для Троцкого. Сталин, узнав об этом, по телефону делает ей внушение, напоминает о партийной дисциплине. Она жалуется мужу, устраивает сцены. И с 22-го на 23-е происходит ухудшение здоровья Ленина, паралич руки и ноги.

Тем не менее не кто иной, как Крупская, настаивает перед врачами, что Ленину надо разрешить понемножку работать. Дескать, он тогда будет чувствовать себя менее ущемленным. И доктора позволяют диктовать по 10 минут в день. А следующим шагом в подковерной борьбе становится отстранение от исполнения обязанностей одной из секретарш Владимира Ильича. Отстраняется Аллилуева, жена Сталина! Она остается в составе секретариата, но для диктовок ее больше не привлекают. Отныне в квартире вождя появляются только секре-

тарши из «команды» Крупской – Гляссер, Володичева, Фотиева и др. После чего и рождаются работы, ставшие «завещанием».

Кстати, когда именно они диктовались, в точности неизвестно. В «Журнале дежурных врачей» и «Журнале дежурных секретарей» обнаружено множество разночтений и нестыковок[157]. Не исключено, что работы кем-то редактировались – они представляют собой машинописные копии, никем не заверенные, нигде не зарегистрированные, без каких-либо пометок, без подлинников стенограмм. 23-24 декабря датирована диктовка, которая позже была названа «Письмом к съезду». Тут всем досталось, Троцкому, Каменеву, Зиновьеву, Бухарину, Пятакову. А особенно Сталину.

30 декабря открывается I съезд Советов СССР, принимает Декларацию об образовании СССР, подписывается союзный договор. Сталин провозглашает: «Сегодняшний день является днем торжества новой России... превратившей красный флаг из знамени партийного в знамя государственное...». Но в этот же день Ленин диктует работу «К вопросу о национальностях и «автономизации». Проект «автономизации» был похоронен три месяца назад! Союз создавался на ленинских принципах, принятых в октябре 1922 г. при его участии. Однако в статье мы вдруг находим: «...Вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик!» То есть, кто-то (и ясно, кто) напел Ленину, будто в его отсутствие Сталин протащил свой старый проект! Снова всплывает и «грузинское дело», причем наряду с Орджоникидзе неизвестно почему оказываются виноватыми Сталин и Дзержинский. Статья вообще откровенно русофобская. Употребляются выражения типа «шовинистическая великорусская шваль», «грубый великорусский держиморда». Логикой и не пахнет. Ленин, прежде боровшийся с националистами, начинает с какой-то стати отстаивать национализм «малых наций» в противовес национализму «больших наций».

4 января 1923 г. следует еще одна диктовка – которую впоследствии объявят дополнением к «Письму к съезду». В ней уже прямо указывается, что Сталина надо удалить с поста генсека, потому что он «груб». Хотя и сам Ленин деликатностью никогда не отличался – можно взять даже процитированные выше фразы о «держимордах» и «швали». Насчет «грубости» Владимир Ильич просто цитирует свою супругу. А она, судя по всему, продолжала подзуживать. Ленин заикливается на «грузинском деле», раз за разом вспоминает о нем в январе, в феврале, требует материалы[96]. В квартире Ленина из секретарей и секретарш создается «комиссия», которая начинает свое расследование, невзирая на то, что вопрос был рассмотрен Политбюро. Крупская не устает напоминать мужу и о старой, декабрьской обиде на Сталина. Как вспоминала М.И. Ульянова, Надежда Константиновна устраивала дикие сцены «была не похожа на себя, рыдала, каталась по полу»[84].

Она добивается своего. 5 марта Ленин диктует две записки. Троцкому, предлагая ему взять на себя защиту «грузинского дела». И Сталину, где указывает на обиду своей жены, требует извиниться и угрожает порвать отношения. Причем эту записку Крупская задерживает на два дня. Чтобы Иосиф Виссарионович не мог извиниться. Хотя Троцкому записку даже не пересылают, диктуют ее сразу же по телефону[157]. На кого работала Надежда Константиновна, очевидно – на Льва Давидовича. Понятно и то, кто должен был подыграть ей – в выпадах против Сталина она постоянно апеллирует к Каменеву и Зиновьеву. Но она перестаралась. Ленин переволновался, и 7 марта случился третий инсульт. Вождь утратил дар речи и окончательно выбыл из игры.

Кому править на Руси?

На календарях было 21 января 1924 г. В сумрачном, пропахшем лекарствами особняке в Горках кто-то вскрикнул. Кто-то сдавленно зарыдал. А кто-то уже накручивал рукоять телефона. И понеслась по проводам траурная весть – умер Ленин... Страна замерла в неясном тревожном ожидании. По городам и станциям люди вчитывались в страницы газет. По деревням обсуждали новости, привезенные односельчанами. На заводах, фабриках, в воинских частях и учебных заведениях собирались митинги. В Москве, несмотря на лютые морозы, десятки тысяч людей выстаивали по несколько суток для прощания с телом вождя. Обмораживались, грелись возле костров, разожженных на улицах. Кто-то втайне злорадствовал. Кто-то искренне переживал утрату. И все невольно гадали – а как оно будет дальше? Раньше цари умирали, оставляя наследников. Потом были перевороты и революции. Сейчас впервые в русской истории вопрос о власти должен был решиться как-то иначе. Как?

Впрочем, к тому моменту, когда сердце Ленина перестало биться, этот вопрос в значительной мере был уже решен. Сталина Троцкий явно недооценил, оказался в плену собственного самомнения и гордыни. Мог ли с ним конкурировать какой-то серенький «ремесленник», ленинская марионетка? Да и чего, казалось бы, опасаться Льву Давидовичу? За ним стояли могущественные силы «мировой закулисы». Ее эмиссары действовали в самых высших эшелонах советской власти. Получат команду, где уж удержаться Сталину?

И такая команда прошла. Весной 1923 г., накануне XII съезда партии, в «Правде» вышла статья Радека «Лев Троцкий – организатор победы». Характеристики – «великий умственный авторитет», «великий представитель русской революции... труд и дело которого будет предметом не только любви, но и науки новых поколений рабочего класса, готовящихся к завоеванию всего мира»[208]. Подобная публикация в центральном органе партии не могла выйти без благословения Бухарина. Партийцам откровенно подсказывали, чью сторону принимать. Петроград еще не стал Ленинградом, а Гатчина в 1923 г. превращается в Троцк. Ясное дело, не по инициативе Сталина. Один этот факт показывает, насколько сильны были «оборотни» в советских верхах.

В преддверии XII съезда произошел и вброс первой порции «завещания». Но не «Письма к съезду», как иногда считают, а статьи «К вопросу о национальностях и «автономизации», бичующей Сталина, Орджоникидзе, Дзержинского. Через Фотиеву она попала в Политбюро. И все же сторонники Троцкого просчитались. Впоследствии Лев Давидович утверждал, будто съезд стал его триумфом, и он со своим экономическим докладом (который считался третьим по рангу) затмил первый, политический – Зиновьева, и второй, организационный – Сталина. Документы съезда говорят обратное. Масса «серых» делегатов из вчерашних военных, рабочих, крестьян в экономических выкладках не разбиралась. Для них вопрос стоял иначе – за кем идти? А Сталин был ближе, предпочтительнее. «Бомба» со статьей тоже не сработала. Партийцы ее восприняли как анахронизм, дело прошлого. Ну а что касается обвинений в «великорусском шовинизме», то они могли придать Сталину только дополнительную популярность. Ведь на словах партийные низы были, конечно, за «интернационализм» – но неужели им на деле нравилось засилье «интернационалистов» и инородцев? XII съезд стал триумфом отнюдь не Троцкого, а Сталина.

Но если на съезде свалить его не удалось, тут же последовали новые атаки – уже иными методами, кулуарными. Внутри ЦК, внутри Политбюро. Крупская неожиданно «вспомнила», что у нее имеется еще одна важная работа Ленина. Та, что потом была названа «Письмом к съезду» – хотя ее вбросили в политический обиход после съезда[157]. А в июле-августе 1923 г. был нанесен следующий удар. В период отпусков Зиновьев, его помощник Евдокимов, Бухарин, троцкист Лашевич – командующий Сибирским военным округом,

собрались под видом пикника в пещере под Кисловодском. В «пещерном совещании» участвовал также Ворошилов, но откrestился от решений, которые там принимались. Были приглашены, но не приехали Фрунзе и Орджоникидзе. В это время на Кавказе находился и Троцкий. На совещании его не было, но нетрудно заметить, что собравшиеся действовали в его пользу.

Были выработаны требования реорганизовать партийное руководство. Либо отобрать у Секретариата ЦК функции управления, сделать его чисто служебным органом по пересылке бумаг, либо ввести в Секретариат Троцкого и Зиновьева – нейтрализуя Сталина. Иосифу Виссарионовичу послали письмо, фактически ультиматум. И в нем впервые упоминалось «письмо о секретаре» – ленинская диктовка от 4 января, та самая, где Владимир Ильич требовал сместить Сталина с поста генсека. Теперь Иосифа Виссарионовича шантажировали этим документом. Кроме Зиновьева, Бухарина и Троцкого в заговоре наверняка участвовала Крупская – письмо могло попасть к участникам «пещерного совещания» только через нее. А Каменев в данный период оставался в Москве со Сталиным, вроде бы принял его сторону, отыскивая компромиссы. Но, учитывая его связи с Троцким и Крупской, смело можно предположить, что и он играл в заговоре свою роль. Советчик Сталина, который в нужный момент подведет...

Это был один из самых опасных моментов для власти Иосифа Виссарионовича. Он лавировал, выражал готовность пойти на уступки. И схитрил. Договорились ввести Зиновьева, Троцкого, Бухарина не в Секретариат, а в Оргбюро. Формально Сталин «поделится» властью, но Оргбюро ведало не ключевыми вопросами, а всевозможной «текучкой».

Однако интриги верхушечной борьбы заслонили собой международные события. В Германии разразился жесточайший экономический и политический кризис. Курс марки обвалился в тысячу раз, промышленность была парализована, заводы останавливались. Налицо была «революционная ситуация», которую ждали большевики. И Троцкий загорелся. На заседаниях Политбюро доказывал, что наступил момент «поставить на карту все» – то бишь само существование советского государства[7]. Строил планы, что нужно раздуть революцию у немцев, Англия и Франция, конечно, не будут сидеть сложа руки, двинут на Германию войска. СССР поддержит революцию, тут-то и произойдет решающее сражение.

А при этом сам Троцкий автоматически выдвигался на роль даже не российского, а уже общеевропейского вождя! Тут уж все интриги вокруг реорганизации партийных органов просто теряли смысл. Но и спорить с идеей «мировой революции» было нельзя, она оставалась краеугольным камнем марксизма-ленинизма. Политбюро проголосовало «за». В Германию направлялись колоссальные средства, поехали десятки тысяч активистов Коминтерна, агентов, инструкторов. Представители Наркомата иностранных дел вели секретные переговоры с Польшей о пропуске красных войск через ее территорию – за что ей обещали отдать Восточную Пруссию[15]. Впрочем, большевики держали «камень за пазухой». Тайно было решено, что и Польшу надо «революционизировать». В ней началась полоса терактов, стачек, забастовок. Коминтерну была дана команда начинать революцию и в Болгарии[145]. Троцкий уже видел себя новым Бонапартом. Подчиненные ему дивизии выдвигались к западным границам.

Но Сталин рисковать Советским Союзом ради призрачных «мировых» целей вовсе не желал. И тем более не желал ввязываться в европейскую драку ради амбиций и возвышения Троцкого. Однако в данном случае противником Льва Давидовича стал не только Сталин. Его действия противоречили и планам... «мировой закулисы»! Революция в Германии требовалась ей в 1918 г., чтобы выиграть войну, но не в 1923 г. Западные финансовые магнаты уже получили свое, они хотели спокойно «переваривать» плоды достигнутых успехов и грести прибыли.

Троцкий перешел дорожку своим хозяевам. И стоит ли удивляться, что в бурной деятельности по подготовке европейского пожара вдруг пошли сплошные сбои, накладки? А Каменев, Зиновьев, Бухарин переметнулись теперь на сторону Сталина, и в решающий момент Политбюро приняло постановление, что подготовку закончить не успели, революционную ситуацию в Германии переоценили, поэтому шансов на успех нет[7]. Восстание было отменено.

Троцкого срыв таких блестящих перспектив привел в бешенство. Он обвинял Сталина и других членов Политбюро в трусости, в политических ошибках. Злость подтолкнула его к активным действиям, и он ринулся в схватку. Идейным знаменем кампании стало противопоставление «бюрократов» и «революционеров». Утверждалось, что «бюрократы» оторвались от партии, предают революцию и ведут ее к «термидору» (большевики часто употребляли сравнения с Французской революцией, а «термидор» – это ее перерождение, переворот, когда буржуазная Директория свергла и уничтожила якобинцев). И чтобы избежать этого, Троцкий требовал расширения партийной демократии. Правда, в устах Льва Давидовича, всегла проявлявшего себя крутым диктатором, призыв к «демократии» звучал абсурдно, но какая разница?

Атака развернулась в Москве и Питере, где сосредоточилось значительное количество «интернационалистов», а антибюрократические лозунги позволяли привлечь на свою сторону часть мелких партийцев, недовольных своим положением, молодежь. Троцкисты вели агитацию мощно, горлопанисто. Использовали ленинское «завещание», ходившее в списках. И в общем-то натиск имел все шансы на успех, если бы... расклад в «верхах» оставался таким же, как в августе. Однако после германской авантюры те же самые эмиссары зарубежной «закулисы», которые прежде действовали против Сталина, изменили свою позицию на 180 градусов – против Троцкого. Те же Зиновьев, Каменев, Бухарин выступили против него единым фронтом со сталинистами.

И подловили Льва Давидовича очень просто. Сделали вид, будто соглашаются с его требованиями. Демократии желаете? Пожалуйста. Была объявлена общепартийная дискуссия. Троцкий вдохновился, выпустил брошюру «Новый курс». И попался. Из его брошюры можно было дергать цитаты и бить его же. Даже название «новый курс» можно было трактовать как иной, не ленинский. Льву Давидовичу припомнили прежние разногласия с Владимиром Ильичем, на него обрушилась вся пресса. А раз дискуссию объявили общепартийную, значит, участвовали в ней не только столицы, а провинция, где позиции Троцкого были чрезвычайно слабыми. Итоги дискуссии должна была подвести XIII партконференция, открывшаяся 16 января 1924 г. Но задолго до ее начала стало ясно, что Лев Давидович проиграл. И на конференцию он предпочел не явиться, сослался на болезнь. А его сторонников разгромили подчистую, заклеив трюкизм как «ревизионизм» и «антиленинский уклонизм».

Ну а дальше происходит весьма загадочная история. 18 января, в день закрытия конференции, Троцкий неожиданно срывается с места и уезжает в Абхазию, якобы лечиться и отдыхать. А 21 января умирает Ленин.... Отметим, что о состоянии здоровья Владимира Ильича Троцкий не мог не знать. Его личный врач Федор Гетье входил в число докторов, обслуживающих больного вождя. 18 января, в день отъезда, Гетье дважды посетил Троцкого. А о смерти Ленина Лев Давидович узнает, доехав до Тифлиса. Однако на похороны он не возвращается, отправляет по телеграфу некролог и продолжает путь в Сухум...

Позже в своих воспоминаниях он напишет, что против него составил «заговор», причем в качестве «предателей» и «заговорщиков» будет клеймить не столько Сталина, сколько... Каменева и Зиновьева (что само по себе интересно). Троцкий будет утверждать, что «заговорщики» его преднамеренно обманули, сообщили ему: «Похороны в субботу, все равно не успеете, советуем продолжать лечение». А на самом деле похороны были в вос-

кресенье, мог бы и успеть[182]. Это откровенная ложь. Обратите внимание, Троцкий оперирует не числами, а днями недели. Потому что если взять числа, сразу видна нестыковка. От Москвы до Тифлиса он ехал с 18 до 21 января – три дня. А похороны Ленина состоялись 27-го. Даже если ему солгали и назвали 26-е, до них оставалось 5 суток! Он успевал в любом случае. Выходит, сам не захотел.

Уже в 1940 г. Троцкий выдвинул новые обвинения, опубликовал в американской газете «Либерти» статью «Сверхборджиа в Кремле». Ссылаясь на Федора Гетье, писал, что Ленин быстро поправлялся, вскоре мог вернуться к делам, и тогда туго пришлось бы Сталину. Но Владимир Ильич был отравлен. А его, Троцкого, обманули насчет срока похорон, чтобы он не сумел провести расследование. Конечно, все это тоже ложь. Об улучшении здоровья Ленина нам известно лишь из одного источника, от самого Троцкого. И озвучил он свои обвинения лишь тогда, когда не было в живых Гетье, Крупской, и никого из тех лиц, на кого он ссылается, кто будто бы мог подтвердить его слова. Все данные биографической хроники Ленина, журнала врачей, воспоминания профессоров, лечивших его, показывают, что «улучшение» было весьма относительным. Ленин даже не научился говорить, мог лишь повторять слова, вспоминать их по надписям и картинкам. А с октября 1923 г. снова пошло ухудшение.

В таком состоянии Владимир Ильич не мог представлять угрозы ни для Сталина, ни для кого бы то ни было. А вот на обвинениях в насильственной смерти можно было сыграть. И такая попытка действительно имела место! Как уже отмечалось, после первого инсульта у Ленина возникла мысль о самоубийстве. Возвращался он к этой идее и в декабре, после второго приступа, просил Фотиеву достать яд. А 17 марта, после третьего инсульта, Крупская неожиданно обратилась к Сталину. Дескать, Ленин требует дать ему яд, и сделать это должен именно Иосиф Виссарионович[180]. Между прочим, по «Журналу дежурных врачей» видно, что никаких просьб 17 марта Ленин высказать не мог! Он в этот день только мычал. Значит, инициатива исходила не от него, а от самой Крупской. Но Сталин на удочку не попался. В тот же день, 17 марта, он направил записку Каменеву и Зиновьеву, а 21 марта еще одну, всему Политбюро, извещая о случившемся. Сообщал, что Крупская настаивала на том, чтобы дать Ленину яд, но он, Сталин, отказался выполнять подобное пожелание. И Политбюро (в том числе Троцкий) одобрило его действия[84, 180].

Могли ли Ленину «поспособствовать» уйти из жизни? Полностью исключать подобную вероятность нельзя. Но в январе 1924 г. отравление было для этого совсем не обязательным. Достаточно было очередной нервной встряски. И она, скорее всего, имела место. Почему-то исследователи не обращают внимания на еще один известный факт. 19-20 января Крупская читала мужу решения XIII партконференции[208]. Конференция, разгромившей троцкизм – а читала женщина, горячо симпатизировавшая Троцкому. Ну как тут было не выплеснуться эмоциям? Не прокомментировать по-своему?

Когда же вождя не стало, у Льва Давидовича открылись возможности для очень крупной игры. У него имелся такой козырь, как «политическое завещание». У него была армия. И действительно, она могла стать орудием переворота. Начальник политуправления Красной армии Антонов-Овсеенко развернул троцкистскую агитацию в частях, назначил на февраль партконференции в военных училищах. Прозрачно намекал, что «армия может стать гарантом единства партии» и «призовет к порядку зарвавшихся вождей». Сторону Троцкого твердо держал командующий войсками Московского округа Муралов. И доклады ГПУ свидетельствовали о брожении в училищах, частях Московского гарнизона, о разговорах насчет выступления в поддержку своего наркома. Из Смоленска прикатил в Москву командующий Западным фронтом Тухачевский. Он вел переговоры с обеими сторонами – и с противниками Льва Давидовича, и с троцкистами Антоновым-Овсеенко, Пятаковым, Радеком. Зондировал, кого выгоднее поддержать, кто больше посулит[208].

Но сам Троцкий так и не появился, оставался на Кавказе. Почему? Напрашивается версия, что он хотел остаться в стороне от переворота. Как бы ни при чем. Ведь и раньше при покровительстве зарубежных хозяев все преподносилось ему готовым, «на блюде». Кто-то без него даст команду. Сработают нужные пружины, а он выждет развития событий – и его «призовут на царство». Однако на этот раз никто никакой команды не дал, и даже попытки переворота не последовало.

А отсутствие Троцкого обеспечило свободу рук Сталину. Он мог действовать без помех. Прошли пышные похороны Ленина. На II съезде Советов СССР Иосиф Виссарионович принес торжественную «Клятву ученика учителю» – тем самым уже принимая на себя верховную власть. Ну а Троцкого Сталин и его временные союзники обезвредили очень просто. Учили, что сам он никогда не занимался вопросами практического руководства – только блистал, позировал, раздавал указания. А конкретную работу за него везли серенькие, неприметные подручные. В частности, управление войсками замыкалось на заместителя наркома Склянского. Фигура Троцкого была слишком крупной, попытка низвергнуть ее грозила серьезными проблемами. Но Сталин и не стал этого делать – сместили Склянского. Простым рабочим решением Политбюро перевели его в ВСНХ, а на его место назначили Фрунзе, популярного в армии и давно враждовавшего с Троцким. И все. Лев Давидович, сохранив пост наркома, стал «Бонапартом без армии». Сняли с должности и Антонова-Овсеенко. А Западный фронт Тухачевского расформировали – войны-то не было, и во фронтовой структуре отпала нужда.

Но во всех этих событиях прослеживается участие не только российских сил. Троцкий пал из-за того, что от него отвернулись его прежние покровители. Он слишком занесся, стал неуправляемым и опасным. Что же касается Сталина, то зарубежные могущественные «бесы» сочли его деятелем недалеким, недостаточно опытным. Был послушным орудием Ленина – а без Ленина его станет «подправлять» и регулировать окружение. В данный период «закулису» вполне устраивало и то, что Сталин был сторонником построения социализма в одной стране. Пусть строит! Пусть Россия, не угрожая спокойствию Запада, сама себя доламывает социальными экспериментами. А выгоды от этого все равно достанутся иностранцам.

Запад и антисоветчина

В Западной Европе в 1920-е гг. жизнь бурлила. Она переживала промышленный бум. Восстанавливалось хозяйство, подорванное войной. Местные воротилы реализовывали прибыли, полученные на армейских поставках и спекуляциях. Открывались новые фирмы, банки, строились предприятия. Военные заводы перешли на выпуск мирной продукции и заваливали рынок самыми современными по тому времени товарами – телефонами, радио-приемниками, холодильниками, автомобилями. Бум, как это бывает, породил и кружил всевозможную «пену»: маклеров, деляг, жулье. Увеличивалось население городов. Война оторвала миллионы людей от привычных занятий, и далеко не все могли, да и хотели, возвращаться к прежним профессиям. В центры «цивилизации», где жизнь казалась богаче и ярче, текли эмигранты – русские, итальянцы, поляки, болгары, сербы.

Европейская «закулиса», оказавшаяся главной победительницей в войне, вовсю пере-страивала жизнь на свой вкус, для своего удобства. Менялись моды, вкусы, нравы. И не только в России, но и на Западе крушилась христианская мораль. Разве что не силовыми методами. Широко пропагандировалось, что надо вознаградить себя за перенесенные лишения, страхи, «затягивание поясов». Что если уж уцелели в боине, надо пользоваться всеми доступными благами. Веселись, пока живется. Европа расцвела огнями реклам, увеселительных заведений и зланных мест на любой вкус и достаток. А средства массовой информации поддерживали соответствующий настрой, возводили удовольствия в главный смысл существования.

Если раньше «свободная любовь» процветала, но все же считалась делом неприличным, солидные обыватели смотрели на нее косо – то теперь она становилась нормой. Тем более, что миллионы мужчин погибли или были покалечены, женщин хватало в «избытке». Раньше только во Франции канканировали полуголые девицы, и это считалось очень «смелым», необычным, местной достопримечательностью. Теперь эротические клубы, театрики, варьете открывались в разных городах и странах, тешили публику косяками обнаженных тел, а в закрытых заведениях любители могли получить самые острые «изыски». Остатки христианской нравственности захлестывали и растворяли фрейдизм, экзистенциализм, неоязычество, антропософия и прочие «модные» теории. Классическую музыку забивал гром новых ритмов. На живопись и скульптуру обрушилась волна абстракции. Литература полезла в темные «глубины подсознания».

Сместились и прежние политические ориентиры. Франция все еще цеплялась за роль мирового «культурного» центра, европейского политического лидера. Хотя позиции ее значительно ослабли, ей все чаще приходилось пристраиваться в фарватере Англии. До войны основой французских международных игр был альянс с Россией. Теперь столь мощного партнера не было. И чтобы компенсировать это, Париж стал создавать «Малую Антанту» – взял под покровительство Польшу, Чехословакию, Румынию, которых, как считалось, можно использовать и против Советского Союза, и против Германии.

Разбогатели и расцвели страны, сохранявшие в войне нейтралитет: Голландия, Дания, Швеция, Швейцария. А Италия надорвалась. Коррупция власти, злоупотребления, экономические кризисы, разгул криминальных группировок привели к фашистской революции Муссолини, и он на первых порах довольно деятельно взялся наводить порядок. Англия в начале XX в. была главной конкуренткой и соперницей России – сейчас наша страна для нее опасности не представляла, и Британия громче всех выступала за расширение экономических и торговых связей с СССР. Потенциальной соперницей в Лондоне видели Францию – она по-прежнему считалась стратегической союзницей, но ее усиления англичане не желали и тайне играли против нее. Пусть и дальше остается «в хвосте» британской политики.

Ну а для Советского Союза главным стратегическим партнером стала Германия. Для немцев налаживание отношений с русскими было выходом из политической и экономической изоляции, в которой они очутились после поражения. Победители держали Германию на положении государства «второго сорта», стремились унижить на каждой международной конференции. Франция, понесшая наибольшие потери, наседала и давила на Берлин, выжимая огромные репарации. Когда кризис 1923 г. помешал немцам платить их, французы попытались в счет долга отобрать Саар и Рур, оккупировав их своими войсками. Аннексировать их помешали только англичане. Чувствуя заступничество Парижа, нагнали поляки, предъявляя к Германии претензии.

И немцы опасались, что западные державы могут в один прекрасный момент попросту разделить их страну, как позже разделили Чехословакию. А демилитаризация Германии, сокращение ее вооруженных сил делали ее беззащитной даже против Польши. Советский Союз в подобной ситуации выглядел естественным союзником. Но и для пребывающей в разлуке России сотрудничество с Берлином выглядело выгодным. Контакты установились и экономические, и торговые, и военные. В 1922 г. был заключен Рапальский договор, восстановивший в полном объеме дипломатические связи. Причем нелишне отметить, что германским послом в Москве стал граф Брокдорф-Ранцау, который во время войны являлся послом в Дании – и курировал созданный в Копенгагене главный штаб Парвуса по подрывной работе против России, распределял финансы для революционеров, в том числе большевиков.

СССР помогал немцам обойти ограничения Версала. В Москве открылось неофициальное представительство германского рейхсвера, фирма ВИКО («Виртшафсконтор» – «Экономическая контора»). На советской территории были созданы совместные центры по обучению личного состава и испытаниям боевой техники – авиационный в Липецке, для танковых войск под Казанью, для химических войск под Саратовом. Германских офицеров принимали в советские училища и академии, проводились консультации командования Красной армии и рейхсвера, русские и немцы приглашали друг друга на маневры, учения.

С фирмой «Юнкерс» было заключено соглашение о создании авиазаводов в Филях и Харькове, они должны были стать совместными, в них участвовало и правительство Германии, вложившее 600 млн. марок. Велись переговоры о создании в России других военных предприятий – с германской фирмой «Альбатрос», промышленниками Бломом и Фоссом и др. С Крупном договаривались о совместном строительстве завода боеприпасов[57].

Впрочем, столь тесная «дружба» объяснялась не только совпадением интересов Германии и Советского Союза. Она совпадала и с интересами американской «закулисы». Бизнесмены США всячески внедрялись в советскую экономику и рынок, не желая проникновения в эти сферы британских и французских конкурентов. Помогли Москве выгнать и японцев – в 1922 г. на Вашингтонской конференции США, привлекая в союзники англичан, надели на Токио, добившись решения о выводе японских войск с Дальнего Востока. Но униженную и разгромленную Германию американцы не считали серьезной соперницей. Наоборот, она представлялась хорошим противовесом Британии и Франции. Вот и пусть Москва лучше сближается не с ними, а с Берлином.

Что же касается русских эмигрантов, то их положение в «веселой» Европе оставалось совсем не веселым. Бедствовали, устраивались на черных работах. Тем не менее противники большевиков не сложили оружия. Пытались продолжать борьбу хотя бы партизанскими, подпольными, террористическими методами. Но реальные ее успехи были практически нулевыми. Врангелевцы, Братство русской правды и другие организации засылали в Советский Союз группы офицеров, однако их сразу же вылавливали чекисты, уничтожали красноармейцы. А на большее возможностей у белогвардейцев не хватало.

В мае 1923 г. в Швейцарии сотрудниками Российского Красного Креста Конради и Полуниным был убит дипломат В.В. Воровский. Террористы выступали как одиночки, хотя на самом деле за ними стояли группировка А.И. Гучкова. Главной целью было устроить сенсационный судебный процесс, к делу подключили прекрасных адвокатов во главе с Т. Обером. И защита превратилась в обвинение большевиков. В ходе заседаний были представлены многочисленные свидетели и документальные доказательства зверств и преступлений во время гражданской войны. (На основе этих доказательств появились знаменитая работа С.П. Мельгунова «Красный террор в России» [105], книга Н.Д. Жевахова [58], ряд публикаций в прессе). Обвиняемые были с триумфом оправданы. Но толку было немного. Процесс Конради и Полунина стал не более чем однодневной сенсацией. После чего зарубежная пресса постаралась «затереть» информацию, переключив внимание читателей на другие темы. А западные правительства предпочли «не обратить внимания» на материалы процесса.

И все же у антисоветских эмигрантских организаций находились спонсоры, покровители. Но здесь можно выделить четкую закономерность. Всевозможные «левые» и «демократические» группировки получали помощь гораздо легче (а финансирование щедрее), чем монархисты и патриоты, а сепаратисты и националисты – чем сторонники «единой и неделимой». И причина в общем-то понятна. Запад оставался врагом России. Не «красной», не «белой», а России как таковой. Он признал Советское правительство, торговал с ним, однако вовсе не стал другом большевиков. Их всего лишь использовали для разрушения нашей державы, для откачки ее богатств. А если при этом возникала возможность добавить Советскому правительству дополнительные трудности, внести дестабилизацию, почему бы и нет? Но без масштабной гражданской войны, в которой большевики могут пасть, без образования фронтов, которые помешают иностранным державам торговать и получать концессии – а в «тлеющем» режиме.

И если Врангелю ставили палки в колеса, а монархические организации влачили жалкое существование, то Керенские, Милюковы, Гучковы и прочие деятели, поучаствовавшие в развале Российской империи, подобных трудностей избегали. Их приглашали на преподавательскую работу, давали хорошо оплачиваемые должности в зарубежных общественных организациях. Их газеты и журналы выходили более солидными тиражами, чем монархические и белогвардейские, могли платить авторам гонорары, сотрудники редакций получали оклады, вполне достаточные для жизни.

Действенную помощь получил масон Б.В. Савинков. Причем главным его покровителем стал Сидней Рейли. Этот шпион и бизнесмен «одной рукой» проворачивал тайные сделки с Москвой, служил для Троцкого и Вениамина Свердлова маклером по перепродаже русских ценностей, а «другой рукой» взялся организовывать подрывную работу против Советской России. Рейли вел переговоры в Англии и Америке, доставая деньги, обеспечил Савинкову связи с военным министерством Польши, с советником президента Чехословакии Масарика доктором Крамаржем, установил контакты с Черчиллем, Муссолини. «Народный Союз Защиты Родины и Свободы» (НСЗРиС), созданный Савинковым, по своим программным установкам вполне устраивал западные державы, поскольку провозглашал борьбу за «третью, новую Россию» и заведомо ориентировался на «инострannую помощь».

Поддержку получил и масон Н.В. Чайковский, организовавший свой «Центр действия». А еще один масон, Гучков, после процесса над Конради и Полуниным создал вместе с адвокатом Обером «Лигу борьбы с Третьим Интернационалом» (или «Лигу Обера»). В нее вошли многие политические деятели, секции «Лиги» образовались в 17 странах, проводились международные конференции. Очень активную деятельность вели меньшевики и отколовшаяся от эсеров группировка «Крестьянская Россия», позже провозгласившая себя Трудовой крестьянской партией (ТКП). И, опять же, лидеры этих организаций оказывались

связаны с масонством. Эмигрируя из Советской России, они оставили там свои подпольные центры, имели большое влияние на «спецов» – интеллигенцию, пошедшую на службу большевикам.

Естественно, такая работа была невозможной без содействия иностранных спецслужб. Неужели польские, румынские или финские жандармы могли не заметить курьеров, связанных, пересекающих границу? Неужели трудно было обнаружить базы, через которые поддерживалась связь? Но никакого противодействия не оказывалось. И ясное дело, за подобное сотрудничество требовалось расплачиваться добытыми разведанными или иными способами... С территории Польши и Румынии действовали и украинские сепаратисты Тютюнника, Коновальца. А покровительницей Польши и Румынии была Франция. Стоило ей нажать на правительства этих стран, и они спорить не стали бы и антисоветскую деятельность пресекли бы. Но нет, Франция не нажимала.

Участвовала в этой деятельности и Англия. Она не оставляла без внимания Среднюю Азию, «подкармливая» деньгами и оружием басмачей. Британцы взяли под покровительство и армянских дашнаков, азербайджанских мусаватистов. Дашнаки также поддерживались из Америки через армянскую диаспору. Отметим, что и Польша приняла горячее «участие» в судьбах кавказских националистов – хотя ее столь отдаленный и не связанный с ней регион, казалось бы, ну никак не мог интересовать. Поляки финансировали грузинских меньшевиков, дашнаков, мусаватистов, северокавказский «горский комитет». Создали течение «прометеизма» – некоего обобщенного антироссийского сепаратизма, получившего название по журналу «Прометей». Он выходил в Польше, на польские деньги, а сотрудничали в нем украинцы, азербайджанцы, татары. Впрочем, о «польских деньгах» здесь можно говорить только условно. Так же, как о «германском золоте» для большевиков. Понятное дело, что поляки выступали лишь прикрытием для операций более могущественных держав.

И вторгались через границу отряды савинковцев, тютюнниковцев, кавказцев, басмачей. Засылалась в Советский Союз литература, агентура, создававшая обширные подпольные структуры в разных городах. Результаты такой борьбы были сомнительными. Антисоветским отрядам приходилось избегать столкновений с крупными силами красных. Рейдировали по деревням – там убьют несколько красноармейцев или милиционеров, там разгромят сельсовет. Массовой народной поддержки эти налеты не получали. Народ устал от бесконечной войны, желал жить спокойно. «Гостям» из-за рубежа требовалось самим снабжать себя, что выливалось в грабежи...

Ну а подпольные антисоветские организации оказались недолговечными. В распоряжении большевиков имелась огромная карательная машина, широкие сети осведомителей. А бывшие офицеры, чиновники, интеллигенты, вовлеченные в эту деятельность, были неопытными и никудышными конспираторами. К ней подключались и всякого рода авантюристы, сомнительные и случайные элементы, которые изменяли, перекупались, перевербовывались под угрозой смерти. В 1921-1925 гг. чекистами были раскрыты многочисленные отделения НСЗРиС в России, Белоруссии, на Украине, подполье анархистов, эсеров, «Центра действия», «Всеукраинского повстанческого комитета» Тютюнника и Петлюры[42]. Тысячи арестованных подпольщиков, их родственников, знакомых, захваченных под гребенку случайных лиц отправлялись на расстрелы, в тюрьмы, лагеря. А после налетов антисоветских отрядов из-за рубежа следовали карательные экспедиции красных – с казнями, обысками, выявлением «сочувствующих» и «пособников».

Но какое дело было до этого зарубежным кругам, подпитывавшим антисоветскую борьбу? Ведь кровь лилась русская. И лилась она руками русских. Поддерживался раскол народа, провоцировался террор, нагнеталось озлобление, дополнялись взаимные счеты. В общем, точно так же, как на Российскую империю нацеливалась с Запада «советчина», так на Советскую Россию пошла «антисоветчина». Опять с Запада! И инициировалась она теми же

самыми силами «мировой закулисы», которые прежде делали ставку на «советчину». Идеологический знак сменился на противоположный, но дело-то было совершенно не в этом. Главная цель осталась прежней. Расшатывание и ослабление России.

«Веселый» нэп

В 1920-х «весело» выглядела не только Европа. Расцвет нэпа в России тоже принято изображать бурным, сочным, радужным. В городах открывались рестораны, кафе. Зазывали публику смелыми постановками театры. С посвистом мчались извозчики-лихачи, развозя «с ветерком» респектабельную публику. Важно фырчали моторами автомобили, перемещая по улицам публику еще более значимую. Гремели оркестрики и модные джазы. Томно дымили папиросками в длинных мундштуках и закатывали глаза женщины-вамп в мехах и немыслимых шляпках. А вокруг них увивались бойкие мужчины в канотье... И труды демократических авторов изображают «благословенный» нэп золотым периодом советской истории. Дескать, стоило только допустить свободу предпринимательства, как в народе сразу выдвинулись деловые люди – нэпманы, которые накормили страну, вывели ее из разрухи, подняли общее благосостояние.

К действительности подобные утверждения никакого отношения не имеют. Промышленность восстанавливалась не нэпманами, а государством, и дело шло очень туго. К 1924 г. уровень производства достиг только 39 % по отношению к уровню 1913 г. (а в 1916 г. он был еще выше, чем в 1913 г.). Да и эти цифры, вероятно, подтасовывались для отчетности. Оборудование заводов и фабрик морально устарело, было изношено и запущено. Восстанавливалось то, что можно было запустить побыстрее и с минимальными затратами. Или отпартовать побыстрее. Ради выпуска хоть какой-то продукции упрощались технологии, и производились товары низкого качества. Но и их не хватало. Чекист Агабеков в своих мемуарах пишет о традиции, существовавшей в *центральной аппарате ОГПУ* – сотрудники, направляемые за границу, раздаривали или продавали сослуживцам часы, костюмы, ручки и т. п., поскольку за рубежом могли купить все это запросто, а в СССР достать было негде[2].

Чтобы предприятия приносили хоть какую-то прибыль, зарплата рабочих оставалась крайне низкой, жили впроголодь. Но и это почиталось за счастье, поскольку в стране царил безработица. Подавляющее большинство городского населения обитало в трущобах коммуналок. Нелегко доводилось и крестьянам. Сельхозналог, заменивший продразверстку, был весьма высоким. А то, что оставалось после его сдачи, – куда было девать? Самому везти на базар и продавать? Это могли не все. Купить сельскохозяйственную технику было негде. Да и кто мог бы себе это позволить? Деревенская община начала разрушаться еще при Столыпине, революция довершила данный процесс. Крестьяне в поте лица ковырялись на клочках поделенной земли с лошаденкой, с примитивной сохой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.